

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1885.

СЕНТЯБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Рѣчь къ студентамъ Харьковскаго Технологическаго Института, предъ его открытіемъ, 15 сентября 1885 года. Преосвященнаго Амвросія	347—353
Архіепископъ Иннокентій Борисовъ. Біографическій очеркъ (продолженіе). Святи. Т. Бутевича	354—382
Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета (Дроздова) вполсѣдствіи митрополита Московскаго (1809 - 1819) (продолженіе). И. Корсунскаго	383—415

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Безсмертіе души (продолженіе). Профессора Московской духовной академіи В. Кудрявцева	259—276
Сущность и происхожденіе философіи Іоанна Снота Эригены (окончаніе). Доцента Московской академіи І. Татарскаго	277—294
Письма философа Сенеки (продолженіе). " * "	295—302

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Опредѣленіе Святейшаго Синода.—Указъ Святейшаго Правительствующаго Синода о совершеніи въ обычное время предъ окончаніемъ Литургіи установленныхъ въ храмахъ „въ педѣлю о слѣпыхъ“ сборовъ пожертвованій въ пользу Маріинскаго попечительства для слѣпыхъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ совѣта Харьковскаго женскаго епархіальнаго училища.—Отъ правленія Купянскаго духовнаго училища.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, ПЪЕМЦКАЯ № 26.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЪ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ своего приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ, Московская, № 7; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова; въ Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлый 1884 годъ, по прежней цѣнѣ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Пістаті уооѣцзг.

Въ рою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ. Октября 1 дня 1885 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

Р Ъ Ч Ъ

Преосвященнаго Амвросія Епископа Харьковскаго

къ студентамъ Харьковскаго Технологическаго Института,
предъ его открытіемъ, 15 Сентября 1885 года.

Милостивые Государии!

Исполнивъ обязанность молитвеннаго освященія и благословенія вашего новооткрываемаго Института, я желалъ-бы напутствовать васъ на вашу новую дѣятельность и добрымъ совѣтомъ, конечно, не отъ моей скудости, а отъ богатства божественнаго откровенія.

Мнѣ кажется приличнымъ настоящему случаю наставленіе древняго библейскаго мудреца Исуса сына Сирахова, изъ 3 главы его книги: *высшихъ себе не ищи и крѣпльшихъ себе не испытуй: яже ти повелѣна—сія разумвай* (Сир. 3. 21—22).

Въ наше время наука вошла въ противорѣчіе сама съ собою: въ дѣлѣ естествознанія мы ищемъ немедленнаго приложенія научныхъ познаній и открытій къ практической жизни, —выставляемъ девизомъ подобныхъ вашему учрежденій: „знаніе для жизни“. Но когда дѣло касается познаній чисто раціональнаго характера, выходящихъ за предѣлы естествознанія, мы выставляемъ

другой девизъ: „знаніе для знанія“. Такимъ образомъ въ естествознаніи мы имѣемъ возможность повѣрять познанія опытомъ и строго отличать положительную истину отъ гипотезы и твердую мысль отъ смѣлой мечты; во второй-же половинѣ знанія, какъ на примѣръ въ области богословской и философской, мы почитаемъ себя вправѣ подниматься всеми способами на высоту созерцанія и стараемся тамъ утвердиться только силою разсудочнаго убѣжденія, не заботясь о строгой практической провѣркѣ своихъ воззрѣній и, такимъ образомъ, какъ-бы возводимъ многоэтажныя зданія, не справляясь съ твердостью ихъ устоевъ и съ законами архитектуры. Отъ того и падаютъ на нашихъ глазахъ смѣлыя отвлеченно-научныя построенія. Именно на этотъ недостатокъ, такъ часто обнаруживавшійся въ исторіи отвлеченнаго человѣческаго знанія, и указываетъ древній мудрецъ: онъ даетъ понять, что жизнь дѣйствительная, практическая, непременно слѣдуетъ за разумомъ и въ высшія области человѣческаго вѣдѣнія, чисто духовныя и созерцательныя, — что и тамъ всякое открытіе, всякая новая идея должны быть провѣряемы приложеніемъ къ дѣлу и соображеніями относительно исполнимости и благотворности новыхъ ученій: *„высшихъ себе не щуй и крѣпльшихъ себе не испытуй: я же ти повелѣна — сія разумѣвай“*.

Чтобы свободные мыслители не приняли наставленія древняго мудреца за совѣтъ простаго старца-практика, не искуснаго въ дѣлѣ научнаго знанія, онъ въ той-же главѣ своей книги подкрѣпляетъ свою мысль такими замѣчаніями, которыя заслуживаютъ полнаго вниманія самыхъ глубокихъ и крѣпкихъ мыслителей.

Яже ти повелѣна — сія разумѣвай, т. е. „что заповѣдано тебѣ, о томъ размышляй“. Что-же намъ заповѣдано? и къ-мъ заповѣдано? Какія ни имѣйте вы убѣж-

денія, во что ни вѣруйте, кого ни признавайте виновникомъ своего бытія,—при наблюденіи за собою и своею жизнью, вы увидите, что нѣкоторою высшею Волею очень многое вамъ заповѣдано, что высокое назначеніе вамъ дано, что строгіе законы вамъ предписаны. Вы увидите, что за пренебреженіе къ своему назначенію вы падаете съ высоты человѣческаго достоинства, за нарушеніе законовъ природы вы теряете здоровье и силы, за невниманіе къ законамъ общежитія вы вносите въ общество разстройство и бѣдствія. При такомъ самоиспытаніи вы услышите голосъ вашего сердца и совѣсти, услышите голосъ исторіи и видимой природы: все скажетъ вамъ, что вы по душѣ своей не здѣшняго земнаго, животнаго происхожденія, что Отецъ вашъ—Богъ, что назначеніе ваше—вѣчность, что достоинство ваше—въ вѣрности этому призванію, въ нравственной чистотѣ и возвышенности стремленій, что обязанности ваши въ справедливости, честности, любви, благожелательствѣ и мирномъ дѣланіи для себя и другихъ. Поставивъ мыслителя на эту точку зрѣнія, мудрецъ говоритъ: „при многихъ занятіяхъ твоихъ о лишнемъ не заботься: тебѣ открыто очень много изъ человѣческаго знанія“ (23).

Но не стѣсняетъ-ли древній мудрецъ нашего ума этимъ направленіемъ насъ къ нравственной практической жизни? Не отнимаетъ-ли у насъ столь дорогаго для насъ стремленія къ познанію истины, столь высокаго наслажденія наукою и ея успѣхами? Нѣтъ; онъ только указываетъ путь къ высшему знанію не въ нареніи мыслей, не въ произвольныхъ построеніяхъ ума отвлеченнаго отъ дѣйствительности, а въ нашемъ всестороннемъ усовершенствованіи, укрѣпляющемъ, уравновѣшивающемъ наши силы и приводящемъ ихъ дѣятельность въ гармонію и порядокъ, соответствующій

законамъ жизни. Онъ совѣтуетъ сдерживать нашъ гордый и нетерпѣливый умъ, чтобы онъ не завлекъ нашего духа въ несвойственныя ему сферы жизни: „многихъ, говоритъ онъ, ввели въ заблужденія ихъ предположенія, и лукавыя мечты поколебали умъ ихъ“ (24). Онъ не отказываетъ намъ въ правахъ на высшее знаніе, онъ обѣщаетъ намъ великіе успѣхи въ немъ, но путемъ послушанія законамъ жизни: „тайны открываются смиреннымъ“, говоритъ онъ (19).

Но человѣкъ свободенъ. Онъ можетъ никого не слушать, не признавать никакого авторитета — ни религіи, ни исторіи, ни чужаго опыта, ни совѣтовъ великихъ людей, раньше насъ жившихъ. Онъ можетъ, какъ нынѣ любятъ говорить, прокладывать новые пути знанія и жизни. Премудрый это знаетъ. Но онъ знаетъ и то, что одинъ человѣкъ, идущій наперекоръ всѣмъ, попадетъ на кривой путь, что одинъ вѣкъ, пренебрегающій трудами вѣковъ предшествовавшихъ, не можетъ превзойти ихъ всѣ ни количествомъ дарованій, ни успѣхами знанія, ни опытами жизни. Онъ можетъ въ одномъ направленіи сдѣлать больше другихъ, какъ нашъ вѣкъ въ естествознаніи, но въ то же время несравненно большее въ сферѣ знанія оставить безъ вниманія и окажется одностороннимъ. Очевидно, что въ этомъ гордомъ стремленіи стать на высоту знанія, какой еще не видалъ міръ, много опасностей. Премудрый и говоритъ: „кто любитъ опасность, тотъ впадетъ въ нее: упорное сердце напоследокъ потерпитъ зло“ (25, 26). Посмотрите, какъ это указаніе оправдалось въ нашей жизни: мы уже и впали отъ своей гордости во многія опасности и потерѣли много зла отъ нашего „упорнаго сердца“.

Позвольте, милостивые государи, изъ этихъ общихъ мыслей сдѣлать выводы, собственно, къ вамъ относящіяся.

Разумѣвайте, яже вамъ повелѣна. Правда, никто не повелѣвалъ вамъ буквально стать на поприще технического образованія, — вы сами его избрали; но избраніе рода дѣятельности, опредѣляющее призваніе цѣлой жизни, заключаетъ въ себѣ еще большую силу обязательства, чѣмъ виѣшнее приказаніе, такъ какъ оно свободно, слѣдовательно, соображено съ вашими склонностями и зрѣло обдуманно. Не быть вѣрнымъ однажды избранному поприщу жизни и мѣнять одно на другое — значитъ не успѣть ни на одномъ изъ нихъ. Вашъ курсъ обширный, вамъ дѣла много; войдите въ него со всеѣмъ усердіемъ, берегитесь всякаго рода соблазновъ, отвлекающихъ васъ отъ дѣла и убивающихъ ваши силы, въ чемъ бы эти соблазны ни представлялись, — въ удовольствіяхъ-ли, или бесѣдахъ о предметахъ, не относящихся къ вашему прямому дѣлу. Въ несвоевременныхъ удовольствіяхъ — опасности для здоровья и успѣховъ въ дѣлѣ, а въ праздныхъ бесѣдахъ могутъ завязаться, по слову премудраго, „лукавыя мечты и поколебать умъ вашъ“.

Разумѣвайте, что техническія познанія составляютъ только приложеніе естествознанія, что само естествознаніе есть только часть человѣческаго знанія, что затѣмъ есть обширнѣйшія области знанія опытнаго и отвлеченнаго. Познанія въ избранной вами отрасли наукъ не представляютъ вамъ достаточно данныхъ для основательнаго рѣшенія высшихъ вопросовъ о судьбахъ міра, человѣческаго рода и царствъ земныхъ. Не подготовленные собственными глубокими познаніями къ основательнымъ сужденіямъ о подобныхъ предметахъ, вы будете жертвами слѣплаго довѣрія другимъ и орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Здѣсь много для васъ опасностей. Не порывайтесь въ высоты, на которыхъ устоять не можете, не поднимайте тяжести не по си-

ламъ. Вспоминайте слово премудраго: *высшихъ себе не щижь и крѣпкихъ себе не испытуй* и „кто любитъ опасность, тотъ впадаетъ въ нее“. Идите путемъ святой нашей вѣры, уставовъ Церкви, отечественныхъ законовъ, оградите себя отъ чуждыхъ вліяній любовію къ отечеству и его завѣтнымъ преданіямъ, ревностію объ его чести и истинномъ преуспѣяніи, — и принесете ему дѣйствительную пользу, а себѣ приобрѣтете честь истинно полезныхъ гражданъ.

Разумъвайте, что ваше призваніе — трудиться въ средѣ простаго православнаго русскаго народа. Наука ваша имѣетъ цѣлю замѣнить и облегчить механическими силами природы тяжкій трудъ человѣка въ устроеніи удобствъ жизни. Не будьте по убѣжденіямъ послѣдователями того ученія, которое полагаетъ весь прогрессъ человѣчества въ безконечномъ развитіи и умноженіи чувственныхъ потребностей и наслажденій, стремясь удовлетворить всѣмъ имъ путемъ заводскаго и фабричнаго производства, гдѣ народныя массы поработаются болѣе тяжкому труду, чѣмъ воздѣлываніе земли въ потѣ лица простыми орудіями. Убѣжденіе — дѣло великое. Оно кладетъ свою печать на всю нашу дѣятельность. Будьте же христіанами въ вашихъ воззрѣніяхъ на жизнь человѣческую. Нашимъ чувственнымъ потребностямъ есть мѣра, должна быть мѣра и въ изобрѣтеніи и въ употребленіи средствъ для ихъ удовлетворенія. Есть техника полезная, есть техника прихотная; любите первую, остерегайтесь второй. Помните, что истинная заслуга вашей науки будетъ въ томъ, когда народнымъ массамъ, при облегченіи физическаго труда, останется больше чѣмъ нынѣ свободнаго времени для удовлетворенія духовныхъ потребностей — ученія, чтенія, размышленія, молитвы, отдохновенія ума и сердца.

Разумѣвайте, что вы, какъ люди образованные, будете на виду у народа. Показывайте въ себѣ народу примѣръ не язычниковъ образованныхъ, какъ нѣкоторые нынѣ дѣлаютъ, а христіанъ. Не подражайте этой дерзости въ нарушеніи уставовъ Церкви, этой распущенности въ поведеніи, которая такъ убиваетъ въ глазахъ нашего народа самую науку и образованіе. Не губите себя, щадите и меньшую нашу братію.

„Сынъ мой!—заклучимъ словами того же древняго мудреца,—„веди дѣла твои съ кротостію, и будешь любимъ богоугоднымъ человѣкомъ. Сколько ты великъ, столько смирайся и найдешь благодать у Господа“ (17—18).

АРХІЕПИСКОПЪ ИННОКЕНТІЙ БОРИСОВЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(Продолженіе *).

При начальникѣ, проводящемъ все свое время въ непрестанныхъ трудахъ, трудно бываетъ жить въ подчиненіи обыкновеннымъ смертнымъ. Въ его глазахъ они всегда будутъ казаться лѣнливыми. Такъ дѣйствительно и было при Иннокентіи. Иннокентій укорялъ въ лѣнности даже весьма близкаго къ себѣ человѣка—ризничаго, іеромонаха Діонисія. Въ ноябрѣ 1846 года этотъ іеромонахъ просилъ у Иннокентія въ помощники себѣ іеродіакона на томъ основаніи, что, отвлекаясь служеніями и другими занятіями, онъ часто встрѣчаетъ не малыя затрудненія присутствовать при выдачѣ и приѣмѣ архіерейской ризницы въ дни служеній и потому имѣетъ опасеніе за цѣлость вещей ризничныхъ. Иннокентій на его прошеніи написалъ: „Хотя это и отзывается нѣкоторою лѣнью, ибо немного дѣла у о. казначея; но для избѣжанія растраты, коей онъ опасается, допустить представленнаго іеродіакона Алексѣя быть помощникомъ казначею“.

Само собою понятно, что такой человѣкъ, какъ Иннокентій, не могъ не относиться безучастно и къ жизни общественной, гражданской. Все полезное для общества и для него всегда представляло самый живой интересъ. Ни одно болѣе или менѣе выдающееся общественное событіе, имѣвшее значеніе для жизни

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 15.

общества, не проходило безъ участія Иннокентія въ той или другой мѣрѣ. Здѣсь кстати упомянуть, что преосвященный Иннокентій дважды удостоился встрѣчать въ Харьковѣ Императора Николая Павловича: въ первый разъ въ 1842 году въ градскомъ Успенскомъ соборѣ, во второй разъ въ 1845 году, когда Императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ Харьковъ вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, въ Возѣ почивающимъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ.

Не безъ участія Иннокентія состоялось открытіе Харьковскаго дѣтскаго приюта въ 1842 году, дѣйствія Харьковскаго благотворительнаго общества (въ 1843 г.) съ школою для бѣдныхъ дѣвочекъ-сиротъ (въ 1843 г.), освященіе зданія первой Харьковской гимназій, приобрѣтеніе дома для благотворительнаго общества и т. п.

Въ 1846 году граждане г. Харькова начали хлопотать объ устройствѣ въ городѣ водопроводовъ, на которе швейцарцемъ Борелемъ былъ оставленъ капиталъ еще въ 1840 году. Преосвященный Иннокентій привлекъ къ участію въ этомъ дѣлѣ и духовенство и приказалъ „дать знать думѣ немедля, что и духовенство готово содѣйствовать благому дѣлу и что подписка на это простирается до ста рублей серебромъ въ годъ“.

Съ ученымъ кружкомъ профессоровъ Харьковскаго университета преосвященный Иннокентій всегда поддерживалъ дружественныя сношенія, бывалъ на университетскихъ празднествахъ, — актахъ, диспутахъ и т. п., и съ удовольствіемъ часы своего досуга посвящалъ тихой, ученой бесѣдѣ съ своими учеными дузьями. „Другой разъ, — рассказываетъ одинъ изъ харьковскихъ современниковъ преосвященнаго Иннокентія, — видѣлъ я владыку, разсуждавшаго съ умѣйшимъ человекомъ, бывшимъ ректоромъ Харьковскаго университета, докторомъ Еллинскимъ: вотъ такъ была бесѣда! — нѣтъ, не бесѣда, а ученый диспутъ! Можно было чего послушать! съ какою быстротою и какимъ легкимъ соображеніемъ владыка или задавалъ ученому доктору вопросы или разрѣшалъ задаваемые. Долго говорено было о важности медицины и что она должна быть въ содружествѣ съ нравственно-религіознымъ чувствомъ, и заключили такъ: если каждая наука требуетъ постояннаго изу-

ченія, медицина требуетъ цѣлой жизни и то для того только, чтобы быть сколько-нибудь порядочнымъ докторомъ... А однажды при мнѣ рассуждалъ владыка съ профессоромъ минералогіи Борисякомъ о камняхъ—и тоже-съ удивительнымъ знаніемъ этой части“...

Здѣсь кстати упомянуть объ одномъ событіи, которое имѣло мѣсто въ Харьковскомъ университетѣ и въ которомъ доля участія принадлежитъ самому преосвященному Иннокентію. Мы говоримъ о магистерскомъ диспутѣ извѣстнаго талантливаго и ученаго историка Н. И. Костомарова, происходившемъ въ торжественномъ залѣ университета вскорѣ послѣ прибытія въ Харьковъ Иннокентія. Вотъ что говоритъ объ этомъ событіи самъ Иннокентій въ письмѣ къ своему петербургскому другу отъ 30 марта 1842 года: „Въ здѣшнемъ университетѣ вышло небольшое приключеніе. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ, одинъ кандидатъ вздумалъ держать экзаменъ на степень магистра по разсужденію объ уніи. Такой предметъ, который теперь имѣетъ значеніе не одно историческое, а и государственное, обратилъ, вслѣдствіе сего, особенное вниманіе на это разсужденіе. Я, къ удивленію, нашелъ, что оно писано очень въ нехорошемъ, почти не въ русскомъ духѣ, такъ что скорѣе можетъ быть выставлено въ любомъ журналѣ иностранномъ, какъ доказательство, что и изъ русскихъ есть люди, кои смотрятъ на унію не по-русски. Это заставило меня высказать свое опасеніе главамъ здѣшняго университета и они, вполнѣ раздѣляя его, рѣшились, пріостановивши диспутанта, послать это разсужденіе къ вамъ на просмотръ предварительный. Мѣра весьма благоразумная. Вамъ виднѣе дѣла сего рода, и вашъ приговоръ положить конецъ недоразумѣніямъ. Только во всякомъ случаѣ множество дерзкихъ выраженій на счетъ восточной Церкви и ея патріарховъ, кажется, не должны быть пропущены, ибо они, кромѣ того, что антиполитическія, противны исторіи и публичное защищеніе ихъ можетъ произвести соблазнъ. Между тѣмъ очень жаль было бы, если бы изъ сего разсужденія выведено было что-либо въ предосужденіе автора его. Это просто недоразумѣніе молодого человѣка, который своими дарованіями и усердіемъ къ дѣлу подаетъ о

себѣ хорошія надежды, и онъ готовъ былъ самъ исправить все, что можно, токмо университетская цензура затруднилась возвратить назадъ дѣло, будучи сама связана какими-то законами. Для скорѣйшаго соображенія вашего по сему дѣлу я счелъ за не бесполезное приложить при семъ и самое разсужденіе“. Не беремъ на себя труда разбирать это дѣло по существу его; оно ясно говоритъ само за себя: изъ любви къ правдѣ, Церкви и Россіи Иннокентій откровенно высказалъ свой взглядъ; но что это съ его стороны было дѣломъ именно любви, а не фискальства или доноса, за это ручается его просьба не выводить ничего въ предосужденіе автора, — въ самомъ направленіи разсужденія, которое, по его взгляду, было написано не въ очель хорошему, почти не въ русскомъ духѣ, онъ не видѣлъ сознательнаго или преднамѣреннаго зла; онъ видѣлъ только недоразумѣніе молодого человѣка, котораго слѣдовало не давить за сдѣланную имъ ошибку, а напротивъ поддержать и укрѣпить, потому что онъ подавалъ хорошія надежды. Намъ нѣтъ нужды свидѣтельствовать, что предположенія преосвященнаго Иннокентія сбылись въ точности, — молодой человѣкъ, ставшій почтеннымъ труженникомъ науки, вполне оправдалъ эти надежды...

Подобно тому, какъ въ Вологдѣ, и въ Харьковѣ Иннокентій любилъ устроить въ своихъ покояхъ скромныя собранія, въ которыхъ принимали участіе близкіе къ нему люди. Въ Харьковѣ онъ назначилъ даже особый день въ недѣлѣ для такихъ собраній — пятницу отъ 6-ти часовъ вечера. Въ это время можно было видѣть у него „всю знать харьковскую“; свѣтскія и духовныя лица, равно какъ и преподаватели мѣстной семинаріи, составляли тотъ тѣсный кружокъ, среди котораго Иннокентій, по его выраженію, „только и отдыхалъ“. Одушевленные бесѣды участвовавшихъ лицъ, чтеніе различныхъ книгъ и проповѣдей, разсужденія о дѣлахъ, имѣвшихъ общій интересъ, — вотъ что составляло главный предметъ этихъ собраній, которыя Иннокентій обыкновенно называлъ „вечерами литературы духовной“. „И прекрасно было“, замѣчаетъ одинъ изъ участвовавшихъ на этихъ собраніяхъ: „никогда того въ полгода не вычитаешь изъ всѣхъ возможныхъ журналовъ, что,

бывало, въ одинъ вечеръ узнаешь — и узнаешь легко. Духъ, бывало, радуется, какъ приближалась пятница!“...

Характера и въ Харьковѣ Иннокентій былъ такого-же, какъ и въ Кіевѣ или Вологдѣ. Вотъ какъ описываетъ его протоіерей Гапоновъ: „Высокой и горячей душѣ естественно быть полной огня... И высокопреосвященный Иннокентій былъ вспыльчивъ и раздражительный; но, какъ человѣкъ весьма благоразумный, умѣлъ побѣждать себя и мало поддавался страсти“... Вотъ почему „весьма рѣдко можно было видѣть, когда-бы владыка допускалъ страсть гнѣва: большею частію старался побѣждать себя и былъ великодушенъ... Въ самыхъ мѣрахъ наказанія всегда было что-нибудь интересное—или забавное или шуточное“. Хотя въ свое время мы видѣли, что въ мѣрахъ наказанія у Иннокентія не всегда было что-нибудь забавное или шуточное,—шутки иногда были очень плохи,—но можно указать дѣйствительно и нѣсколько примѣровъ „забавныхъ“ наказаній, наложенныхъ Иннокентіемъ на провинившихся.

Такъ, протоіерей Харьковской Михайловской церкви І—въ Пр—вичь просилъ „Святѣйшаго Синода члена, Ихъ Императорскихъ Величествъ духовника, главнаго штаба и отдѣльнаго гвардейскаго корпуса оберъ-священника, придворнаго и Благовѣщенскаго соборовъ протопресвитера Николая Музовскаго о принятія его на священническое мѣсто по вѣдомствамъ придворному или гвардейскому, или-же, по крайней мѣрѣ, о зачисленіи его кандидатомъ на имѣющее впредь открыться при таковыхъ церквахъ священническое мѣсто, такъ какъ въ Харьковѣ кругъ его дѣятельности оказался слишкомъ малымъ“. 22-го марта 1844 года это прошеніе было препровождено оберъ-священникомъ Музовскимъ обратно въ Харьковъ для возвращенія просителю. Прочитавъ прошеніе и близко зная его автора, Иннокентій рѣшилъ: „надо вразумить просителя“. Какое-же сдѣлано было вразумленіе?—Иннокентій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы каждую субботу протоіерей Пр—вичь прочитывалъ свое прошеніе и собственноручно каждый разъ расписывался на немъ: „читалъ такой-то“, — и дѣлалъ это до тѣхъ поръ, пока на прошеніи не будетъ исписана вся чистая бумага.—Одному діакону Иннокентій велѣлъ однажды положить въ церкви двѣсти

поклоновъ за курсіе табаку, при чемъ запретилъ объявлять постороннимъ, за что именно онъ такъ наказанъ, а сказать просто, что владыка жалѣеть его груди и голоса.—Въ одной Харьковской церкви было уворовано 200 рублей. Когда благочинный донесъ объ этомъ Иннокентію, послѣдній сказалъ: „будьте осторожны, а то, пожалуй, отъ церкви дойдетъ дѣло и до кармановъ вашихъ!.. Понимаете-ли? Скажите это священнику и старостѣ, когда понимаете“... Говоря это, Иннокентій, очевидно, разумѣлъ денежный штрафъ, которому могли подвергнуться неосторожные.

Бывали, впрочемъ, случаи, когда преосвященный Иннокентій поступалъ и совершенно иначе. Вотъ что, напримѣръ, называется объ Иннокентіи въ одной рукописи, находящейся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“. Однажды Иннокентій прибылъ въ заштатный городъ Чугуевъ на освященіе новаго храма *); сюда-же вызванъ былъ одинъ діаконъ для рукоположенія во священника. Діаконъ пріѣхалъ въ городъ вечеромъ наканунѣ архіерейскаго служенія и остановился у своего товарища по семинаріи, полковаго священника. Не видались давно, да и счастье для діакона: вѣдь онъ завтра будетъ священникомъ; на радостяхъ-то два товарища подвыпили, вспомнили бурсу и свои проказы. Оказалось, что діаконъ, будучи семинаристомъ, мастеръ былъ плясать подъ любимую имъ пѣсенку:

„А курочка по сѣнчкѣмъ—

„Тѣхъ—терерѣхъ!

„А курочка по новымъ—

„Тѣхъ—терерѣхъ“!...

Полковой священникъ сталъ просить діакона тряхнуть старинной, показать свою прежнюю удалъ. Діаконъ, недолго думая, пустился въ плясъ. Время было въ полночи. На бѣду злополучнаго діакона, Иннокентій не могъ въ эту ночь уснуть и, въ сопровожденіи своего келейника, вздумалъ пройтись по городу. Проходя мимо дома, въ которомъ жилъ полковой священникъ, преосвященный, чрезъ незакрѣтыя ставнями окна,

*) Здѣсь вкрасавь въ рассказъ какая-то неточность: въ Чугуевѣ Иннокентіемъ не было освящено ни одной церкви; равно какъ также въ то время въ Чугуевѣ не было ни строено, ни возобновляемо никакого храма.

увидѣлъ плящущаго діакона и сильно постучалъ въ окно. Товарищи узнали Иннокентія. На другой день, во время богослуженія, преосвященный, увидя въ алтарѣ несчастнаго діакона, подозвалъ его къ себѣ и тихо сказалъ: „удались изъ алтаря, ты проплясалъ свое священство“. Затѣмъ рѣшено было послать діакона на два мѣсяца подъ начало въ монастырь. Самъ ли діаконъ додумался, или кто научилъ его, только онъ написалъ преосвященному письмо, въ которомъ объяснилъ, что онъ плясалъ, какъ царь Давидъ, въ священномъ восторгѣ. Иннокентій посмѣялся надъ такимъ остроумнымъ (?) объясненіемъ и сократилъ монастырское подначаліе; но во все время своего управленія Харьковскою епархіею онъ не посвятилъ этого діакона во священника, сколько ни хлопотали объ этомъ прихожане *). Не ручаемся за достовѣрность этого разсказа, хотя и не отвергаемъ его правдоподобія и характеристичности для личности Иннокентія: такого рода событіе всегда могло случиться...

Какъ всегда и вездѣ, Иннокентій и въ Харьковѣ не переставалъ быть *человѣкомъ*. Участіе къ горю ближняго, желаніе оказать помощь нуждающемуся, состраданіе къ страждущему—это не пустыя слова, которыми часто наполняются разные панегирики умершимъ лицамъ, а неотъемлемыя свойства чело-вѣколюбивой, свѣтлой и открытой души достославнаго архипастыря. По единогласному отзыву его современниковъ, онъ былъ очень милостивъ и скоръ на поддержку ко всѣмъ искавшимъ его помощи, особенно-же онъ былъ милостивъ для лицъ духовныхъ, служившихъ при немъ или оказавшихъ какую-либо услугу ему, даже самую незначительную. Свидѣтельствуя объ этомъ съ своей стороны, одинъ харьковскій протоіерей, въ подтвержденіе своихъ словъ, разсказываетъ объ Иннокентіи, между прочимъ, слѣдующее. Услышавши однажды, что жена прежде бывшаго его докладчика, по смерти мужа, осталась должною десять тысячъ, Иннокентій списываетъ съ кредиторомъ и, удовлетворивъ его, съ разорваннымъ ве-келемъ пишетъ къ сѣтовавшей вдовѣ: „Не скорби, только мо-

*) „Рус. Стар.“ 1879 г. IV, стр. 664.

лись! Ты и твое семейство подъ рукою моею, пока Богъ меня поддержитъ“. На свои средства онъ содержалъ также все осиротѣвшее семейство и бывшего своего письмоводителя, равно какъ и одного служившаго при немъ инодіакона. „Одолжаться однимъ боюсь,—говорилъ Иннокентій,—дабы ипогда не остаться предъ кѣмъ въ долгу. Неблагодарный человѣкъ въ глазахъ моихъ недостойное существо; боюсь себя уронить въ глазахъ своихъ“. Но если цѣлыя семейства оставались на полномъ содержаніи преосвященнаго, то о единовременныхъ денежныхъ пособіяхъ и говоритъ нечего: они раздавались щедрою рукою; нерѣдко случалось, что Иннокентій отдавалъ послѣднія свои деньги и затѣмъ самъ нуждался въ нихъ.

Въ подтвержденіе сказаннаго много можно было-бы привести доказательствъ изъ разсказовъ лицъ, близко знавшихъ преосвященнаго Иннокентія; но мы ради краткости ограничимся только нѣкоторыми фактами, не подлежащими, по нашему мнѣнію, никакому сомнѣнію. Прежде всего упомянемъ о событіи, недавно опубликованномъ на страницахъ „Русской Старины“ (1879 г., IV, стр. 665—667). Въ городѣ Харьковѣ проживалъ бывшій учитель Кіево-печерскаго дворянскаго училища Ш—й, который былъ нѣсколько знакомъ преосвященному Иннокентію еще въ Кіевѣ во время его ректорствованія въ Кіевской духовной академіи,—тотъ самый стенографъ-почитатель проповѣдническаго таланта Иннокентія, который для записыванія проповѣдей знаменитаго ректора ходилъ по кіевскимъ церквамъ и съ которымъ познакомилъ Иннокентія ректоръ Кіевскаго университета—Максимовичъ. Къ несчастію, въ Харьковѣ Ш—й не имѣлъ въ то время никакой должности и занимался преподаваніемъ кое-какихъ частныхъ уроковъ, которые къ тому-же еще трудно было и отыскивать; между тѣмъ на его попеченіи была большая жена и 5—6 лѣтній сынъ. Семейство терпѣло крайнюю нужду во всемъ. Однажды, лѣтомъ, Ш—й случайно встрѣтился въ архіерейскомъ саду съ Иннокентіемъ, который узналъ его, съ участіемъ спросилъ о его семействѣ и въ заключеніе разговора убѣдительно просилъ, чтобы онъ на другой день прислалъ къ нему своего сына. Ш—й обѣщалъ. Такъ какъ жена Ш—го была больна, а

прислуги никакой не было, то отыскиали одну бѣдную женщину, назвали ее нянькою и съ нею отравили сына къ Иннокентію, давъ обоимъ приличное случаю наставленіе.

„Этому прошло болѣе 36-ти лѣтъ, — говоритъ сынъ Ш — го въ своихъ воспоминаніяхъ объ Иннокентіи, — многія событія моего дѣтства совершенно изгладились изъ памяти, другія представляются какъ-то смутно и неопредѣленно; но день моего представленія преосвященному Иннокентію такъ врѣзался въ головѣ, такъ ясно и живо очерчиваются мельчайшія подробности, какъ будто это случилось на-дняхъ.

„Келейникъ ввелъ насъ въ большую комнату, на окнахъ и у стѣнъ которой стояло множество разныхъ цвѣтовъ, а полъ покрытъ былъ мягкимъ красивымъ ковромъ. Келейникъ попросилъ насъ подождать; минутъ черезъ десять дверь съ лѣвой стороны отворилась и въ комнату неслышными шагами вошелъ Иннокентій. Благословивъ насъ, онъ сѣлъ на диванъ, а меня посадилъ къ себѣ на колѣни.

— Молишься Богу? спросилъ меня преосвященный, выговаривая въ носъ.

— „Молюсь“.

— „Какія-же ты знаешь молитвы?“.

— „Господи, помилуй... Господи, помилуй папу, маму и меня грѣшнаго“ — проговорилъ я.

— „И тебя грѣшнаго?“ какъ-то задумчиво повторилъ полупросомъ Иннокентій. — „А больше никакой молитвы не знаешь?“.

Я молчалъ.

— „Не знаешь?—Ну, Богъ тебя проститъ; ты еще малъ. Подростешь, много-много узнаешь молитвъ“. Съ этими словами преосвященный приклонилъ мою голову къ своей бородѣ. Я сдѣлалъ легкое движеніе.

— „А, боишься меня?“ спросилъ онъ шутя.

— „Нѣтъ, не боюсь“, — отвѣчалъ я, и въ подтвержденіе этого сталъ разглаживать широкую бороду Иннокентія. Нянька назвала меня за это дуракомъ.

— „Ничего“ — кротко замѣтилъ преосвященный: — „таковыхъ есть царство небесное“.

„Послѣ этого онъ спросилъ о здоровьи моихъ родителей, вынесъ изъ сосѣдней комнаты большую просфору и маленькій пакетецъ, который, отдавая мнѣ, сказалъ: „Передай отцу. Тебѣ конфектъ покупать. Да, смотри, не потеряй. Положи къ себѣ за пазушку. Теперь слушай меня со вниманіемъ. Завтра по всѣмъ церквамъ будутъ звонить: длинь-длинъ, бомъ-бомъ! длинь-длинъ, бомъ-бомъ! Это значитъ, что я уѣзжаю изъ Харькова. Дня чрезъ два опять будутъ звонить: длинь-длинъ, бомъ-бомъ! длинь-длинъ, бомъ-бомъ! Это значитъ, что я опять пріѣхалъ въ Харьковъ. И чтобы твой отецъ на другой-же день пришелъ ко мнѣ, а если ему некогда, то что бы ты пришелъ ко мнѣ. Понялъ меня?“

Я отвѣчалъ утвердительно.

— „Слушай-же еще разъ: завтра по всѣмъ церквамъ будутъ звонить длинь-длинъ, бомъ-бомъ!... и Иннокентій повторилъ сказанное. „Передашь?“ спросилъ онъ.

— „Передамъ“.

— „А, ну, какъ?“

— „Я скажу папѣ: завтра—длинъ-длинъ, бомъ-бомъ! вы уѣхали; а тамъ—длинъ-длинъ, длинь-длинъ, бомъ-бомъ!—вы пріѣхали, и чтобы папа пришелъ къ вамъ, а то я прійду съ няней“.

„Преосвященный остался этимъ отвѣтомъ доволенъ и, благословивъ насъ, отпустилъ. Въ пакетцѣ отецъ нашелъ 100 руб. ассигнацій“.

По возвращеніи Иннокентія изъ поѣздки, когда Ш—й пришелъ къ нему, то оказалось, что болѣе посланныхъ 100 руб. у преосвященнаго денегъ не было; между тѣмъ онъ понималъ, что такая сумма недостаточна; послѣ поѣздки у преосвященнаго нашлось еще 150 рублей, которые онъ и убѣдилъ Ш—го взять. Въ семействѣ Ш—го имя Иннокентія произносится съ благоговѣніемъ. Да и въ одномъ-ли этомъ семействѣ?..

Объ отношеніи Иннокентія къ бѣднымъ и сиротамъ духовнаго званія, какъ и къ матеріальному положенію епархіальнаго духовенства мы уже говорили въ свое время. Здѣсь не можемъ не упомянуть еще и о томъ тепломъ участіи, съ которымъ относился Иннокентій къ судьбѣ лицъ, преданныхъ

тюремному заключенію. Онъ часто посѣщаль лично Харьковскій острогъ и арестантскія роты, вникаль въ положеніе заключенныхъ, утѣшаль и увѣщеваль ихъ своимъ теплымъ архипастырскимъ словомъ и оказываль въ той или другой формѣ свою помощь, когда находилъ это пужнымъ. И Господь видимо благословляль его христіанское дѣло, доставляя ему внутреннее, невыразимое удовольствіе въ самомъ его участіи къ судьбѣ узниковъ, между которыми бывають иногда лица, достойныя лучшаго положенія. Вотъ что рассказываетъ объ одномъ случаѣ самъ Иннокентій въ письмѣ къ своему петербургскому другу, отъ 13 сентября 1842 года: „Спѣшу довести до свѣдѣнія вашего одинъ случай, довольно замѣчательный по своей необыкновенности. За двѣ недѣли назадъ, здѣшній гражданскій губернаторъ, въ одномъ разговорѣ со мною, сказалъ мнѣ мимоходомъ, что у него есть одинъ арестантъ, похожій на фанатика, явившійся въ полицію самъ и назвавшій себя бѣглымъ господскимъ человѣкомъ, посланнымъ за покупками, потерявшимъ 870 рублей за картами и отъ страха скрывшимся отъ господина, но тревожимымъ совѣстію за сіе и потому рѣшившимся добровольно явиться полиціи. На вопросъ, какому помѣщику принадлежитъ оный, арестантъ не отвѣчалъ, обѣщаясь все сказать, когда просидитъ въ острогѣ шесть недѣль. Всѣ мѣры, употребленныя полиціею и самимъ губернаторомъ къ узнанію отъ него о его помѣщикѣ и мѣстѣ жительства, остались безъ дѣйствія: при угрозахъ, онъ видимо радовался. Такой рассказъ заставилъ меня изъявить желаніе видѣть арестанта, *какъ я дѣлаю это иногда въ некоторыхъ случаяхъ*. На другой день является ко мнѣ человѣкъ, съ видомъ чрезвычайно смущеннымъ; на первые вопросы—отвѣты тѣже, что губернатору; на дальнѣйшіе—другіе, сначала—нерѣшительность, потомъ—полупризнаніе, наконецъ—полная исповѣдь. Оказалось, что это—священникъ Томской миссіи Глухаревъ, родной братъ архимандрита—начальника миссіи *).

*) Въ числѣ родныхъ достопочтеннѣйшаго труженика-миссіонера, основателя Алтайской миссіи, о. архимандрита Макарія Глухарева, намъ извѣстны: родной братъ его о. Алексій Глухаревъ и сестра—Софія, о которой о. Макарій часто упоминаеть въ своей перепискѣ съ Е. М. З.—См. „Странникъ“ 1861 года, стр. 208—228.

миссіею, запятія коей были не по его духу, сей священникъ просилъ объ опредѣленіи его въ Кіевскую лавру. Поеліку опредѣленіе сіе замедлилось, то онъ, взявъ паспортъ, шелъ пѣшкомъ въ Кіевъ; но на пути представилось ему, что, для очищенія своихъ грѣховъ и для приготовленія къ монашеству, ему хорошо принять на себя какой-либо тяжелый подвигъ, и онъ избралъ пребываніе въ острогѣ, яко особенно способное къ уничтоженію самолюбія, для достиженія какого дѣла онъ и притворился бѣглымъ человѣкомъ. Изъ продолжительнаго собесѣдованія моего съ нимъ открылось, что это человѣкъ довольно образованный, знающій христіанство и теоретически изрядно, а практически еще больше, по съ восторженными мыслями, съ наклонностію къ самому строгому аскетизму; по совѣту моему, онъ рѣшился совершенно оставить путь ложный, на который вступилъ было по избытку ревности не по разуму. Теперь же губернаторъ передаетъ его мнѣ до времени, пока получатся о немъ справки изъ Томска. У меня онъ помѣщенъ будетъ въ монастырѣ, а частію и при моемъ домѣ. А между тѣмъ какъ дѣло его довольно необыкновенно, то я по слѣдующей почтѣ думаю дать знать о немъ его сіятельству (оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода). Можетъ быть, послѣдуетъ какое-либо распоряженіе касательно его дальнѣйшей судьбы. Всего бы лучше отправить его поскорѣе въ лавру, куда и его духъ стремится, ибо у насъ въ монастырѣ такія лица не придутся въ рядъ и не найдутъ себѣ сродной пищи“.

Изъ своихъ родныхъ преосвященный много помогать старшему брату своему—Матвѣю Алексѣевичу Борису, проживавшему тогда въ Харьковѣ и занимавшему должность дѣлопроизводителя въ дворянской опецѣ. Кромѣ него, въ Хорошевскомъ монастырѣ проживала еще сестра преосвященнаго Иннокентія, діаконская вдова, Екатерина Алексѣевна; но она проводила настолько строгую, суровую, истинно отшельническую жизнь, что почти не нуждалась въ матеріальномъ пособіи своего любимого и гениальнаго брата. По словамъ лицъ, близко знавшихъ покойную Екатерину Алексѣевну, за свою строгую постническую жизнь, она удостоена была дара прозрѣнія еще

во время своей жизни. Тѣмъ не менѣе она не рѣшилась принять на себѣ всей трудности монашескихъ обѣтовъ.

Изъ всего сказаннаго нами доселѣ можно уже видѣть, насколько заслуженно пользовался преосвященный Иннокентій горячею любовью своей паствы какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ. „Всѣ боялись высокопреосвященнаго, говорить о Гапоновѣ; всѣ твердили: съ этимъ владыкою не шути! но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ его любили, глубоко уважали и гордились тѣмъ, что Иннокентій Харьковскій владыка“. Иначе, конечно, и быть не могло, потому что Иннокентій на самомъ дѣлѣ сдѣлалъ очень много добра для Харьковской епархіи. Въ этомъ отношеніи о. Гапоновъ совершенно справедливо говорить, подводя итогъ дѣятельности преосвященнаго Иннокентія въ Харьковской епархіи: „шесть съ небольшимъ лѣтъ архіерействоваль владыка Иннокентій въ Харьковѣ, и что есть здѣсь лучшаго—все почти его произведеніе! Устройство главной крестовой церкви подъ мраморныя стѣны и подъ мраморный иконостасъ—его произведеніе! Перенесеніе каедры архіерейской, весьма кстати, въ прежде бывшій богатый градскій Успенскій соборъ—его произведеніе! Величественный крестный ходъ два раза въ году въ Харьковѣ—его произведеніе! Чтеніе акаѣистовъ въ главной крестовой церкви въ среду и пятницу—его произведеніе! Сочиненіе приспособительно къ потребностямъ и къ настоящему духу народа акаѣистовъ: *Утрастямъ и Покрову Пресвятыя Богородицы*—его произведеніе! Вновь открытіе женскаго Верхне-Харьковскаго монастыря—его произведеніе! Возстановленіе знаменитой Святогорской обители—его произведеніе! Возстановленіе не менѣе достопримѣчательнаго Ахтырскаго монастыря и учрежденіе изъ Ахтырки, туда и обратно, крестнаго хода—его произведеніе! Учрежденіе училища дѣвицъ духовнаго званія—по его первоначальной идеѣ и предположенію“!... Эти труды и заслуги преосвященнаго Иннокентія не остались, впрочемъ, безъ должнаго воздаянія: 15 апрѣля 1845 года, Высочайшимъ указомъ, даннымъ Святѣйшему Правительствующему Синоду, преосвященный Иннокентій „за отличное управленіе епархіею“ былъ возведенъ лично въ санъ архіепископа. Увѣдомляя объ этомъ, Московскій митро-

политъ Филаретъ писалъ Иннокентію: „сорадуюсь, поздравляю васъ съ новымъ выраженіемъ справедливости, отданной достоинству служенія вашего въ Церкви“. Это, впрочемъ, была первая и послѣдняя награда, полученная Иннокентіемъ во все время его управленія Харьковскою епархією.

1-го апрѣля 1847 года, преосвященный Иннокентій, по Высочайшему повелѣнію, былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. Указъ объ этомъ былъ полученъ въ Харьковѣ 14-го апрѣля, и Иннокентій тогда же началъ готовиться къ отъѣзду въ Петербургъ. Для его помѣщенія ему было уступлено въ С.-Петербургѣ Псковское архіерейское подворье; вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлено право для священнослуженій взять съ собою нужное число священно-церковнослужителей и ризницу. Вслѣдствіе этого Иннокентіемъ было предписано отпавиться съ нимъ въ Петербургъ двумъ іеромонахамъ, одному священнику—пѣвчому, протодіакону, тремъ діаконамъ, одному іеродіакону, тремъ послушникамъ, восьми штатнымъ служителямъ архіерейскаго дома, архіерейскому писмоводителю и шестнадцати пѣвчимъ хора архіерейскаго. Такимъ образомъ с.-петербургская свита Иннокентія состояла изъ 36-ти человѣкъ. Пѣвчіе были почти исключительно ученики семинаріи и духовнаго училища. Ризницу составляли вещи, взятые не только изъ архіерейскаго дома, но и изъ многихъ городскихъ церквей—Николаевской, Крестовоздвиженской, Вознесенской, Михайловской, Христорождественской, Троицкой, Кладбищенской и Всесвятской, а главнымъ образомъ изъ Успенскаго каѳедральнаго собора, изъ котораго, вмѣстѣ съ вещами другихъ городскихъ церквей, были отправлены въ Петербургъ благочиннымъ Гапоповымъ: чаша серебрянная, дискосъ, звѣзда, лыца, копье, чашечка для теплоты и двѣ серебрянныхъ позлащенныхъ тарелочки, пелена на престольная малиноваго бархата, риза парчевая съ зелеными разводами, двѣ ризы красныхъ, двѣ ризы черныхъ, зеленые и черные бархатные покровы, двѣ иконы Спасителя и Божіей Матери въ серебрянныхъ шатахъ, четыре подризника, три стихаря и т. п.

Тѣмъ не менѣе отъѣздъ Иннокентія изъ Харькова въ Пе-

тербургъ былъ значительно замедленъ по причинѣ довольно серьезной болѣзни, постигшей въ то время преосвященнаго Иннокентія. По этому случаю отъ 30-го апрѣля 1847 года онъ писалъ своему петербургскому другу: „Я послѣ праздника посѣщенъ былъ двумя тяжкими недугами, изъ коихъ одинъ передалъ меня другому. Теперь, слава Богу, прошли оба, оставивъ за собою только сугубую слабость въ силахъ. Въ такихъ обстоятельствахъ любвеобильное письмо Ваше было для меня однимъ изъ лекарствъ, хотя возвѣщаемая вами поѣздка (въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ), при настоящемъ положеніи, представляетъ вдвое болѣе затрудненій. Странное дѣло! Въ жизни моей какъ будто какой законъ, что предъ поѣздкою изъ одного мѣста въ другое я подвергаюсь всегда тяжелой болѣзни. Нынѣшнюю весну я недугую уже въ другой разъ. Среди поста было болѣе недѣли труднаго нездоровья. Я думалъ самъ уплатить обычную дань весеннюю, вышло напротивъ! Теперь мы, покоряясь необходимости, уже собираемся въ путь и семья моя скоро тронется съ мѣста. А мнѣ необходимо еще недѣли двѣ, а можетъ быть и три, посидѣть дома и подышать украинскимъ воздухомъ, иначе можно накликать на себя новую бѣду. О всемъ этомъ по слѣдующей почтѣ я не премину писать къ его сіятельству (т. е. оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода); а между тѣмъ и васъ покорнѣйше прошу объяснить ему о моемъ положеніи. Трудное странствіе предлежитъ намъ! Легче и удобнѣе переѣзжать изъ епархіи въ епархію, нежели переселяться на время, но съ цѣлою семьей. Среди настоящихъ заботъ и усилій по сему случаю, немалымъ утѣшеніемъ служить то, что я скоро буду имѣть удовольствіе видѣться съ вами и бесѣдовать уже не тростию и черниломъ, а отъ полноты души и сердца“.

Посвященіе ставленниковъ, на время своего присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ, Иннокентій поручилъ совершать Воронежскому преосвященному Игнатію; остальные же всѣ почти дѣла велѣлъ отсылать къ нему въ Петербургъ вмѣстѣ со всѣми другими бумагами, поступавшими на его имя.

Проѣздомъ Иннокентій намѣревался пробыть нѣкоторое вре-

мя въ Москвѣ для свиданія съ митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ, о чемъ онъ заблаговременно и писалъ ему изъ Харькова и на что митрополитъ Филаретъ отвѣчалъ выраженіемъ своего искренняго удовольствія. Тѣмъ не менѣе предположеніе это не вполнѣ оправдалось: архиастыри могли увидѣться только въ Троице-Сергіевой лаврѣ. Вотъ что писалъ по этому поводу Московскій митрополитъ Филаретъ въ своемъ письмѣ къ Иннокентію, отъ 26-го мая 1847 года изъ Троице-Сергіевой лавры: „Въ лаврѣ получилъ я извѣстіе о путешествіи вашемъ чрезъ Москву, и сіе было одною изъ причинъ ускореннаго возвращенія моего въ Москву. Но теперь обстоятельства, которыхъ не могъ я расположить иначе, вновь увлекли меня въ лавру и не оставляютъ удобства скоро возвратиться въ Москву. Предлагаю, не ради меня, а ради прендобнаго Сергія, немного увеличить длину вашего пути. Преподобный Сергій вознаградитъ то, что вы сдѣлаете для него. А я при семъ воспользуюсь вашимъ общеніемъ. Желаю вамъ новыхъ обильныхъ силъ и для путешествія, и для новаго пребыванія, и для сопряженныхъ съ симъ подвиговъ на пользу Церкви“. Очевидцы-свидѣтели, ѣздившіе въ то время съ Иннокентіемъ, рассказываютъ, какой характеръ имѣла встрѣча этихъ двухъ великихъ архиастырей. Для встрѣчи гостя великій святитель Московскій вышелъ даже изъ своихъ покоевъ. Какъ-бы напередъ стоворясь между собою, оба они были одѣты въ черныя рясы съ одними только панагіями на груди. Поясной поклонъ съ той и другой стороны предшествовалъ братскому лобызанію. Нѣтъ сомнѣнія, что все время свиданія архиастыри употребили на обсужденіе общихъ дѣлъ православной нашей Церкви, въ управленіи которыми теперь Иннокентію приходилось принять личное участіе.

Для полной оцѣнки того вліянія на ходъ дѣлъ въ духовномъ вѣдомствѣ, которое принадлежало Иннокентію, когда онъ присутствовалъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, въ настоящее время мы еще пока не имѣемъ всѣхъ необходимыхъ даныхъ. Тѣмъ не менѣе едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что во время присутствованія Иннокентія въ Святѣйшемъ Синодѣ ему постоянно принадлежала „одна изъ главныхъ ролей“. „Его ки-

пучая энергія, говоритъ Н. И. Барсовъ *), сообщалась его коллегамъ, а его замѣчательная находчивость давала ему возможность, не будучи первенствующимъ въ Синодѣ, давать направленіе ходу дѣлъ и ихъ рѣшенію. Иннокентій оба раза съ крайнею неохотою покидалъ свою епархію, для того, чтобы за двѣ тысячи верстъ ѣхать въ сѣверную столицу; но графъ Протасовъ такъ настойчиво требовалъ его присутствія въ Синодѣ, давая ему отсрочки и всевозможныя льготы, что ему не было возможности отказываться отъ пріѣзда въ С.-Петербургъ. Около двадцати архіереевъ, управлявшихъ епархіями, имѣли въ немъ въ это время своего оратора въ Синодѣ, чрезъ него частнымъ образомъ, достигая болѣе скорого и, когда слѣдовало, благоприятнаго дня ихъ рѣшенія ихъ оффиціальныхъ представленій. Лишь по общимъ церковнымъ вопросамъ голосъ отсутствующаго Филарета Московскаго выслушивался иногда предпочтительно предъ мнѣніями Иннокентія и бралъ иногда перевѣсъ. Протопресвитеръ В. Б. Бажановъ былъ всегда его сторонникомъ въ Синодѣ и горячимъ защитникомъ его мнѣній“. Тѣмъ не менѣе участіе въ правленіи общими дѣлами русской Церкви не отвлекало вниманія у Иннокентія и отъ управленія своею собственною епархіею. Особенно озабочивало его въ это время дѣлопроизводство Харьковской консисторіи, за которою онъ, какъ мы видѣли, всегда слѣдилъ весьма строго. Недовѣріе Иннокентія къ мѣстной консисторіи, усиленное во время его присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ, получало впрочемъ для себя пищу отъ самой-же консисторіи. Такъ, мѣсяца чрезъ три по пріѣздѣ Иннокентія въ Петербургъ, секретарь донесъ ему о пропажѣ изъ консисторіи одного важнаго дѣла. При Иннокентіи въ Харьковской консисторіи это случилось уже во второй разъ. Вотъ почему отъ 24-го сентября 1847 года пресвященный Иннокентій и далъ Харьковской духовной консисторіи слѣдующее предложеніе: „Усмаатривая изъ донесенія секретаря Крамарева, что въ сей консисторіи утрачено вновь довольно важное, по своему предмету, дѣло, и полагая, что подобныя случаи могутъ происходить, между прочимъ, и отъ

*) „Христ. Чтеніе“ 1884, III—IV, стр. 527.

чтенія дѣлъ нѣкоторыми членами въ своихъ домахъ, въ кои приносятся они, по приказанію, сторожами или приказно-служителями, въ противность закону и при томъ имѣя свѣдѣнія и о другихъ безпорядкахъ, предлагаю: 1) дѣла слушать въ присутствіи консисторіи, а не въ домахъ; въ дома же брать иныя только въ случаѣ крайней надобности, и то подъ росписку и съ вѣдома двухъ или трехъ членовъ и секретаря; 2) для такового слушанія дѣлъ членамъ консисторіи стараться имѣть пріѣздъ всемъ въ одно время, опредѣленное уставомъ духовныхъ консисторій, разд. 4 въ гл. 2-ой, а не въ разные часы; 3) въ присутствіи никакихъ разговоровъ, не относящихся къ производящимся дѣламъ, не имѣть, и представленныя къ подписанію срочныя свѣдѣнія: протоколы, журналы, отпуски и прочія бумаги неукоснительно подписывать, по точной силѣ 326 и 327 статей того же устава, не откладывая ихъ до другаго дня, а тѣмъ болѣе на дальнѣйшее время; 4) съ подвѣдомственными чиновниками и канцелярскими служителями обходиться благопрістойно, не дозволяя себѣ грубостей и другихъ неприличныхъ поступковъ, особенно въ виду постороннихъ, по подвергая ихъ, въ случаяхъ несправности въ дѣлахъ и правдивности, установленнымъ въ законѣ взысканіямъ, съ моего согласія; 5) на чиновниковъ и на канцелярскихъ служителей не возлагать ничего такого, что не относится къ дѣйствительнымъ предметамъ ихъ службы; 6) дѣла рѣшать на точномъ основаніи законовъ, принимая ихъ въ буквальный смыслъ, безъ всякаго произвольнаго толкованія, и докладныхъ реестровъ не наполнять такими резолюціями, которыя, умножая только число ихъ, задерживаютъ самое теченіе дѣлъ и 7) наблюдать, чтобы утвержденныя мною протоколы консисторіи и данныя мною резолюціи были исполняемы безъ всякаго кошенія подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, справедливаго взысканія по законамъ“.

Въ тотъ самый день, когда въ Петербургѣ Иннокентій писалъ это предложеніе, Харьковская консисторія приготовила ему свѣдѣтельный докладъ о движеніи своихъ дѣлъ. Изъ этого доклада видно, что за одну недѣлю, отъ 17 по 24 сентября, было положено 144 членскихъ резолюцій, составлено 7 протоколовъ, 7 журнальныхъ статей и поданы три справки. „По

все слышно, — гласить резолюція Иннокентія отъ 13 октября того-же 1847 года, — ходъ дѣлъ могъ-бы быть лучше, нежели какъ есть, если-бы члены сходились во-время и дѣлали дѣло отъ души, чего я отъ нихъ вполне и ожидаю“.

Прошло двѣ недѣли и въ Харьковскую консисторію казенная, безучастная къ горю и радости, почта везетъ отъ Иннокентія новый гостинецъ, новое предложеніе (отъ 30 октября 1847 года).

„Дошло до свѣдѣнія моего, — писалъ Иннокентій въ этомъ предложеніи, — что бумаги не всегда докладываются присутствующимъ на разсужденіе, отъ чего естественно можетъ терпѣть не только скорость, но и правильность ихъ хода. Поставляя сіе на видъ, предлагаю, чтобы съ сихъ поръ, во время присутствія, бумаги непременно были докладываемы столоначальниками, каждымъ по его части, и резолюціи отмѣчались не медля протоколистомъ. Для удобства же въ докладѣ, сдѣлать, если пѣтъ, приличный валой, который долженъ стоять въ концѣ стола, посреди залы, дабы и докладывающіе и слушающіе могли другъ друга удобнѣе видѣть и слышать. Г. секретарь Крамаревъ о исполненіи сего имѣетъ мнѣ потомъ донести“. Спустя недѣлю по полученіи этого предложенія, консисторія сготовила свой обычный докладъ о движеніи ея дѣлъ. Съ 1 по 12 ноября было положено 183 членскихъ резолюцій, составлено 7 протоколовъ, 12 журнальныхъ статей и представлено 9 справокъ. Тѣмъ не менѣе и на этотъ разъ Иннокентій остался недоволенъ консисторскимъ дѣлопроизводствомъ. „Прошу ускорить вообще ходомъ дѣлъ, — писалъ онъ на этомъ докладѣ отъ 1-го декабря 1874 года, — ибо изъ представляемыхъ мнѣ большею частію тотъ-часъ видно, что ихъ легко-бы сдѣлать въ десять разъ скорѣе; что, если-бы на нашемъ мѣстѣ вздумать слѣдовать подобному методу? Но при помощи Божіей возмогаемъ отъ пемоци, чтобы не заставлятъ ждаты кого-либо. Много значить знать, какъ вести дѣла. Безъ сего и надъ разбитымъ горшкомъ посидишь недѣлю“.

Такая заботливость Иннокентія объ ускореніи и надлежащей постановкѣ консисторскаго дѣлопроизводства даже изъ

Петербурга, повторяемъ, вполне понятна: ему не хотѣлось оставлять исторіи своего имени запятаннымъ даже и при посредствѣ чужой несправности или злонамѣренности.

Во время этого пребыванія своего въ Петербургѣ Иннокентій, по словамъ г-жи Бодѣ *), не говорилъ поученій съ кафедръ; но видя, какъ всѣ жаждутъ слышать его, онъ какъ будто-бы поставилъ себѣ долгомъ не отказывать усерднымъ своимъ почитателямъ, и въ немногіе часы своего отдыха принималъ всѣхъ приходившихъ къ нему. При этомъ Бодѣ вспоминаетъ изъ этого времени его частныя бесѣды о внѣшнихъ обрядахъ православной Церкви, о почитаніи святыхъ угодниковъ, объ исцѣленіяхъ А. И. Папковымъ посредствомъ ясновидящихъ; о животномъ магнетизмѣ и о ясновидѣніяхъ извѣстной всему тогдашнему петербургскому обществу г-жи Корсаковой. Вообще же „разнообразная бесѣда высокопреосвященнаго Иннокентія, говоритъ Бодѣ **), обнимала всѣ предметы: литература, наука, политика—ничто не было ему чуждо; на все смотрѣлъ онъ съ высоты духовной,—оцѣнка его была всегда вѣрна; противъ его сужденія не находилось возраженій“.

Между прочимъ, нельзя здѣсь не упомянуть объ одномъ эпизодѣ, о которомъ рассказываетъ Бодѣ въ своихъ воспоминаніяхъ объ Иннокентіи и который она относитъ ко времени его перваго присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. „Въ прекрасныхъ проповѣдяхъ преосвященнаго Иннокентія, исполненныхъ пламенной любви къ бѣдствующему человечеству и поставляющихъ въ непремѣнный долгъ сильнымъ и богатымъ міра помогать и дѣятельно сострадать бѣдствующимъ братьямъ,—говоритъ Бодѣ,—въ этихъ проповѣдяхъ нѣкоторые вздумали открыть коммунистическое направленіе и даже сказали ему о томъ.

— „Да, точно, я проповѣдую коммунизмъ“, спокойно отвѣчалъ онъ *доброму человеку*, который передалъ ему это извѣстіе,— „только не совсѣмъ такой, какъ на западѣ. Тамъ говорятъ: что твое, то мое; а я говорю: что мое, то твое!—

*) „Странички“ 1861, Іюль, стр. 1.

**) *ibid.* стр. 3.

Вотъ вся разница между нашимъ ученіемъ“. Подтвержденіе этого разсказа Боде объ обвиненіи Иннокентія въ коммунистическомъ направленіи можно найти и у Цюгодина, въ его „Простой рѣчи о мудреныхъ вещахъ“ (стр. 99) *).

Не долго было суждено преосвященному Иннокентію править Харьковскою епархіею и изъ отдаленной Сѣверной Пальмиры. 24-го фѣвраля 1848 года дано было Высочайшее повелѣніе о переводѣ его на епархію Херсонскую; а 10 марта послѣдовалъ объ этомъ и указъ Святѣйшаго Синода, на которомъ Иннокентій написалъ: „Сдача дома архіерейскаго и расчетъ по суммамъ его возлагается съ моей стороны на казначея сего дома, іеромонаха Діонисія. Лица и вещи, при мѣхъ здѣсь находящіяся, имѣютъ быть препровождены къ своему мѣсту при открытіи удобнаго весенняго пути. Оставляя паству Харьковскую, не имѣя возможности проститься съ нею лично, пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю, призвавъ на нее благословеніе Божіе, изъявить ей мою полную душевную благодарность за ея любовь о Христѣ, радушное содѣйствіе всѣмъ благимъ видамъ и начинаніямъ. Память о духовенствѣ харьковскомъ, о его усердіи къ исполненію своего долга, о его благопокорливости начальству и благонравіи, будетъ служить для меня во утѣшеніе на всю жизнь. Усерднѣйше прошу его молитвъ у Престола Божія, да сила Божія продолжаетъ совершаться въ немоци нашей. Иннокентій, Архіепископъ Херсонскій“.

VI.

По словамъ Боде, преосвященный Иннокентій съ радостію принялъ назначеніе на кафедру Таврической епархіи **). Но „не безъ горести душевной“ навсегда распростился онъ и съ епархіею Харьковскою, которую вообще онъ любилъ горячо, какъ это можно видѣть и изъ его прощальнаго обращенія къ ней, и изъ письма въ Одессу къ А. С. Стурдзѣ, которому Иннокентій писалъ вскорѣ же послѣ своего новаго назначенія:

*) Въ свое время объ этомъ будетъ сказано подробнѣе.

***) „Странникъ“ 1861 іюль, стр. 5.

„не безъ горести душевной для меня разлука съ Харьковомъ, къ коему привязалъ я многими неразрывными узами вѣры и любви о Христѣ“.

Въ награду за понесенные Иннокентіемъ труды во время его управленія Харьковскою епархією, еще до выѣзда изъ Петербурга въ новую епархію, онъ былъ Всемилоостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Владиміра 2-й степени (11 апрѣля 1848 года). Такъ было оцѣнено въ это время „отличное служеніе“ Иннокентія „Церкви и отечеству и въ особенности назидательное дѣйствованіе на сердца ввѣряемыхъ духовныхъ паствъ назидательнымъ проповѣданіемъ слова Божія“.

Вскорѣ послѣ праздника Пасхи преосвященный Иннокентій сталъ хлопотать объ отпускѣ съ своею новою епархію для ознакомленія съ нею. Поѣздка эта Иннокентію была желательна и по другимъ мотивамъ. Въ своемъ письмѣ къ А. С. Стурдзѣ, проживавшемъ въ то время въ Одессѣ, упомянувъ о своемъ новомъ назначеніи, онъ пишетъ далѣе: „Послѣ сего само собою приходитъ не только краткое свиданіе, но, если Господь дастъ, и долговременно сожитіе подъ небомъ юга... Путь не въ другое мѣсто, а въ Одессу, составляетъ для меня одно изъ немалыхъ утѣшеній. Одесскій край, хотя я видѣлъ его когда-то какъ во снѣ (въ 1836 году во время обозрѣнія, въ качествѣ ревизора духовно-учебныхъ заведеній Кіевскаго округа), оставилъ во мнѣ впечатлѣніе самое благопріятное. Дай Богъ, чтобы и мы приплисъ по духу его, какъ онъ намъ. Хотя мы явимся съ истощенными силами, но, при помощи всевосполняющей благодати Божіей, не преминемъ употребить весь остатокъ ихъ на то, чтобъ быть вѣрными приставами въ новомъ вертоградѣ Господнемъ. Съ наступленіемъ весны уповаемъ быть въ возможности начать путь къ вамъ на время или безъ возврата на сѣверъ,—однѣ Господь вѣсть. Наше желаніе естественно стремится къ послѣднему, но и первое можетъ оказаться неизбѣжнымъ“.

Въ среднихъ числахъ мая преосвященный Иннокентій получилъ, наконецъ, отпускъ и отправился въ путь. Проѣздомъ онъ былъ въ Харьковѣ, гдѣ и прожилъ около трехъ дней. Но здѣсь онъ встрѣтилъ столько трогательныхъ сценъ, искрен-

нихъ сожалѣній о немъ и горячей любви къ нему, чувствъ, излившихся по поводу предстоявшей окончательной разлуки съ нимъ, что онъ сильно разстроился и приходилъ даже къ мысли, что лучше бы ему было не заѣзжать въ „свой“ Харьковъ. „Три дня въ Харьковѣ были три дня слезъ“, — такъ писалъ Иннокентій Сербиновичу. „Даже потужилъ, что заѣзжалъ. Послѣ время охладило-бы жаръ усердія“.

Въ Одессу Иннокентій прибылъ 29-го мая 1848 года. И одинъ изъ одесскихъ соборныхъ протоіереевъ рассказываетъ по этому поводу слѣдующее: „Въ 1848 году этотъ, безспорно, замѣчательнѣйшій изъ архипастырей россійскихъ сдѣлался нашимъ. Пріѣздъ его въ Одессу послѣдовалъ предъ самымъ праздникомъ Троицы, въ полночь, съ пятницы на субботу. Въ субботу часовъ въ одиннадцать представлялось новому своему владыкѣ городское духовенство. Знавшіе его по Кіеву не нашли въ немъ той свѣжести и крѣпости, которыми прежде свѣтлѣло лицо его. Лѣта, пастырскіе и кабинетные труды и еще недавнее пребываніе въ Петербургѣ, который, по собственнымъ словамъ его, всегда разрушительно дѣйствовалъ на его здоровье, — много измѣнили его... Всенощное бдѣніе того дня было первымъ служеніемъ его въ Одессѣ и первымъ вхожденіемъ въ каедральный соборъ. Бывши въ то время седмичнымъ, я назначалъ всенощную и, по кажденіи церкви, сталъ, какъ было въ обычаѣ при прежнемъ владыкѣ, по лѣвую сторону престола. Движеніемъ руки преосвященнѣйшій указалъ мнѣ мѣсто предъ престоломъ. Далѣе: на входѣ вечернемъ, который обыкновенно совершается однимъ священникомъ, онъ велѣлъ облачиться еще двумъ священникамъ, — и входъ совершенъ былъ соборнѣй. По его же слову, шестоисалміе читалъ ключарь собора; канонъ, кажется — архимандритъ. Припоминаю эти особенности перваго присутствія преосвященнаго Иннокентія въ Одесскомъ каедральномъ соборѣ потому, что ихъ не могли не замѣтить и предстоявшіе въ храмѣ, внимательно слѣдившіе за дѣйствіями *новаго* владыки. Въ самый день Троицы, ко встрѣчѣ преосвященнаго, по его приказанію были приготовлены букеты цвѣтовъ. При встрѣчѣ у входа въ храмъ, подходя ко кресту, служащіе принимали изъ рукъ владыки цвѣты, и съ

ними, равно какъ и самъ владыка, шли къ царскимъ дверямъ для совершенія входной молитвы. На малый входъ священнослужащіе также выходили съ цвѣтами въ рукахъ. Подобное сему наблюдалось потомъ и въ другихъ случаяхъ, на примѣръ, въ недѣлю Вайи. Во всемъ этомъ видѣнь былъ Иннокентій, который не бывалъ безъ особенностей. Всегда въ дѣйствіяхъ онъ являлъ нѣчто новое и особенное“ ...

Совершивъ въ Одесскомъ кафедральномъ соборѣ въ день св. Пятидесятницы первое священнослуженіе, преосвященный Иннокентій тогда же произнесъ въ немъ и первое свое слово къ новой паствѣ своей. Жители Одессы толпами, говорятъ, стекались внимать и священнослуженію, и проповѣданію своего знаменитаго архипастыря, тѣмъ болѣе, что скоро, какъ знали они, ему надлежало возвратиться въ Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ.

Желая съ одной стороны, насколько возможно скорѣе, ознакомиться съ нуждами своей новой епархіи, а съ другой въ виду предстоявшаго возвращенія въ С.-Петербургъ, Иннокентій прежде всего распорядился объ ускореніи пачала производства экзаменовъ въ мѣстной семинаріи, которые были произведены въ томъ году раньше обыкновеннаго времени, къ чему, кажется, не мало побуждало и тяжелое общественное бѣдствіе того времени, ужасная холера. „Экзамены (эти) воспитанникамъ семинаріи произвелъ онъ, по словамъ одного изъ очевидцевъ, особеннымъ, новымъ дотошнѣ образомъ. И учащіе, и учащіеся потребованы были въ крестовую, архіерейскую церковь, и здѣсь обезоруженные—безъ книгъ и тетрадей, отложивъ въ сторону всякія программы и конспекты, испытывались тѣ и другіе „вся добръ вѣдущимъ“ архипастыремъ. За то экзаменъ былъ краткій, неутомительный, но ясный, какъ день... Послѣ экзамена преосвященный пригласилъ всѣхъ наставниковъ къ себѣ и былъ съ ними какъ другъ и товарищъ, растѣчая ласки и шутки. Одному чахлому рекомендовалъ пить портеръ постоянно, хотя это было не по жалованью его; другому, богатой комплекціи, не позволялъ употреблять этого напитка и здѣсь, за столомъ. Нужно замѣтить, что преосвященный Иннокентій среди воспитанниковъ академіи бывалъ какъ-бы въ до-

машнемъ кругу, называлъ ихъ, особенно *киевляны*, — „своими *присными*“.

Окончивъ семинарскіе экзамены, преосвященный Иннокентій въ іюль-же мѣсяцѣ отправился въ путь для обзорѣнія епархіи и ознакомленія съ нею. Какъ онъ знакомился съ своею епархіею при обзорѣніи ея, мы узнаемъ изъ воспоминаній о немъ одного благочиннаго, которыя первоначально были отпечатаны въ Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ 1862 года. „Изучая и исправляя, при обзорѣніи епархіи, духовенство, — рассказывается въ этихъ воспоминаніяхъ, — онъ изучалъ вмѣстѣ и пользовалъ паству свою и мірскую. Какимъ именно образомъ? Если, напримѣръ, предполагалось имѣть служеніе въ какомъ-либъ городѣ, накануне владыка, какъ-бы изъ любопытства, задавалъ благочинному (а онъ долженъ былъ все знать) вопросы: каковъ этотъ городъ? Изъ какихъ онъ состоитъ сословій? Что вы знаете, напримѣръ, объ этомъ изъ нихъ? а о томъ и томъ? какими здѣсь занимаются ремеслами и промыслами? есть-ли у васъ и общественныя увеселенія—какъ они ведутся? и проч. и проч. Такимъ образомъ доходилъ до всего, какъ говорится, до подноготной. Завтра является онъ предъ паствою съ пастырскимъ жезломъ и словомъ, и, къ удивленію вашему и самой паствы, бесѣдуетъ съ нею, какъ давно и близко ему знакомою. Вотъ, между прочимъ, почему собранія поученій его, напримѣръ, къ паствѣ Вологодской и паствѣ Харьковской, такъ ясно выражаютъ въ себѣ фізіономіи самыхъ этихъ паствъ“.

Изъ епархіи Иннокентій возвратился въ Одессу только въ половинѣ сентября 1848 года.

Какое-же впечатлѣніе получилъ онъ отъ своей новой паствы? На основаніи писемъ его къ Сербияновичу можно думать, что впечатлѣніе это было далеко не отрадное. „Что сказать вамъ о здѣшнемъ мѣстѣ?“ писалъ онъ своему петербургскому другу. „Если есть гдѣ и разстроенное, и неустроенное управленіе, то здѣсь. Училища—всѣ три—въ такомъ положеніи, что жалко смотрѣть. По сей-же почтѣ я пишу о нихъ и молю о помощи. Надобно учреждать почти все снова. Тоже—съ тремя монастырями. Корсунскій очень изряденъ способами къ поддержанію и даже постройкамъ, но въ людяхъ совершенное

оскудѣніе. Бизюковъ, съ 26000 десятинъ земли и прочими угодьями, едва имѣеть до семи человѣкъ и тѣ—то слѣпы, то хромы. Стыдъ и жалость. Близъ самой Одессы—Успенскій въ такомъ положеніи, что въ прошедшую зиму вырубили шелководный садъ свой на отопленіе келій. Въ добавокъ—тоже безлюдье. Посему первымъ долгомъ моимъ было отпрать своего іеромонаха въ Харьковъ, Курскъ, Черниговъ и Кіевъ для приглашенія и набора братіи. Присовокупите къ этому женскій монастырь, до половины еще необдѣланный, а между тѣмъ переполненный людомъ всякаго рода; каедральный соборъ, требующій для окончанія построекъ большихъ суммъ; дѣла консисторіи, запущенныя за нѣсколько лѣтъ, особенно метрики; несносную пыль съ улицъ, несносный запахъ съ моря,—и вы будете имѣть понятіе о нашемъ положеніи“. О семинаріи Иннокентій также писалъ своему другу, что она „требуетъ многихъ попеченій. Самое внѣшнее ея состояніе таково, что нельзя видѣть ея безъ сожалѣнія. Живутъ и тѣснятся въ половинѣ дома, а другая занята пшеницею или пуста. Гдѣ учатся, тамъ и спятъ. Можете судить о порядкѣ“. Самый домъ архіерейскій хотя занималъ и прекрасное мѣстоположеніе,—онъ находился не болѣе, какъ въ полуверстѣ отъ моря и заднимъ фасадомъ своимъ былъ обращенъ къ самому морю,—но для жилья своего не представлялъ совершенно никакихъ удобствъ, да и не могъ представлять ихъ по своей ветхости. По крайней мѣрѣ, жалуясь на простуду въ письмѣ къ Макарію, Иннокентій писалъ: „эта простуда, господствующая во всей Одессѣ, тѣмъ неожиданнѣе, что у насъ доселѣ нѣтъ зимы, а уже пробиваются признаки весны. Главною виною плохой домъ, который до того изветшалъ, что началъ падать и разваливаться. При необходимой починкѣ его, опять выйдетъ препятствіе года на два къ домашнему удобству и занятіямъ. Видно, такая доля наша!“—Неудобнымъ и отяготительнымъ показался Иннокентію самый общій ходъ епархіальнаго управленія, стѣсненный многими формальностями и сложностію канцелярскаго дѣлопроизводства. Вотъ что писалъ по этому поводу самъ Иннокентій своему петербургскому другу: „Какая разность здѣшней епархіи отъ Харькова, Вологды, даже Кіева!

Послѣднія три, даже въ сложности, едва равняются первой, такъ что, при всей привычкѣ къ дѣламъ, трудно успѣвать вести ихъ, какъ должно. Главною причиною таковой разности — множество отдѣльныхъ свѣтскихъ управленій, съ коими съ каждымъ нужно вѣдаться, какъ съ особою державою“. Нечего поэтому удивляться, если при такомъ положеніи дѣлъ епархіи, у Иннокентія уже въ это время начали являться разныя „затѣи“, т. е. мысли о преобразованіяхъ, измѣненіяхъ, возобновленіяхъ, учрежденіяхъ, возстановленіяхъ. Эти „затѣи“ свои преосвященный началъ съ духовно-учебныхъ заведеній и монастырей. „Если-бы можно было какъ-нибудь ускорить постройкою нашей семинаріи;— писалъ онъ Сербиновичу,—то это было бы большое благо не только для насъ, а и для Востока православнаго, ибо непрестанно является тамъ охота ѣхать учиться у насъ,—а какъ намъ соотвѣтствовать этому, когда самимъ жить негдѣ?“ — Съ цѣлю помочь епархіи въ надлежащей постановкѣ духовно-учебнаго дѣла, преосвященный Иннокентій въ первое время былъ весьма недалекъ даже и отъ того, чтобы измѣнить назначеніе нѣкоторыхъ монастырей. По этому поводу отъ 27-го іюня 1848 года онъ писалъ слѣдующее своему петербургскому другу: „вокругъ насъ все еще продолжаетъ свирѣпствовать педугъ (т. е. холера). На дняхъ дошла вѣсть, что начальникъ нашего Бизюкова монастыря, о. ректоръ Екатеринославской семинаріи, сдѣлался ея жертвою. Примите, пожалуйста, трудъ доложить его сіятельству (т. е. оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода), чтобы повременили назначать новаго настоятеля къ намъ въ сей монастырь, ибо самый монастырь этотъ, можно сказать, при послѣднемъ издыханіи: такъ онъ обезлюдѣлъ, оскудѣлъ благочиніемъ, разстроены по всѣмъ частямъ. Совершенная необходимость поставить его впредь на другомъ основаніи, иначе онъ будетъ служить, какъ уже и служилъ, въ поношеніе духовной чести для всей окрестности. Между тѣмъ у насъ есть способы возстать изъ развалинъ и вещественныхъ, и нравственныхъ, ибо онъ владѣетъ, между прочимъ, 26-ю тысячами десятинъ земли. Первое условіе къ тому — особенный, наличный настоятель, чего онъ не имѣлъ почти съ самаго основанія своего. Въ Бизюковѣ же мнѣ хочется осно-

вать или церковную школу для исключенныхъ учениковъ на приготовленіе ихъ въ причетники,—въ чемъ здѣсь крайній недостатокъ,—или даже перевести туда Елисаветградское училище, коему на своемъ теперешнемъ мѣстѣ недостаетъ дома для помѣщенія“... Такимъ образомъ Иннокентію предстояло не мало хлопотъ, чтобы привести по крайней мѣрѣ духовно-учебныя заведенія и монастыри въ желательное положеніе и благоустройство. Сообщая объ этомъ Сербиновичу, преосвященный Иннокентій пишетъ ему далѣе: „А тутъ надобно думать и возвратъ къ вамъ, не настроивъ хода дѣлъ, не успѣвъ распорядиться хорошо даже своимъ домомъ. Скажите, пожалуйста, какъ бы намъ продлить здѣсь свое пребываніе? Воронцовъ (князь М. С. Воронцовъ—знаменитый устроитель Крыма и Кавказа) обѣщаетъ быть въ Крыму въ сентябрѣ; вѣдь надобно же съ нимъ повидаться. Это свиданіе полезно съ разныхъ сторонъ для епархій. А при семъ свиданіи нельзя поспѣть въ срокъ (въ Петербургъ). И не лучше-ли, если мы явимся съ полнымъ сознаніемъ о здѣшней епархій, о нашихъ нуждахъ и о прочемъ. Всего бы лучше остаться намъ вовсе здѣсь и мы приняли-бы это за великую милость“...

Тѣмъ не менѣе этому желанію преосвященнаго Иннокентія не суждено было исполниться. Осенью 1848 года онъ принужденъ былъ, бросивъ свою епархію, снова отправиться въ Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. Къ сожалѣнію, этотъ второй годъ пребыванія преосвященнаго Иннокентія въ С.-Петербургѣ былъ для него крайне неблагопріятенъ: въ это время Иннокентій въ первый разъ занемогъ тяжкимъ недугомъ, который довелъ до положительнаго истощенія всѣ силы его организма. Вслѣдствіе этого преосвященный Иннокентій, какъ только почувствовалъ нѣкоторое облегченіе отъ своей болѣзни, тотъ-часъ началъ хлопотать о Высочайшемъ разрѣшеніи возвратиться въ свою епархію для поправленія своего здоровья. Такимъ образомъ весною 1849 года, получивъ отпускъ, Иннокентій снова прибылъ въ Одессу, гдѣ его уже успѣли полюбить и ожидали съ нетерпѣніемъ его возвращенія изъ сѣверной столицы, столь неблагоприятно всегда вліявшей на состояніе здоровья знамени-

таго архипастыря. Теплый климатъ, путешествіе по прекраснымъ мѣстамъ обширной епархіи, морскія волны, душевное спокойствіе и тихія ученныя занятія нѣсколько его успокоили и исправили его здоровье; тѣмъ не менѣе вполнѣ оно уже никогда не возстановлялось: съ этихъ поръ преосвященный Иннокентій сталъ часто подвергаться болѣзнямъ, особенно—простудѣ, и очень часто вообще жаловался, и на словахъ и въ письмахъ къ знакомымъ, на свои недуги. Но, слабый физически, онъ не переставалъ бодрствовать духомъ и дѣйствовать съ прежнею силою. Осенью 1849 года Иннокентій снова долженъ былъ отправиться въ Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. Это сильно тревожило его какъ въ отношеніи его собственнаго здоровья, такъ и потому, что его личнаго пребыванія въ епархіи требовали многія еще далеко неоконченныя его епархіальныя дѣла. Онъ началъ отпрашиваться, ссылаясь на свое нездоровье. Тоже самое случилось и въ слѣдующемъ 1850 году. Впрсчемъ митрополитъ Московскій Филаретъ, видѣвшій его въ этомъ году, писалъ преосвященному Евсевию, бывшему епископу Винницкому и ректору С.-Петербургской духовной академіи, отъ 19-го іюня 1850 года, слѣдующее: „преосвященнаго Иннокентія видѣлъ я не какъ больнаго, но носящаго слѣды болѣзни. Мнѣ показалось, что его здоровье возстановилось до прежней силы“. Въ 1852 году преосвященный Иннокентій былъ вызванъ въ Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ въ послѣдній разъ.

Свящ. М. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета (Дроздова),

въ послѣдствіи митрополита Московскаго

(1809—1819).

(Продолженіе *).

Переходимъ къ проповѣди Филарета, по случаю поминовенія графа А. С. Строганова, т. е. къ слову въ недѣлю 24-ю по Пятидесятницѣ. Хотя эта проповѣдь и не внесена въ собранія словъ и рѣчей Филарета изданій 1844, 1848 и 1861 годовъ, тѣмъ не менѣе она имѣетъ большое значеніе въ исторіи проповѣднической дѣятельности Филарета. Не говоря уже о томъ, что она показываетъ, насколько даже во второй половинѣ 1811 года поднялась слава Филарета, какъ проповѣдника, въ Петербургѣ, насколько расширился кругъ этой славы, не ограничивающійся теперь, какъ прежде, узкими стѣнами церкви Александро-Невской лавры, она имѣетъ и особое отъ сего значеніе. Послѣ того, какъ 3 октября Филаретъ произнесъ въ Казанскомъ соборѣ надгробное слово при отпѣваніи тѣла графа Строганова, семейство покойнаго графа упросило проповѣдника сказать слово и въ 40-й день по кончинѣ отца семейства: такъ поправилось то надгробное слово. Заурядный проповѣдникъ, даже и не 29-лѣтній, какимъ былъ въ то время Филаретъ, можетъ быть, не нашелся-бы, что говорить ему еще въ 40-й день, послѣ ска-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1835 г. № 14.

заннаго въ день отпѣванія. Но не таковъ былъ Филаретъ. 40-й день по кончинѣ графа приходился какъ-разъ въ 24-ю недѣлю по Пятидесятницѣ, въ которую положено читать Евангеліе изъ 8-й главы Луки, о воскресеніи дочери Іаировой. Это рядовое чтеніе подало нашему проповѣднику блестящую мысль сдѣлать назиданіе слушателямъ такимъ образомъ, чтобы и общее рядовое чтеніе не было оставлено безъ вниманія, и просьба семейства покойнаго графа была уважена. Опъ избралъ текстъ для проповѣди такой: *не плачтитеся: не умре бо, но спитъ* (Лук. 8, 52) и въ печатномъ изданіи проповѣди самъ подъ строкою нарочито отмѣтилъ: „слова сіи читаются въ Евангеліи недѣли двадцать четвертой. Четырнадцатый день отъ кончины покойнаго случился точно въ сію недѣлю“¹⁾. Такъ какъ проповѣдь Филарета напечатана была только отдѣльною брошюрою въ 1811 году и затѣмъ не помѣщалась ни въ одномъ изъ собраній словъ и рѣчей Филарета, кромѣ послѣдняго изданія 1873 года, также какъ и проповѣдь на Благовѣщеніе 1810 года, то мы приведемъ весь текстъ ея сполна.

„*Не плачтитеся: не умре бо, но спитъ* (Лук. 8, 52).

„Можно пожелать себѣ несчастія, чтобъ имѣть такого Утѣшителя. Одно слово Его превращаетъ смерть въ легкой кратковременный сонъ: *не умре бо, но спитъ*. Чтобы доставить утѣшеніе сѣтующимъ, Онъ самъ подвергается осмѣянію: *ручашуся Ему* (53). Онъ прикасается мертвому тѣлу—и возвращаетъ ему душу *и воскресе абіе* (55).

„Но благословенъ Богъ, коего дары тѣмъ болѣе обильны и повсемственны, чѣмъ болѣе вождѣльны и необходимы! *Иисусъ Христосъ вчера и днесь, той же и во вѣки* (Евр. 13, 8). Онъ доселѣ и творитъ и глаголетъ,—и творитъ словомъ и глаголетъ дѣлами. Сынъ вдовы Наинской, дщерь князя сонмища, Лазарь, другъ Іисуса, воззванные отъ смерти къ жизни во дни Его пребыванія на земли, не суть единственные причастники Его благоволенія; но токмо ранніе предвѣстники нашего въ Немъ блаженства. Воскрешая ихъ, Онъ проповѣдуетъ намъ,

¹⁾ Стр. 158 прилѣж. 1-го тома сочиненій Филарета, изд. 1873.

что *въручай, аще и умреть, оживетъ* (Іоан. 11, 25) в тройственномъ сего рода знаменіемъ внушаетъ ожиданіе тройственного воскресенія, да, по пророчесвенному желанію Апостола, *всесовершенство нашъ духъ и душа и тѣло непорочно въ Его славное пришествіе сохранится* (1 Сол. 5, 23). Такъ, пестоящая владычество смерти до основаній, Онъ не оставляетъ ей ни же имени: *не умре, но спитъ*“.

Такимъ образомъ уже здѣсь выясняется тема проповѣди, прямо и опредѣленно не выраженная; это—идея безсмертія. Далѣе именно и слѣдуетъ въ проповѣди подробное обоснованіе этой идеи:—главнѣйшая часть проповѣди.

„И естественный человѣкъ издревле имѣлъ гаданіе, что гробъ не есть послѣдній предѣлъ бытія его. Приникая въ открытую предъ нимъ книгу истины, перстомъ Божиимъ написанную вѣфуду—въ твореніяхъ видимыхъ, и внутрь-уду—въ себѣ самомъ, онъ читалъ въ ней предсказаніе о своемъ безсмертіи. Подлинно, вся природа вопіетъ противъ ужасной мысли о уничтоженіи. Растенія увядаютъ, и прозябаютъ; зерно умираетъ, чтобы дать жизнь дереву или злаку; засыкаетъ пресмыкающееся, — и пробуждается окрыленнымъ; грубѣйшія сущности разрѣшаются въ тончайшія; свѣтъ удаляется и возвращается; времена оканчиваются и начинаются; исчезающіе гласы воскресаютъ въ отголоскахъ; все соразрушается для воссозданія, умираетъ для жизни, погибаетъ для храненія: одинъ-ли человѣкъ,—толь громкое имя, издастъ минутный звукъ, и болѣе не отзовется? Напротивъ, если бы даже существованіе видимаго міра могло сократиться въ предѣлы земной жизни человѣческой, бытію духа человѣческаго не свойственно было-бы стѣсниться въ существованіи видимаго міра. Бытія чувственины совершенствуются поспѣшно, и достигаютъ своего назначенія: человѣкъ, возрастая непрестанно и всегда чувствуя внутреннее воззваніе къ высшему совершенству, дотолѣ старается приблизиться къ небу, доколѣ не снидетъ въ землю; и возможно-ли, чтобы сей сынъ неба родился токмо для младенчества и воспитанія? Животныя, водимыя чувственностію, находятъ свое счастье и покой въ удовлетвореніи нуждъ, ограниченныхъ сохраненіемъ бытія. Человѣкъ, управляемый высними побужденіями, живетъ болѣе въ

будущемъ, нежели въ настоящемъ, и не можетъ насытить безконечнаго желанія. Неужели въ семъ случаѣ владыка міра долженъ быть несчастіе покоренныхъ подъ ноги его? Неужели никогда не постигнетъ сего будущаго, которое онъ столь неутомимо преслѣдуетъ? Неужели сіе безконечное желаніе могло быть насаждено въ конечной природѣ? Что будутъ сіи высокія побужденія любви къ Богу и ближнему, если одинъ изъ сихъ предметовъ никогда не достигается, а другой всегда исчезаетъ? Что будетъ кроткая добродѣтель, если дерзкое злодѣяніе, которое иногда упреждаетъ ее въ снисканіи благъ земныхъ, смѣшается съ нею въ прахъ могилы и можетъ быть пережить ее въ памяти потомства? Живъ Господь порядка, правды и благодати,—и въ Немъ жива по смерти душа наша“.

Покончивъ съ естественно-философскимъ доказательствомъ безсмертія, проповѣдникъ дѣлаетъ затѣмъ переходъ къ доказательству той-же истины изъ откровенія Божественнаго, сверхъестественнаго.

„Впрочемъ, — говоритъ онъ, — сколь ни естественно сіе умозаключеніе, признаемъ, что естественный разумъ не можетъ содѣлаться побѣдителемъ смерти. Подобно малодушному воину, онъ гордится блестящимъ оружіемъ, доколѣ находится внѣ опасности, но при видѣ врага трепещетъ и опускаетъ оное изъ рукъ своихъ. Приближаясь къ вождѣльному безсмертію, онъ встрѣчается съ неизвѣстностію, которая поражаетъ его столько-же, а иногда и болѣе, нежели самая смерть, — и влечется вспять прирастіемъ къ жизни, которая наиболѣе ласкаетъ тогда, какъ должно ее оставить. По своей склонности кичать, онъ можетъ въ сіе время произвести въ чловѣкѣ отчаянное хладнокровіе, но не спокойствіе сердечное. Болѣе, повидимому, долженствовалъ обезпечивать противу смерти законъ, откровенный Богомъ избранному народу. Въ немъ вѣчный Законодатель, указуя на свои велѣнія и судьбы, увѣряетъ всемогуществомъ и величіемъ существа Своего, что жизнь будетъ неотъемлемымъ достояніемъ тѣхъ, которые исполняютъ оныя. *Сотворивъи та чловѣкъ живъи будетъ въ нихъ: Азъ Господь Богъ вашъ* (Лев. 18, 5). И дабы сіе высокое обѣтованіе низвести къ разумѣнію и ощущенію чувственныхъ даже чловѣковъ, Онъ пролагаетъ имъ путь къ чаянію живота

вѣчнаго чрезъ надежду возрожденія въ потомствѣ многочисленномъ. *«Поживете и умножитесь»* (Втор. 4, 1).

Уже выраженіе „повидимому“ показывало, что проповѣдникъ не намѣренъ былъ и увѣренію ветхозавѣтнаго откровенія въ безсмертіи придавать особенно доказательной силы. Полное ослабленіе этой силы, для перехода къ единственно сильному увѣренію и доказательству, проповѣдникъ выражаетъ дальнѣйшими словами своей проповѣди.

„Но что долженъ былъ чувствовать человѣкъ, — говоритъ онъ, — внимая благословенію жизни, возвышаемому закономъ, тогда какъ сей-же законъ гремѣлъ проклятіемъ на каждаго, кто хотя на единую черту отъ него уклонится; тогда какъ человѣкъ, взирая на дѣла свои, не могъ не сознавать, что не оправдится всякъ живой предъ судомъ Господнимъ? Онъ видѣлъ смерть одесную закона жизни, и принужденъ былъ или непрестанно трепетать предъ нею, или спастись бѣгствомъ отъ самаго закона и искать инаго утѣшенія.—Единъ Иисусъ *избавляетъ насъ, елицы страхомъ смерти повинни бѣша работъ* (Евр. 2, 15), и разсѣваетъ ужасы, ее окружающіе. Онъ совокупляетъ всѣ наши смерти въ одну собственную смерть, возноситъ ихъ съ Собою на крестъ, повергаетъ въ Свой гробъ и, по воскресеніи Своемъ, оставляетъ въ немъ единныя ризы, дабы показать, что и въ нашемъ гробѣ останется только внѣшнее, изъ грубыхъ стихій сотканное облаченіе существа нашего, а человѣкъ воспаритъ къ вышней жизни небесной. Иисусъ во свѣтѣ показываетъ вѣрующимъ безсмертіе, въ которое разумъ прозрѣваетъ въ сумракѣ. Въ Иисусѣ отдаленное обѣтованіе закона о жизни представляется въ осязательной вещественности, такъ что Духъ Святой употребляетъ уже простую человѣческую клятву, когда хочетъ увѣрить насъ, что смерть соединившихся со Христомъ не есть болѣе смерть, но блаженное успокоеніе отъ трудовъ жизни. *Блаженни мертви умирающіи, умирающіи о Господѣ отнынь: ей, глаголетъ Духъ: да почиютъ отъ трудовъ своихъ* (Апок. 14, 13).

„Замѣтимъ тщательнѣе, слушатели“, — дѣлаетъ теперь проповѣдникъ дальнѣйшія разъясненія главнаго предмета своей проповѣди и нравственное приложеніе догмата, — „въ глаголахъ Духа свойство сея блаженныя смерти. *Блаженни мертви умира-*

раюции... Кто суть сіи мертвые, которые умираютъ?—Тѣ, которые *спотреблися Христу крещеніемъ въ смерть* (Рим. 6, 4), ибо противу всеобщей и послѣ грѣха неизбѣжной болѣзни смертной единственное врачество есть то, чтобы привить себѣ спасительную смерть Христову;—тѣ, которые *плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24); — тѣ, которые не *живутъ* болѣе, но *живетъ въ нихъ Христосъ* (Гал. 2, 20). По той мѣрѣ, какъ ихъ *внѣшній человекъ тлѣетъ, обновляется внутренній* (2 Кор. 4, 16): почему совершенное отложеніе мертвенныхъ останковъ перваго будетъ совершеннымъ торжествомъ послѣдняго. Съ радостною покорностью волѣ Господа, они совлекутся одеждѣ тѣла и почиютъ въ мирѣ, доколѣ Отецъ, измывъ ее въ потокѣ тлѣнія, возвратитъ имъ не-тлѣнпу и свѣтлу. *Ей, глаголетъ Духъ: да почиютъ.*

„О, благословенная суббота ¹⁾ для тѣхъ, которые не погубили дней дѣланія! Они понесли зной дня и хладъ ночи, трудились до пота, сражались до крови, бдѣли до изнеможенія: теперь уже не будутъ они носить никакихъ бремени, налагаемыхъ міромъ и плотію; не изыдутъ собирать себѣ пищи, но будутъ ясти отъ манны, уготованной Господемъ; никакая страсть не возгнѣтетъ въ нихъ огня, кромѣ того, который пылаетъ предъ Господемъ, никакой врагъ не досягнетъ ихъ. *Да почиютъ отъ трудовъ своихъ.*

„Единственный спутникъ, который слѣдуетъ за ними въ покой ихъ, есть совѣсть умиренная заслугами Спасителя: *дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ съ ними* (Апок. 14, 13). Она разгибаетъ предъ ними свитокъ прошедшей жизни, указываетъ имъ свѣтлыя черты, положенныя въ немъ благодатию, и исполняетъ ихъ сладкимъ упованіемъ. доколѣ наконецъ явится Первородный въ братіи съ благословеніемъ Отца Своего и торжественно введетъ ихъ съ Собою въ наслѣдіе царствія.

„Не къ славѣ умершихъ о Господѣ“,—начинаетъ проповѣдникъ самое нравственное приложеніе догмата къ служителямъ,— „но къ утѣшенію нашему должно присовокупить, что,

¹⁾ Еврейское слово: *суббота*, какъ извѣстно и какъ предполагалъ извѣстнымъ для своихъ образованныхъ слушателей нашъ проповѣдникъ, значить: *покой*.

преходя къ ближайшему соединенію съ Богомъ, они не различаются и съ нами, если и мы живемъ Господеви. Ихъ души въ той же руцѣ Божіей, которая отверзаясь и насъ исполняетъ благодати; яко члены единого тѣла Христова, мы имѣемъ съ ними единую главу и сердце, единую жизнь и свѣтъ. Церковь каждый день возобновляетъ сей священный союзъ живыхъ и мертвыхъ, когда въ часъ всемірвой жертвы, единожды принесенной на крестѣ и доселѣ продолжающейся таинственно на олтарахъ нашихъ, погружаетъ и тѣхъ и другихъ совокупно въ животворящую кровь Христову; когда гласомъ благочестивой любви взываетъ о живущихъ, да скончаютъ въ мирѣ животъ свой, и о скончавшихся, да почиютъ.

„Почій, взываетъ она днесъ и тебѣ, блаженная душа“,—обращается теперь проповѣдникъ къ недавно почившему графу А. С. Строганову,—„которую недавно весь градъ сей сопровождалъ въ мирномъ твоёмъ отшествіи! ¹⁾ По нашему земному счисленію, ты совершила теперь во твоёмъ *исходѣ* изъ *бытія* земнаго сорокъ четыре года, чудесъ исполненнаго странствія. Я сказала: по земному; ибо намъ неизвѣстны дни небесныя и мѣра вѣчности, всегда настоящей. Мы вѣруемъ, что исходя изъ міра, изъ сего мрачнаго *Египта*, изъ сей *тѣсноты* духовной, ты готова вйти въ обѣтованный покой. ибо мы видѣли, какъ ты переходила еще прежде духовный путь очищенія, чувственно и когда образованный страствованіемъ Израиля. Ты крестилась не только наружно въ водѣ купѣля, но и въ облакѣ вѣры внутренно; ты съ благоговѣйнымъ страхомъ внимала гласу закона Божія на горѣ святѣй; ты еще изъ страны пришествія соглядала землю обѣтованія и, когда плоть и кровь страшились труднаго въ нее восхожденія, укротила мятежъ ихъ силою вѣры твоей, и ты подвиза-

¹⁾ Графъ Строгановъ, извѣстный богатъ, щедрый благотворитель, покровитель наукъ и художествъ, уважаемый всѣми и даже царскою фамиліею,—вельможа, умерши наститымъ старцемъ, сопровождаемъ былъ при погребеніи своимъ дѣйствительно едва не всѣми петербургскими жителями. Срав. слово Филарета, сказанное при отпѣваніи графа, въ 1-мъ томѣ сочиненій Филарета, изд. 1873 г., стр. 151—157, особенно же, стр. 154—157. Срав. также слѣдующія слова теперь разсматриваемой проповѣди. О графѣ см. еще въ 1 томѣ цит. „Исторіи царствованія Александра I“.

лась доблестно ко славѣ Бога и ближняго; и, взирая на вѣрнаго вождя Иисуса, тихими стопами прешла за предѣлы времени. Сей впутренній путь, предназначертанный четыредесятилѣтнемъ страствовавшаго Израиля, мы начертали себѣ въ четыредесяти дняхъ воспоминаній и молитвъ по твоёмъ видимомъ исходѣ и, будучи воскрисяемы твоею и нашею вѣрою, не преставая тебѣ сопутствовать,—восходи, взываемъ съ упованіемъ, восходи въ мирѣ въ полную радость Господа твоего и нашего, а во свидѣтельство нашей любви и благодарности къ твоимъ подвигамъ, пріими еще наше духовное цѣлованіе, которое въ Немъ тебѣ препосылаемъ!

„А вы,—обращается въ заключеніе слова къ предстоящимъ проповѣдникъ,—которые въ семъ знаменитомъ мужѣ лишились нѣжнаго отца, вѣрнаго друга, кроткаго домовладыки, попечительнаго начальника, твердаго защитника,—ибо всѣмъ симъ онъ былъ, по природѣ, по долгу, по сердцу,—пріимите утѣшеніе, которое Церковь подаетъ вамъ изъ устъ Самого Господа: *не плачьтеся: не умре. Умѣряйте печаль о такой потерѣ, которая для оплакиваемого вами есть пріобрѣтеніе. Ему же бо жити Христосъ, для того и умерети пріобрѣтеніе есть* (Филип. 1, 21). Нѣтъ и для насъ инаго средства восполнять потерю умершихъ о Господѣ, какъ слѣдовать за ними путемъ истины въ животъ. Аминь“¹⁾.

И такъ вотъ проповѣдь, которую,—при всѣхъ ея высокихъ достоинствахъ, благодаря которымъ Филаретъ упрощенъ былъ семействомъ покойнаго графа войти въ ихъ домъ и кругъ ихъ знакомства, а чрезъ то болѣе приблизился и ко Двору царскому,—самъ проповѣдникъ не удостоилъ дальнѣйшаго распространенія въ кругу читателей посредствомъ внесенія въ позднѣйшія собранія словъ и рѣчей его. А между тѣмъ подобное же по направленію слово одного изъ учителей его въ проповѣдничествѣ, русскаго Массильона—Анастасія Братановскаго, именно слово на погребеніе И. И. Бецкаго пронеслось во славу по всей Россіи. Какъ образецъ краснорѣчія, это слово помѣщалось и помѣщается едва-ли не во всѣхъ сборникахъ (христо-

¹⁾ См. стр. 158—163 тома 1-го сочиненій Филарета цит. изданія.

матіяхъ) по словесности, и это съ давнихъ поръ, именно съ 1814 года, сколько намъ извѣстно ¹⁾. Указанія же на это слово, какъ образецъ церковнаго витійства, дѣлаютъ рѣшительно всѣ учебники церковной и свѣтской словесности, вышедшіе въ текущемъ столѣтіи. Не говоримъ уже о сборникахъ (христоматіяхъ), теоріяхъ и исторіяхъ проповѣдничества: именно русскаго, гдѣ слово Анастасія на погребеніе Бецкаго непременно приводится или упоминается, какъ образецъ надгробныхъ словъ или поученій догматическаго характера (по ученію о безсмертіи души, развиваемому въ словѣ). Посмотримъ однакоже, уступаетъ-ли слово ученика слову учителя въ достоинствахъ своихъ Слова Анастасія мы не будемъ приводить полностью въ виду самой его распространенности, сейчасъ упомянутой. Мы будемъ дѣлать изъ него лишь выдержки, необходимыя для сличенія его съ словомъ Филарета.

И то и другое слово произнесено въ Александро-Невской лаврѣ ²⁾ и въ присутствіи лучшаго петербургскаго общества. То и другое слово произносится архимандритами, изъ которыхъ одному (Анастасію) не было еще 35-ти ³⁾, а другому (Филарету) даже и 29 лѣтъ отъ роду ⁴⁾. То и другое слово развиваетъ мысль о безсмертіи души. У Анастасія эта тема выражена такъ: „самая смерть добродѣтельныхъ есть доказательство безсмертія, и того блаженства, которое подвигаемъ благочестивымъ предоставлено во страхахъ небесныхъ, въ царствѣ вѣчности“ ⁵⁾. Развѣтіе той-же въ сущности темы у Филарета мы уже видѣли. Для болѣе полнаго сходства мы не-

¹⁾ См. составленное въ 1814, а вышедшее въ свѣтъ въ 1815 году „Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ, изданное обществомъ любителей отечественной словесности“. Ч. I. Стр. 139—149.

²⁾ Слово Анастасія—въ церкви Благовѣщенія, а слово Филарета—въ Лазаревской кладбищенской церкви той-же Александро-Невской лавры.

³⁾ Анастасій родился 16 октября 1761 года, а произносилъ свое слово сентября 4 дня 1795 года.

⁴⁾ Филаретъ родился 26 декабря 1782 года, а произносилъ слово свое 5 ноября 1811 года.

⁵⁾ См. поучит. словъ Анастасія т. I, стр. 223. Москва, 1803 года. Припомнимъ, въ отношеніи къ грамматической конструкціи, выраженіе темы въ первой печатной проповѣди Филарета (В. М. Дроздова) 12 января 1806 года.

обходимо должны привлечь къ разсмотрѣнію и проповѣдь послѣдняго, произнесенную при самомъ отпѣваніи графа Строганова, подобно Бецкому умершаго маститымъ старцемъ ¹⁾, подобно ему-же имѣвшаго ближайшее отношеніе къ развитію художествъ въ Россіи ²⁾, подобно ему мужа добродѣтельнаго, въ чемъ ему много способствовали огромныя богатства его, и т. д. Кстати и самая эта послѣдняя проповѣдь Филарета раскрываетъ тему сродную и той проповѣди его, которую мы уже разсмотрѣли, и проповѣди Анастасія, именно о томъ, что „Богъ живыхъ даетъ вѣрѣ и добродѣтели миръ и долгоденствіе въ залогъ безсмертія и блаженства“. Но за всеѣмъ тѣмъ есть между проповѣдями обоихъ проповѣдниковъ и весьма значительная разница. Между тѣмъ какъ въ приведенной нами примѣръ выше проповѣди Филарета въ 40-й день по кончинѣ графа Строганова, при разумныхъ соображеніяхъ въ пользу истины безсмертія души, предпочтительнымъ вниманіемъ пользуется такъ называемое физико-психологическое доказательство, у Анастасія на первомъ планѣ является такъ называемое этико-телеологическое доказательство. Между тѣмъ какъ проповѣдь Филарета, основываясь на словѣ Божіемъ, соображеніяхъ разума и воспоминаніи личныхъ качествъ покойнаго, въ тоже время не упускаетъ изъ виду и церковнаго ученія, — слово Анастасія, не противорѣча конечно послѣднему, ни однимъ почти словомъ не указываетъ на него. Даже со стороны внѣшняго характера, между тѣмъ какъ рѣчь Филарета является довольно спокойною по теченію строго обдуманнхъ мыслей и выраженій, — рѣчь Анастасія, по свойственной ему особенности, до избытка полна оживленія, до излишества наполнена вопросами, восклицаніями и пр. Заключеніе проповѣди Анастасія, какъ и проповѣди Филарета, сказанной въ день погребенія графа

¹⁾ И. И. Бецкій родился въ 1702 и скончался въ 1795 году; А. С. Строгановъ родился въ 1734 и скончался въ 1811 году.

²⁾ Бецкій былъ президентомъ академіи художествъ; Строгановъ былъ директоромъ той-же академіи. О покровительствѣ его развитію художествъ и художническихъ талантовъ въ Россіи можно составить себѣ понятіе по сочиненной въ честь его Г. Р. Державинымъ одѣ: „Любителю художествъ“ (соч. Державина т. I, стр. 363 изд. Грота).

Строганова, выражается въ формѣ молитвы къ Богу о упокое-
ніи усопшаго. Таковы главныя черты сходства и различія про-
повѣдей двухъ знаменитыхъ напихъ витій. Нѣтъ сомнѣнія,
что проповѣдь Анастасія является однимъ изъ блестящихъ
образцовъ русскаго церковнаго краснорѣчія. Нѣтъ сомнѣнія
и въ томъ, что Филаретъ, особенно въ школѣ своего проповѣд-
ничества—Сергіевой лаврѣ, старался даже подражать Ана-
стасію, если не по отношенію къ внутреннему характеру своей
проповѣди, то въ отношеніи къ внѣшнему характеру ея (распо-
ложеніе мыслей, языкъ, конструкція рѣчи и под.), и въ частности
настоящую проповѣдь его ставилъ для себя образцомъ при напи-
саніи своихъ проповѣдей по случаю кончины и поминовенія графа
Строганова, особенно—первой проповѣди. Поэтому-то въ пись-
мѣ къ своему родителю отъ 14 октября 1811 г. Филаретъ, упо-
мявая объ этой проповѣди и называя ее надгробною, замѣчаетъ
въ скобахъ: „что здѣсь, казалось, вышло уже изъ употребле-
нія“ ¹⁾, чѣмъ явно намекается на надгробныя слова Анаста-
сія и въ особенности на рассматриваемое слово. Но и въ этой
проповѣди своей Филаретъ пошелъ независимымъ отъ Анаста-
сіева путемъ. Между тѣмъ какъ у Анастасія главное внима-
ніе обращено на развитіе мысли о добродѣтели, какъ основа-
ніи убѣжденія въ безсмертіи добродѣтельнаго человѣка по ду-
шѣ, у Филарета уже и въ первой проповѣди въ память о графѣ
Строгановѣ глубже смотрится на тотъ-же въ сущности пред-
метъ—безсмертіе. У Анастасія всѣ отправленія духовной дѣя-
тельности человѣка окрашиваются колоритомъ добродѣтельно-
сти и подъ этою окраскою являются субстратами для образо-
ванія посылокъ къ выводу одного общаго умозаключенія—о
безсмертіи души, чрезъ что и понятіе о добродѣтели расши-
ряется до неуловимости собственныхъ его признаковъ и въ
понятіе о другихъ силахъ души вводятся такіе признаки, ко-
торые не свойственны обычному понятію о нихъ. Напримѣръ
вотъ слова самого Анастасія: „Убрашенъ-ли добродѣтелию умъ?
Тогда размышленія его невинны, познанія спасительны, пред-
пріятія кротки, намѣренія безвредны, совѣты благіе“ и т. д.

¹⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 151.

животъ вѣчный (Іоан. 6, 47)? Гдѣ та отрада, которую добродѣтель вливаетъ въ сердце среди горестей несчастія? Гдѣ та совѣсть, внушающая любить честность ни по страху человѣческому, ни для похвалъ вѣшнихъ? Гдѣ вѣра? Гдѣ законъ? Гдѣ праведный Богъ?" ¹⁾ и т. д. Итакъ вотъ уже 12 вопросовъ къ ряду, а мы еще не привели слѣдующихъ семи. Мы не будемъ такъ строги къ Анастасію, чтобы вмѣстѣ съ пресвященнымъ Филаретомъ Черниговскимъ говорить о его проповѣдяхъ: „напыщенность ихъ докучлива: до 50 патетическихъ вопросовъ въ одномъ словѣ—дичь“ ²⁾. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ не сказать, что въ этой длинной тирадѣ, состоящей изъ однихъ вопросовъ, много такого, что представляетъ въ себѣ помянутое выше смѣшеніе понятій,—много такого, что логически не вытекаетъ изъ предшествующаго и не стоитъ съ нимъ въ органической внутренней связи,—много лишняго, и т. д. Напротивъ того-же отнюдь нельзя сказать о проповѣдяхъ Филарета, гдѣ логическая стройность цѣлаго, точность, сжатость, при обиліи мыслей и живости изложенія, составляютъ существенныя достоинства. Въ частности въ одной изъ разсматриваемыхъ проповѣдей, сродныхъ съ проповѣдію Анастасія по предмету, мы уже могли это видѣть. Мы видѣли, какъ постепенно, но твердо идетъ мысль проповѣдника отъ доказательства къ доказательству, отъ менѣе сильнаго къ болѣе сильному, пока не сосредоточивается наконецъ на главномъ доказательствѣ—истинно христіанскомъ, основаніе котораго во Христѣ. Въ проповѣди на погребеніе графа Строганова главное вниманіе проповѣдника сосредоточивается, правда, видимому на свѣтлой личности почившаго; но и здѣсь, въ мысляхъ общихъ, отвлеченныхъ отъ представленія о личности покойнаго, та-же стройность логическая и та-же постепенность, та-же точность и сжатость. И какъ та проповѣдь, кромѣ этого достоинства, которымъ оно преимуществоетъ предъ проповѣдію Анастасія, имѣетъ предъ нею то преимущество, что представляетъ большее разнообразіе въ доказательствѣ одного и

¹⁾ Стр. 226—228 части I-й поучит. словъ Анастасія пят. изд.

²⁾ Обзоръ русской духов. литературы, ч. 2, стр. 161 пят. изд.

того же предмета, шире, при всей сжатости, и глубже объедетъ самый этотъ предметъ, такъ и эта проповѣдь. Вотъ примѣръ начало этихъ общихъ мыслей въ доказательство главной мысли, заключающейся въ темѣ: „Человѣкъ рождается подъ грознымъ небомъ. Зачатый въ беззаконіяхъ, осужденный на смерть прежде рожденія, поставленный въ противоборствѣ со всею природою, мстящею своему владыкѣ за покореніе себя суетѣ, имѣя въ разумѣ вождя, въ наибольшихъ опасностяхъ наиболѣе слѣпотствующаго, въ сердцѣ друга, часто измѣняющаго, въ совѣсти судію, коего бдительность ужасна для чувственности, а усыпленіе для духа, — что есть бѣдный приплецъ земли, какъ не язвенный воинъ, принужденный въ одно время сражаться и съ внѣшними врагами и съ внутреннею немощію? Что суть подвиги безъ Бога предприемлемые имъ для счастья, какъ не усилія разслабленнаго, желающаго воздвигнуться? Что его земныя удовольствія, какъ не обманчивыя врачевства, на краткое время заглушающія неисцѣльную болѣзнь, и которыя становятся тѣмъ менѣе дѣйствительными, чѣмъ чаще употребляются? Счастливъ, если среди сихъ бѣдственныхъ опытовъ, наконецъ онъ почувствуетъ, что нѣтъ безопасности на земли безъ примиренія съ небомъ.“

„Вѣра изливаетъ цѣлебный бальзамъ на раны, открываемыя самопознаніемъ. Она увѣряетъ, что Богъ для того токмо предаетъ насъ заслуженнымъ страданіямъ, чтобы мы познали нужду помощи Его, и прилѣпились къ Его милосердію: она скрываетъ насъ отъ взоровъ Его правосудія подъ одеждою заслугъ Христовыхъ; облакаетъ нашу слабость и буйство въ Божію силу и Божію премудрость и, подвизая насъ къ высокой дѣятельности по намѣреніямъ любви Божіей, присовокупляетъ, что *иже Своего Сына не пощадъ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его: како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ* (Рим. 8, 32)? Та-же вѣра, которая примиряетъ съ Богомъ, обращая лице свое къ человѣкамъ, становится добродѣтелію и служитъ вѣрнѣйшею ходатаицею мира съ ближними“.

Развивши затѣмъ и эту мысль въ пояснительныхъ частныхъ мысляхъ и примѣрахъ, а затѣмъ и послѣднюю — о мирѣ человѣка вѣрующаго и добродѣтельнаго съ самимъ собою и заключивъ ее

словами Писанія, сказанными какъ-бы отъ имени таковаго чело-
вѣка: *въ мирѣ скупи усну и почию, яко ты Господи на упованіи
всели мя еси* (Псал. 4, 9),—проповѣдникъ на этомъ „упованіи“
и утверждаетъ мысль о мирѣ (и долгоденствіи), какъ залогъ
безсмертія и блаженства. Весь этотъ рядъ мыслей потомъ при-
лагается и къ почившему, какъ челоуѣку, осуществившему въ
себѣ изображенныя черты ¹⁾, подобно тому, какъ у Анастасія—
къ Бецкому. Какъ очевидно, и здѣсь у Филарета, при строгой
последовательности мыслей, нѣтъ мысли и даже слова, которыя
были-бы лишни. И при этомъ какая глубина психологическа-
го анализа! Здѣсь нѣтъ блеска (или иногда треска) красно-
рѣчія, которымъ отличается рѣчь Анастасія; но за то нѣтъ и
того многословія, отъ котораго какъ извѣстно, не избѣжишь
грѣха.

Проповѣди Филарета, произнесенныя въ память Графа Стро-
ганова, какъ мы замѣтили выше, еще болѣе прежняго под-
няли славу проповѣдническую Филарета.—сдѣлали его, такъ
сказать, моднымъ проповѣдникомъ. Въ началѣ 1812 года Фи-
ларета приглашаютъ къ произнесенію проповѣди при отпѣва-
ніи тѣла другаго умершаго государственнаго сановника, быв-
шаго министра народнаго просвѣщенія, одного изъ дѣятель-
нѣйшихъ участниковъ въ осуществленіи реформъ царствова-
нія Александра I, графа П. В. Завадовскаго (или Заводов-
скаго). Филаретъ произноситъ, при чемъ краснорѣчиво изоб-
ражаетъ покойнаго, какъ мужа, *иже въ премудрости помыш-
ляетъ правая, и иже въ разумѣ своемъ поучается святыми*
(Сир. 14, 21) ²⁾. Въ Великій Пятокъ Филаретъ произноситъ
проповѣдь (конечно также не безъ приглашенія или назваче-
нія) въ придворной соборной церкви въ присутствіи Ихъ Ве-
лпчествъ и Ихъ Высочествъ на текстъ: *дщери іерусалимскія
не плачтитеся о Мнѣ, обаче себе плачтите и чадо вашихъ* (Лук.
23, 28). Утѣшеніе о страждущемъ Иисусѣ и сокрушеніе о се-
бѣ—вотъ тема проповѣди. Въ то время, какъ французы еще

¹⁾ Стр. 152 и дал. тома I-го сочиненій Филарета цит. изд.

²⁾ Этотъ текстъ и лежитъ въ основаніи проповѣди; имъ же выражается и те-
ма ея. См. стр. 164—165 цит. изд. соч. Филарета.

держались въ Москвѣ, Филаретъ произноситъ проповѣдь на освященіе домово́й церкви покровителя своего, князя А. Н. Голицына и затѣмъ по выходѣ французовъ изъ Москвы произноситъ въ той же церкви еще двѣ проповѣди, изъ которыхъ одну, по желанію Высочайшей особы,—даже повторительно. Проповѣдь на освященіе сейча́сь упомянутой церкви произнесена на тему „объ освященіи нашего храма невидимаго“ и произвела столь сильное впечатлѣніе на слушателей, что въ одинъ изъ слѣдующихъ случаевъ священнодѣйствія Филарета въ той же церкви его просили даже повторить эту проповѣдь, но онъ конечно не могъ этого сдѣлать и произнесъ другую проповѣдь. Въ чемъ же вся сила и причина такого впечатлѣнія проповѣди? Не смотря на событія отечественной войны, занимавшія въ то время вниманіе всѣхъ и бывшія живѣйшимъ предметомъ поученій другаго знаменитаго прпповѣдника того времени, Августина, въ проповѣди Филарета нѣтъ ни малѣйшаго прямого намека на эти событія. Но за то вся она состоитъ въ глубочайшемъ и возвышеннѣйшемъ истолкованіи предмета, который, благодаря помянутымъ событіямъ, еще сильнѣе, нежели прежде, становился близкимъ сознанію людей, уже преднастроенныхъ на тонъ мистицизма. *Внутреннее наше освященіе*—одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ мистицизма,—и Филаретъ по прежнему строго православно разрѣшаетъ этотъ вопросъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ до того глубоко входитъ въ самый предметъ проповѣди, до того самъ одушевляется имъ, уже подготовленный къ тому своєю собственною духовною жизнію, что въ этой проповѣди вышло поистинѣ дивное сочетаніе глубокихъ и поучительныхъ мыслей проповѣдника, вытекающихъ изъ темы, съ мыслями и ощущеніями, которыя вызывались и событіями времени. Исходя изъ текста: *возмите врата князи ваша, и возмיתесь врата вѣчная, и увидеть Царь славы* (Псал. 23, 7),—проповѣдникъ естественно въ концѣ проповѣди, которою какъ-бы постепенно приготавливаетъ слушателей къ мысли о необходимости такого освященія своего внутренняго храма, при коемъ онъ достоинъ былъ-бы видѣть входящимъ въ него *Царя славы*, указываетъ на необходимость всегдашней готовности къ такому принятію въ себя Царя сла-

вы. Но это-же невольно переносило мысль слушателей къ представленію о пришествіи Христа—Царя славы на послѣдній судъ. Событія-же времени: грозная, губительная война, оскверненіе французами, предводимыми Наполеономъ, святынь русскихъ и под., столь-же невольно вызывали представленіе и о наступленіи этого страшнаго суда, при чемъ Наполеонъ представлялся какъ-бы антихристомъ. Можно себѣ вообразить, поэтому, какое впечатлѣніе должны были произвести на слушателей Филарета слова конца проповѣди его: „И между тѣмъ Господь *при дверехъ*. О милость, о неблагодарность непостижимыя! Какой рабъ можетъ пренебрегать посѣщеніемъ владыки своего, и какой владыка можетъ снести такое пренебреженіе? Можетъ-ли богатый оставить нищаго толцать во врата свои отъ утра до вечера, и нищій не проклясть жестокосердаго? Но Ты, Господи, съ неизреченными сокровищами щедротъ Твоихъ, съ того времени, какъ возсіялъ надо мною свѣтъ Евангелія Твоего, стоишь у вѣчныхъ вратъ души моей, а я не внемлю Твоимъ кроткимъ толчаніямъ, и вратами тлѣнія убѣгаю скитаться по міру, и просить у враговъ Твоихъ моей погибели. Пожелаемъ, слушатели, чтобъ у каждаго, кто будетъ отверзать врата освященнаго нынѣ храма и входить въ нихъ, въ тоже время отзывались въ душѣ, и отверзали-бы ее Богу, Божественныя слова освященія: *вознесите, врата, главы ваша, и отверзнутся врата вѣчныя, и увидеть Царь славы. Аминь*“¹⁾.

7—10 октября 1812 года французы оставили Москву, по еще много хлопотъ было при дѣлахъ съ ними во время отступленія ихъ на Смоленскую дорогу. Была мысль даже, не пошелъ-бы Наполеонъ изъ Москвы на Петербургъ. И только къ концу октября для Петербурга выяснилось дѣло о безславномъ отступленіи врага изъ предѣловъ Россіи за границу. Слѣдовательно 23 октября, когда Филаретъ произносилъ свою „Бесѣду о молитвѣ Господней“, еще пельзя ему было говорить какимъ-бы то ни было образомъ о тѣхъ радостныхъ для всякаго истиннаго сына отечества знаменіяхъ, которыя уже тог-

¹⁾ Стр. 182 тома 1-го соч. Филарета. цит. изд.

да покрывали славою русское оружіе и русскую доблесть. Событія пока еще внушали нашему проповѣднику тѣже въ сущности мысли, которыя проповѣданы имъ были въ той же Троицкой домово́й церкви князя Голицына 1 октября по освященіи этой церкви. Обильный источникъ для этихъ мыслей представляло собою самое содержаніе молитвы Господней, объяснять которую предпринялъ проповѣдникъ въ помянутой „Бесѣдѣ“ о ней. А текстъ, послужившій исходною точкою для „Бесѣды“, еще болѣе вызывалъ такія же мысли. *Что Мя зовете, Господи, Господи, и не творите, яже глаголю?* (Лук. 6, 46)—начинаетъ проповѣдникъ, и затѣмъ прямо говоритъ: „страшный гнѣвъ Господа открывается намъ, слушатели, въ семъ изреченіи Евангелія! Овъ укоряетъ не только тѣхъ, которые хулятъ или забываютъ святое имя Его, но и тѣхъ, которые съ благоговѣніемъ обносятъ оное въ устахъ своихъ. *Что Мя зовете, Господи, Господи. И такъ, неужели Бога оскорблять можно и молитвою?*—Можно, если устная молитва не сопутствуется сердечною, а сердечная не сопровождается творительною молитвою. *Что мя зовете, Господи, Господи, и не творите, яже глаголю?*“—и т. д. Далѣе прошенія: *да святится имя Твое,—да приидетъ царствіе Твое* и другія изреченія молитвы Господней представляли собою обильный матеріалъ проповѣднику для сосредоточенія мысли слушателей на истинахъ, столь и возвышенныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ столь же дорогихъ мистицизму, какъ и освященіе нашего внутренняго храма въ проповѣди на 1-е октября. При всемъ томъ сердце проповѣдника, какъ истиннаго сына отечества, не могло быть чуждо и ближайшихъ событій отечественной войны, что такъ или иначе прорывалось въ его „Бесѣдѣ“. Такъ на примѣръ въ объясненіи прошенія: *да святится имя Твое*, выраженіе: „языцы, взирая на нашу жизнь, въ удивленіи вопрошаютъ другъ друга: *идъ естъ Богъ ихъ?*“ (Исам. 78, 10),—прямо указываетъ на вторгшихся въ Россію и хозяйничавшихъ въ ней галловъ и съ ними двадесять языковъ, особенно въ связи съ предшествующимъ: „если гласы молебныхъ пѣній и словій нашихъ возмущаетъ нами же возносимый къ небу вопль нищихъ“ (Іов. 34, 28), которымъ не благовѣствовали мы Бога,

Отца сирыхъ; заглушаетъ *гласъ крове братій нашихъ* (Быт. 4, 10), въ которыхъ мы не прославили Бога, Судію обидящихъ?“—и т. д. Затѣмъ въ изъясненіи прошенія: *да придетъ царство Твое*, выраженія: „но не многіе-ли изъ насъ въ легкомысленныхъ мечтаніяхъ созидаютъ здѣсь каждый собственное царство? Сынь силы думаетъ начертать другимъ законъ страха и униженія; мнящійся быть мудрымъ хочетъ владычествовать перомъ въ царствѣ мнѣвій“ и т. д.,—содержать въ себѣ прямое или косвенное указаніе на Наполеона, тогдашнюю политику и пр. Въстѣ съ тѣмъ „Бесѣда о молитвѣ Господней“ полна такого обильнаго утѣшенія, назиданія и другихъ достоинствъ со стороны внутреннего своего характера, что не удивительно желаніе Высочайшей особы, вызванное, безъ сомнѣнія, рекомендаціею слушателей ея въ 23-е октября,—повторить эту „Бесѣду“. Не удивительно, что и послѣ повторенія ея 30 ноября Филаретъ слышалъ такіа слова кротости, которыя растопляли его, какъ воскъ, такіа слова благочестія, которыя „воспламеняли“ его ¹⁾. Къ тому же въ „Бесѣдѣ“ и расположеніе мыслей такъ ясно и выраженіе ихъ въ словѣ такъ просто, что столь сильное впечатлѣніе отъ нея для слушателей достигалось безъ особеннаго напряженія вниманія и мыслительной силы, каковаго требовали другія проповѣди Филарета. Это—одна изъ проповѣдей Филарета, доказывающихъ несправедливость того ходячаго у насъ сужденія о нихъ, что онѣ мало понятны для слушателей и читателей, что Филаретъ не умѣлъ говорить просто при своемъ проповѣдываніи. Правда, большая часть проповѣдей Филарета, какъ человѣка, который самъ неустанно работалъ умомъ, требуютъ отъ читателей, какъ требовали въ свое время отъ слушателей, подобной же работы умственной, чтобы получить отъ нихъ истинное назиданіе. Но вѣдь, съ одной стороны, непреложна истина, что *царство Божіе нудится, и усильнѣи искателие восхищаютъ е*, что къ глубоко назидательнымъ поученіямъ нашего великаго святителя вполне заслуживаетъ быть отнесеннымъ, а съ другой—многочисленныя истинныя приносятъ нерѣдко говоряще слово проповѣди

¹⁾ Письма Ф. къ роднымъ, стр. 167.

просто, но не такъ глубоко-назидательно, а еще болѣе того— не такъ свято, какъ Филаретъ,—говорящіе съ тѣмъ, чтобы блеснуть краснымъ словцомъ или порисоваться современностію и под. „Бесѣда“ же Филарета написана просто, и мы привели бы ее здѣсь, какъ образчикъ этой простоты, если бы, съ одной стороны, не боялись утомить читателей такою выпискою ея, а съ другой—не имѣли-бы въ виду того, что желающій можетъ легко прочитать ее во всѣхъ существующихъ въ печати собраніяхъ словъ и рѣчей Филарета.

Третья проповѣдь, произнесенная Филаретомъ въ домово́й церкви кн. Голицына и послѣдняя въ 1812 году, сказана была въ ней на третій день праздника Рождества Христова, хотя приготовлена была на тему изъ мыслей, относящихся къ воспоминанію священныхъ событій самаго праздника.

Исходя изъ текста: *и се вамъ знаменіе: обрящете младенца повита, лежаща въ яслехъ* (Лук. 2, 12), она развиваетъ мысль о томъ, „какое-бы знаменіе могло насъ удостоверить въ нашемъ приближеніи ко Христу, въ истинѣ нашего возрожденія?“ ¹⁾ Уже изъ этой темы ясно, какая обильная содержаніемъ матерія представлялась Филарету и въ настоящей проповѣди къ назиданію слушателей, событіями 1812 года еще болѣе прежняго воспламененныхъ ревностію въ пользу мистическаго движенія. И онъ здѣсь, также какъ прежде, осторожно, но весьма глубоко и прочно посѣваетъ сѣмена этого назиданія въ сердцахъ ихъ. Взывая во всеуслышаніе къ ученію св. Церкви ²⁾ и учителей ея ³⁾, онъ даетъ понять слушателямъ, что безъ материнскаго участія св. Церкви то „возрожденіе“ было-бы не столько „истиннымъ“, сколько мечтательнымъ, что только въ „простотѣ вѣрованія“ пастырей мы можемъ истинно найти и встрѣтить Христа въ возрожденномъ сердцѣ нашемъ, а не въ мистической мудрости или, какъ выражается Филаретъ, въ „своемудріи“ ⁴⁾ и т. д. „Между тѣмъ какъ очи наши теряются въ созерцаніи величественныхъ ви-

¹⁾ Стр. 184 тома 1-го сочин. Филарета цит. изд.

²⁾ См. стр. 183 указаніе на слова 1-го ирмоса на Рождество Христово.

³⁾ Стр. 187, цитата изъ Тертуліана „Противъ Маркіона“. гл. IV.

⁴⁾ Стр. 188; срав. стр. 189.

довъ,—поучаетъ онъ,—намъ представляющихся, легко стать можетъ, что мы не примѣтимъ подъ ногами нашими камней, свѣтей и пропастей, или остановимся на пути нашемъ тогда, какъ надлежало-бы простираться въ предняя. И потому яркія озаренія ума не всегда можно принимать за непреложныя знаменія приближенія къ Христу и за вѣрныя указанія истиннаго пути возрожденія. Есть просвѣщенныя души подобныя прозрачнымъ тѣламъ, которые пріемлютъ и передаютъ свѣтъ, но сами его не чувствуютъ, и даже производятъ въ другихъ пламя, но сами остаются хладны и мертвы. Самая высокая мудрость человѣческая есть такое свѣтило, которое поколику само идетъ неопредѣленнымъ еще путемъ, потолику и не можетъ быть надежнымъ путеводителемъ, и которое чѣмъ славнѣе въ своемъ сіяніи, тѣмъ страшнѣе въ своемъ затмѣніи. Какъ можно и желать лучшаго? Истинное и живое видѣніе собственно не есть удѣлъ настоящей жизни; самое блаженство ея состоитъ въ вѣрованіи: *върую ходимъ, и не видѣнемъ* (2 Кор. 5, 7); *блаженн не видѣвшіи и вѣровавшіи* (Іоан. 20, 29). Сидимъ же по слѣдамъ пастырей вилеевскихъ, на сѣннотайнственный путь вѣры; и чѣмъ болѣе оны сокровенъ и невидимъ, тѣмъ болѣе потщимся его замѣтить осязательнымъ знаменіемъ ему свойственнымъ“. Не ясенъ-ли строгій урокъ людямъ, доходившимъ до крайностей въ увлеченіи мистицизмомъ? И хотя въ 1812 году еще не начинались въ Петербургѣ радѣнія Татариновой ¹⁾, однако прецеденты подобныхъ духовоборческихъ стремленій уже были въ скопчествахъ и въ масонскихъ ложахъ; да и упоеніе мнимо-духовною мудростію у представителей обыкновеннаго мистицизма перѣдко доходило до крайностей. Поэтому тѣмъ болѣе полезенъ былъ тотъ урокъ, чѣмъ опаснѣе были хотя бы то предварительныя симптомы духовно-болѣзненнаго состоянія петербургскаго общества того времени.

Въ новый 1813 годъ въ Петербургѣ совершалось торжество освобожденія Россіи отъ нашествія иноплеменныхъ. Воспла-

¹⁾ Татаринова прибыла въ Петербургъ и начала тамъ свои радѣнія съ 1815 года, о чемъ см. *И. И. Бартенева*, 19-й вѣкъ, ч. 1, стр. 221. Москва 1872.

мененный огнемъ любви къ отечеству Филаретъ, какъ мы знаемъ, отозвался по этому поводу въ краснорѣчивомъ словѣ отвѣтнаго письма на пригласительное письмо А. Н. Оленина написать разсужденіе - рѣчь о нравственныхъ причинахъ неимоверныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812 года, для прочтенія ея въ „Бесѣдѣ общества любителей российской словесности“. И это разсужденіе - рѣчь читано въ собраніи сего общества 20 мая, когда Филаретъ числился уже почетнымъ членомъ „Бесѣды“. Съ церковной же каеедры тѣ-же и еще сильнѣйшія патріотическія чувствованія свои онъ выразилъ въ проповѣди при погребеніи славнаго вождя отечественной войны, князя М. И. Голенищева-Кутузова—Смоленскаго ¹⁾. Мы не будемъ приводить текста этой проповѣди, также какъ и другой, знаменитой по краснорѣчію, проповѣди Филарета за 1813 годъ, такъ какъ обѣ онѣ вошли во всѣ позднѣйшія собранія словъ и рѣчей Филарета, а послѣдняя—даже и въ хрестоматіи по словесности, начиная съ 1814 года. Мы обратимъ вниманіе лишь на отдѣльныя черты и особенности этихъ проповѣдей, въ цѣляхъ нашей настоящей историко-критической характеристики проповѣднической дѣятельности Филарета за разсматриваемый періодъ. Въ виду хронологической очереди обращаемся прежде всего къ проповѣди на Великій Пятокъ 1813 года. Во весь петербургскій періодъ своей проповѣднической дѣятельности Филаретъ произнесъ пять проповѣдей на Великій Пятокъ, именно: въ 1812 году въ придворной церкви, въ 1813, 1815, 1816 и 1817 годахъ—въ Александро-Невской лаврѣ. Мы помнимъ также, что и еще въ 1806 году онъ произносилъ проповѣдь на этотъ-же великій день. Говоря въ свое время объ этой послѣдней проповѣди, мы не даромъ отмѣтили о значеніи столь великаго дня для проповѣдниковъ вообще и значеніи его для Филарета по отношенію тогдашней его проповѣди на таковой день, назначенной ему прямо Платономъ въ видѣ пробнаго опыта. Самъ

¹⁾ Сравъ по поводу этой проповѣди письмо князя А. Н. Голицына къ товар. мнн. ви дѣлѣ Козодавлеву въ „Вѣстникѣ Запад. Россіи“ за 1868 г. кн. 12, отд. II, стр. 133—134.

Платонъ, въ теченіе своей 50-лѣтней проповѣднической дѣятельности, произнесъ также нѣсколько проповѣдей на этотъ день ¹⁾. Анастасій Братановскій—другой учитель Филарета, также не оставилъ безъ проповѣди этотъ-же день ²⁾. Другіе; болѣе или менѣе знаменитые проповѣдники того времени — тоже ³⁾. Великая тайна домостроительства спасенія во Христѣ, воспоминаемая въ этотъ день, въ соединеніи съ торжественно-печальною обрядностію церковною, не могла не возбуждать таланта проповѣдническаго, не могла не поднимать духа служителя Церкви, особенно такого, какъ Филаретъ. Но, какъ само собою понятно, не стать-же ему было повторять одну и ту-же проповѣдь едва не каждый годъ. Интересно, поэтому, сличить всѣ пять проповѣдей Филарета на Великій пятокъ за означенные выше годы, чтобы видѣть, сколь велика была находчивость у нашего проповѣдника въ избраніи темы для проповѣди. Мы не забыли конечно, какую тему для проповѣди на Великій Пятокъ избралъ Филаретъ въ 1806 году; помнимъ также, на какую тему говорилъ онъ проповѣдь на тотъ-же день и въ 1812 году въ придворной церкви. Въ 1813 году онъ произносилъ слово, безъ текста, о тайнѣ *слова крестнаго* (1 Кор. 1, 18); въ 1815 году — Бесѣду изъ текста: *видите, како праведный полюбѣ, и никто-же пріемлетъ сердцемъ* (Иса. 57, 1), о необходимости для насъ принимать сердцемъ страданія нашего Спасителя; въ 1816 году — слово на текстъ: *такъ возлюби Богъ міръ* (Іоан. 3, 16), о любви Божіей къ міру и человѣку, явленной въ распятіи Христовомъ; наконецъ въ 1817 году—слово на текстъ: *изыде-же вонъ Исусъ, нося терновень вѣнецъ и багряну ризу. И глагола имъ: се человекъ!* (Іоан. 19, 5), о богочеловѣчествѣ Іисуса Христа. Итакъ вотъ уже 6 проповѣдей на Великій Пятокъ,—и какое разно-

¹⁾ См. напр. Сочиненій Платона т. I, стр. 150 и дал.; стр. 292 и дал.; т. 2, стр. 109 и дал.; т. 20, стр. 185 и дал.

²⁾ См. напр. поучит. словъ Анастасія ч. I, стр. 132 и дал.; ч. II, стр. 45 и дал.; ч. IV, стр. 14 и дал. Срав. журн. „Вѣра и Разумъ“ 1884 года, № 4, отд. церк., стр. 391 и дал.

³⁾ См. напр. Поучит. словъ Теофилакта Рязанскаго ч. II, стр. 245 и дал.;—м. Амаросія поучит. словъ ч. III, стр. 55 и дал.

образіе предметовъ содержація ихъ! Но кромѣ этого разнообразія и самъ Филаретъ, и слушатели и цѣнители его проповѣди придавали всѣмъ этимъ проповѣдямъ не одинаковое значеніе. Такъ слово въ Великій Пятокъ 1813 года не только самимъ Филаретомъ удостоено внесенія во всѣ позднѣйшія собранія его словъ и рѣчей, но и современниками его отличаемо было особеннымъ вниманіемъ, какъ образецъ церковнаго краснорѣчія. Мы уже говорили о внесеніи его въ качествѣ такого образца въ 1-ю часть собранія образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ изданія Общества любителей отечественной словесности (стр. 169—185. Спб. 1815). Вносило оно въ сборники, христомати по словесности и пр. также и послѣ сего ¹⁾. Во второмъ курсѣ чтеній о словесности *И. Давыдова* это слово разбирается, какъ образецъ церковнаго краснорѣчія, при чемъ проповѣди Филарета вообще поставляются „вънѣдомъ духовнаго современнаго витійства нашего“ ²⁾. Тоже говорятъ о немъ и другіе ³⁾ Слово въ Великій Пятокъ 1816 г. также не только допускается самимъ Филаретомъ ко внесенію во всѣ дальнѣйшія собранія его словъ и рѣчей, но и приводится или даже разбирается, какъ образецъ духовнаго витійства представителями словесной науки въ Россіи, при томъ такими, какъ напримѣръ Шевыревъ ⁴⁾. Но за то, съ другой стороны, проповѣди на Великій Пятокъ 1812, 1815 и 1817 гг. только и напечатаны были отдѣльными брошюрами прямо послѣ ихъ произнесенія, а затѣмъ какъ-бы преданы были забвенію при жизни самого проповѣдника и только послѣ его кончины, вмѣстѣ съ другими, такую же участь имѣвшими, перепечатаны въ 1-мъ томѣ сочиненій Филарета изданія 1873 г. Спрашивается: что за причина такой неодинаковости? Неужели проповѣди

¹⁾ См. напр. *Яковлева* „Русская христоматія“. Изд. 2-е Спб. 1874; см. также христоматию *Галахова* и др.

²⁾ Стр. 191 и дал. Изд. 2-е. Москва, 1838.

³⁾ См. напр. *Н. И. Греча* „Опытъ краткой исторіи русской литературы“, стр. 268 и 301. Спб. 1822; *А. Глаголева* „Умозрительныя и опытыя основанія словесности“, ч. IV, стр. 38. Спб. 1845 и др.

⁴⁾ См. „Москвитянинъ“ за 1846 г. т. I, стр. 214—216, срав. также *М. А. Поторжинскаго* „Образцы русской церковной проповѣди XIX вѣка“, стр. 158 и дальн. Кіевъ, 1882 и др.

1812, 1815 и 1817 годовъ ниже другихъ проповѣдей того-же проповѣдника по внутреннимъ или внѣшнимъ достоинствамъ своимъ? Отнюдь нѣтъ! Въ нихъ таже глубина и строгая послѣдовательность мыслей, тоже сильное, ясное, живое слово; онѣ всѣ одушевлены тѣмъ же блестящимъ краснорѣчіемъ, какъ и проповѣди 1813 и 1816 годовъ. Мы не говоримъ уже о глубокой назидательности, отличающей и эти, какъ всѣ, проповѣди нашего вѣка. Не думаемъ, чтобы причиною невнесенія ихъ въ собранія 1820—1861 годовъ было и то, что, какъ намъ уже извѣстно, было причиною прекращенія проповѣданія Филарета въ придворныхъ церквахъ съ 1814 года; потому что тогда-бы не внесена была и проповѣдь 1816 года. Предполагаемъ, что скорѣе всего причиною разсматриваемаго обстоятельства было то, что въ проповѣдяхъ 1812, 1815 и 1817 годовъ больше нежели въ проповѣдяхъ 1813 и 1816 года является изреченій обличительнаго характера. Въ проповѣди 1812 года обличительный тонъ предполагается уже второю половиною текста: *себе плачете и чады вашихъ*. Въ „Бесѣдѣ“ 1815 года заключается цѣлая тирада съ такимъ же характеромъ и при указанія на „смутныя и темныя событія дней“ проповѣдника ¹⁾. Въ словѣ 1817 года обличеніе соблюдено даже къ концу проповѣди противоположеніемъ между Распятымъ и распинателями ²⁾. И хотя обличеніе дѣлается „съ сожалѣніемъ, а не съ негодованіемъ“ ³⁾, какъ это было во всегдашнемъ правилѣ у Филарета, тѣмъ не менѣе и это обличеніе проповѣдникъ находилъ, вѣроятно, тягостнымъ для позднѣйшихъ читателей его проповѣдей и потому не допустилъ помянутыя проповѣди до внесенія въ собранія 1820—1861 годовъ.

Проповѣдь, сказанная предъ погребеніемъ тѣла свѣтлѣйшаго князя Михаила Иларіоновича Голенищева-Кутузова—Смоленскаго въ Казанскомъ соборѣ 13 іюня 1813 года была, остает-

¹⁾ См. сочиненій Филарета т. I изд. 1878 г., стр. 217 и дал.; срав. въ той же проповѣди стр. 215.

²⁾ Тамъ-же, стр. 236.

³⁾ Замѣчаніе на рукописномъ экземплярѣ одного изъ ученическихъ упражненій Макарія Глухарева. № 16 допол. рукоп. библ. Моск. дух. академіи.

ся и останется навсегда дивнымъ памятникомъ горячей любви Филарета къ отечеству, равно какъ и превосходнѣйшимъ образцомъ историческаго надгробнаго слова. Въ этомъ отношеніи къ нему имѣютъ ближайшее отношеніе, съ одной стороны, знаменитое слово самого-же Филарета „о гласѣ вопіющаго въ пустыни и на воспоминаніе происшествій 1812 года“ и затѣмъ слово на день коронаціи Александра I, — оба, сказанныя въ 1814 году, а съ другой — проповѣди Августина, архіепископа Московскаго, Амвросія (Протасова), епископа Тульскаго (а съ 1816 года архіепископа Казанскаго и затѣмъ Тверскаго) и др. Это заключительное воззваніе надгробнаго слова Филарета: „Россіяне! вы всѣ единодушно желаете, чтобы духъ, данный Смоленскому, не преставалъ ходить въ полкахъ нашихъ, и почивать на вождяхъ нашихъ. Нѣтъ лучшей сего похвалы для отшедшаго; нѣтъ лучшаго наставленія для оставшихся сыновъ отечества“ ¹⁾ и другія подобныя патріотическія воззванія и выраженія въ надгробномъ словѣ о Кутузовѣ ²⁾, равно какъ и въ словахъ: о гласѣ вопіющаго въ пустыни и на день коронаціи Императора, сказанныхъ въ слѣдующемъ 1814 г. ³⁾, — ясно свидѣтельствуютъ, какою горячею любовію къ отечеству прежде всего пылало собственное сердце проповѣдника. А множество историческихъ примѣчаній, которыми самъ же проповѣдникъ усѣялъ страницы печатнаго экземпляра надгробнаго слова своего по Кутузовѣ, показывало, какъ глубоко зналъ онъ исторію отечественной войны, чтобы не ограничиваться въ проповѣди одними лишь патетическими выраженіями, не обоснованными исторически, а чтобы твердо стоять на исторической почвѣ. Мы жалѣемъ, что, за расширеніемъ объема настоящей статьи нашего изслѣдованія о проповѣднической дѣятельности Филарета, не можемъ привести полностью текста всѣхъ трехъ превосходныхъ проповѣдей, теперь рассматриваемыхъ; но утѣшаемся тѣмъ, что всякій желающій можетъ прочитать ихъ или во всѣхъ существующихъ или по крайней

¹⁾ Сочин. Филарета т. I, стр. 54 цит. изд.

²⁾ См. напр. выше на той-же страницѣ; срав. также стр. 52, 53 и др.

³⁾ Тамъ-же, стр. 63—64 и др.; — стр. 190 и дал.; 192 и дал. и др.

мѣрѣ въ трехъ собраніяхъ словъ и рѣчей нашего проповѣдника. Мы же сличимъ теперь эти проповѣди Филарета съ однородными проповѣдями другихъ витій того времени. Болѣе всѣхъ прославился этого рода проповѣдями архипастырь первопрестольнаго града, бывшаго главною цѣлю завоевательныхъ намѣреній Наполеона съ его полчищами, — Москвы. Разумѣемъ Августина Виноградскаго, въ качествѣ викарія Московской митрополіи, уже задолго до 1812 года и вмѣстѣ года кончины митрополита Платона, за болѣзнію послѣдняго, дѣйствовавшаго болѣе или менѣе самостоятельно по епархіи Московской, а съ кончиною Платона (11 ноября 1812 года), сперва управлявшаго только митрополіею, а съ 1814 года и прямо — архіепископа Московскаго. Онъ, можно сказать, встрѣчалъ, онъ же и провожалъ враговъ отечества. И когда всѣ граждане московскіе, всѣ жители Московской епархіи, больше того — всѣ истинные сыны отечества нашего были воодушевлены горячею любовію къ отечеству и воспламенены огнемъ ревности въ отмщеніи оскорбителямъ за поруганіе отечества, его дорогой святыни, всего священнаго, — могъ-ли оставаться равнодушнымъ къ этимъ чувствамъ народа архипастырь Московскій? — Не могъ и не былъ равнодушенъ. Патріотическая настроенность его выразилась во многихъ проповѣдяхъ, главнымъ образомъ относящихся къ событіямъ отечественной войны 1812 и дальнѣе годовъ, такъ что всѣхъ другихъ проповѣдей, въ сравненіи съ этими послѣдними, осталось отъ него очень мало ¹⁾.

Серія патріотическихъ проповѣдей Августина, начинаясь рѣчью при встрѣчѣ императора Александра I, говоренною 12 іюля 1812 года, кончается рѣчью при заложеніи храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ, говоренною 12 октября 1817 года. Самыми лучшими изъ этихъ проповѣдей считаются: слово при совершеніи годичнаго поминовенія по воинахъ, за вѣру и отечество на брани Бородинской животь свой положившихъ, — говоренное 26 августа 1813 года; слово въ день тезоименитства

¹⁾ Именно 19 проповѣдей, не считая молитвъ, относящихся къ событіямъ означенной войны и только 10 проповѣдей другихъ, съ 1801 до 1816 г. произнесенныхъ. См. сочиненія Августина въ изданіи Кораблева и Сирикава. Спб., 1856.

Государя Императора и по освященіи Московскаго Успенскаго собора, — говоренное 30 августа того-же года; слово по случаю взятія французской столицы россійскими и союзными войсками, — говоренное 23 апрѣля 1814 г. и слово по случаю заключенія мира съ Франціею и возстановленія спокойствія въ Европѣ, — говоренное 21 іюня того-же года ¹⁾. Всѣ эти, какъ и другія проповѣди Августина „отличаются живостію и силою чувства, картинностію изображеній и чистотою выраженій, но иногда не свободны отъ нѣкоторой напыщенности и латинской конструкціи“ ²⁾. А если мы прибавимъ къ тому, что во всѣхъ проповѣдяхъ его „поэтической элементъ преобладаетъ надъ требованіями логическаго ума“; что „ни одна мысль не развита у него по правиламъ строгаго логическаго мышленія, а излагается какъ у поэта“ ³⁾: то, уже въ виду раньше сказаннаго о проповѣдяхъ Филарета вообще и о его проповѣдяхъ патріотическихъ въ частности, мы должны будемъ согласиться, что не Филарету нужно было учиться у Августина, а послѣднему у Филарета, хотя Филаретъ, какъ мы помнимъ изъ его писемъ къ Августину, съ обычною ему скромностію и ставилъ себя съ вѣрною ему академіею подъ учительское руководство Августина и особенно въ дѣлѣ проповѣди ⁴⁾.

Было бы слишкомъ утомительно проводить сличеніе проповѣдей Августина и Филарета въ подробностяхъ. Возьмемъ для примѣра проповѣди того и другаго лишь на одинъ и тотъ-же день коронаціи Государя Императора Александра Павловича, произнесенныя послѣ и, слѣдовательно, подъ впечатлѣніемъ событій 1812 года, именно: проповѣдь Августина 15 сентября 1813, а проповѣдь Филарета — въ тотъ-же день 1814 года. Проповѣдь Августина безъ текста; рассуждаетъ-же, или лучше, прославляетъ вѣру и благочестіе царя русскаго, сравнивая его съ вѣрующимъ и благочестивымъ царемъ Давидомъ.

¹⁾ Срав. *Филарета Черниг.* „Обзоръ рус. дух. литер.“ ч. 2, стр. 202 цит. изд. Срав. вышеприведенное мнѣніе Филарета Московскаго о второмъ изъ этихъ словъ.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же, стр. 203.

⁴⁾ См. Чт. въ об. люб. дух. просв. за 1869 г. кн. VI, стр. 34 и дал. 48 и др. матеріаловъ для біографіи Филарета.

Проповѣдь Филарета въ основаніи своемъ имѣеть текстъ изъ псалмовъ Давида: *Господи, силою Твоею возвеселится Царь, и о спасеніи Твоемъ возрадуется зело* (20, 2), а темою— „проповѣдь Давида о силѣ Божіей и спасеніи Божіемъ, какъ твердѣйшемъ основаніи и чистѣйшемъ источникѣ царственной радости“¹⁾; исходя также, какъ и проповѣдь Августина, отъ сравненія царя русскаго съ царемъ Давидомъ. Но посмотримъ для образчика, какъ ведется у того и другаго проповѣдника хотя бы сравненіе царей. „Когда Давидъ помазанъ былъ на царство во Израили,—начинаеть свое слово Августинъ,—*Духъ Господень ношашеся надъ нимъ отъ того дне и потомъ* (1 Цар. 16, 13). Когда великій во владыкахъ земныхъ Александръ пріялъ святое помазаніе, еже царствовать въ достояніи отецъ своихъ: тотъ-же Духъ изліялся на него, исполнилъ его премудрости и разума, совѣта и вѣрности; и, что паче всего, исполнилъ его страха Божія“²⁾. Уже изъ этого видно, какъ не продумано глубоко сравненіе; въ сущности и доброе, какъ неравномѣрно распредѣлены черты сравненія въ обѣихъ сравниваемыхъ предметахъ. Подобное-же тому и далѣе, при сравненіи тѣхъ-же царей въ другомъ отношеніи, да и еще менѣе удачно даже проведено сравненіе. Вотъ оно: „Царь Израилевъ во всякомъ дѣлѣ своемъ даде исповѣданіе Вышнему: встѣмъ сердцемъ своимъ восхваляи и возлюби Сотворшаго и (Сир. 47, 9, 10). Царь Россовъ! вѣра твоя возвѣщается повсюду; строгое повиновеніе закону Господню руководствуетъ тебя во всѣхъ путехъ царствованія твоего; глубокое смиреніе предъ Вседержителемъ, при страшномъ могуществѣ, среди великія славы, содѣлало тебя кроткимъ Ангеломъ, нѣжнымъ другомъ и благодѣтелемъ человѣчества“ и т. д.³⁾.

Не такъ у Филарета. Онъ глубже смотритъ на предметъ,

¹⁾ Сочин. Филарета т. I, стр. 191 цит. изд.

²⁾ Стран. 88 сочин. Августина цит. изд.

³⁾ Тамъ-же, стр. 88—89. Далѣе идетъ сравненіе Давида, какъ побѣдителя Голіафа, съ Александромъ, какъ побѣдителемъ Наполеона, а потомъ въ примѣрѣ Александра показывается, какъ истинная слава слѣдуетъ за вѣрою и благочестіемъ, тогда какъ стремленіе къ славію не истинной (какъ Наполеонъ) приводитъ къ послѣдствіямъ псегда противоположнымъ: къ полному безславію.

глубже входитъ въ область созерцанія, чертъ сравниваемыхъ царей и логически-строже проводитъ черты сравненія. Приведши вышеупомянутый текстъ, нашъ проповѣдникъ такъ начинаетъ свое слово:

„Не будемъ нынѣ изслѣдовать, слушатели, чья наибаче: радость исходитъ изъ устъ Давида въ семь восклицаній молитвенномъ: собственная-ли радость Давида, когда онъ, въ нѣкоторый, подобный настоящему, день съ торжественною благодарностію воспоминалъ, какую чудесною *силою* вознесенъ онъ былъ отъ стада на престоль, и koliko кратъ видѣлъ *спасеніе* Господне, явленное для себя и въ себѣ для цѣлаго народа; или предкушаемая радость Мессіи, Котораго въ пророческомъ духѣ созерцалъ онъ вошедшаго на высоту, и сѣдѣщаго, яко Царя, одесную *силы* Божіей, да въ Немъ узритъ всяка плоть *спасеніе* Божіе. Будучи не только пророкъ Христа: богодухновеннымъ словомъ, но и пророчесственнымъ образомъ: Его богоправимою жизнью, Давидъ могъ слѣдить сію сугубую радость во едину. Какъ-бы то ни было, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что царь по сердцу Божію возвѣщаетъ намъ радость истинно царскую. — *Сынове Сиони!* Вы предстоите здѣсь для того, чтобы предъ Богомъ *возрадоваться о Царь своемъ* отъ Бога помазанномъ, вѣнчанномъ и превознесенномъ. Праведно; ибо истинная радость царя и царства едина есть. И такъ, вслушаемся прилежнѣе въ священный гласъ радости сея, исходящій изъ устъ Царя-пророка; послѣдуемъ, сколько можемъ, его восхищенію или паче наставленію; онъ, ведеть насъ чрезъ радость Царя въ радость Господа; онъ проповѣдуетъ *силу Божію* и *спасеніе Божіе*, какъ твердѣйшее основаніе и чистѣйшій источникъ *царственной радости*. — *Господи, силою Твоею возвеселится Царь, и о спасеніи Твоемъ возрадуется зѣло*“¹⁾.

И затѣмъ съ замѣчательною постепенностію и съ обычною послѣдовательностію проповѣдникъ раскрываетъ мысль, о какомъ именно могуществѣ (*силѣ*) здѣсь рѣчь и какая слава достойна истинной, Давидской радости Царя; а во второй по-

¹⁾ Сочин. Филарета. Т. I, стр. 190—191 цит. изд.

ловинѣ изложенія темы съ такою-же постепенностію и послѣдовательностію раскрываетъ и ту мысль, что только спасеніе Господне (*ты о спасеніи Твоемъ*), по приложенію къ народу, нераздѣльно съ Царемъ своимъ радующемуся, благо общественное и спасеніе бѣдствующаго человѣчества дѣластъ полною радостъ Царя. Раскрывши эти мысли, проповѣдникъ уже и восклицаетъ:

„Такова, слушатели, радость Давида и такова радость Александра,—такова наконецъ, поволику и мы можемъ раздѣлять ее,—такова должна быть всеобщая радость настоящаго дня. Не слышите-ли вы еще и нынѣ радостными сердцами, какъ Благочестивѣйшій Самодержецъ въ то самое время, когда желаетъ воздать достойную славу побѣдоносному воинству своему, возносясь духомъ къ Богу, воспѣваетъ Давидскую пѣснь: *не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу?* Или, какъ показуя намъ совершившіяся подъ его водительство чудеса брани, пакы восклицаетъ Давидски: *кто Богъ велий, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса!* Или, какъ, управляя сердцами разнородныхъ воиновъ и правителей, плѣнивъ сердце враждебнаго царства силою оружія, и сердца враговъ правотою и благостію, на высотѣ своей славы вновь исповѣдуетъ, что *единъ Богъ всѣмъ управляетъ*. И что еще?—блаженная преданность воли предержащей волѣ всеуправляющей уже не токмо исповѣдуетъ сущее, но и предопуцаетъ и предрекаетъ грядущее дѣйствіе Промысла надъ своими дѣяніями. *Единъ Богъ, говоритъ, всѣмъ управляетъ, Онъ-же и совершитъ сіе дѣло, и великое дѣло спасенія сокрушенныхъ царствъ и стеснящихъ народовъ и умирненіе міра совершается*“. Сравнивъ такимъ образомъ Александра съ Давидомъ, какъ не только царемъ, но и пророкомъ, онъ теперь обращается съ восклицаніемъ уже прямо къ сынамъ Россіи вмѣсто сыновъ сіонихъ: „Сынове Россіи! возрадуемся о Царѣ своемъ, и съ Царемъ своимъ, истинно царственною и божественною радостію, да пронесется по всѣмъ мѣстамъ и временамъ грядущимъ, паче-же да проникнетъ во всѣ сердца и души животворящій *гласъ радости и спасенія, слышанный Пророкомъ въ селеніяхъ праведныхъ, гласъ народной радости: десница Господня сотвори силу; гласъ веселія*

Царева: *десница Господня вознесе мя*“ (Псал. 117, 15 и 16) ¹⁾.

Дѣло, какъ говорятъ, концомъ красится. Вотъ конецъ проповѣди Августина: „Боже отецъ нашихъ! вознеси во славу рогъ Христа Твоего; покори подъ нозѣ Его сопротивныя и потреби окрестъ; даждь Ему по сердцу Его, и весь совѣтъ Его исполни. Низпосли небесныя благословенія на супругу Его вѣнчанную и превознесенную Благочестивѣйшую Государыню Императрицу Елисавету Алексіевну; удиви милости и щедроты Твоя на всея Августѣйшемъ домѣ!—Аминь!“ ²⁾.

А вотъ какъ оканчиваетъ свою проповѣдь, послѣ выше приведенныхъ словъ, Филаретъ: „Во истину, Господи, Ты самъ *вознесъ избраннаго отъ людей своихъ, и положилъ его первенца, высока на чѣ царей земныхъ. Силою Твоею веселится Россійскій Царь, и о Твоемъ токмо спасеніи, прежде надъ нами, потомъ чрезъ насъ и надъ всѣмъ родомъ христіанскимъ совершающемся, радуется благодареніемъ и упованіемъ. Въ сихъ чувствованіяхъ исходилъ онъ прежде изъ предѣловъ своея державы для защищенія и спасенія, и нынѣ исходитъ паки для умиренія и облагоденствования народовъ. Воздаждь ему исполнену сію радость великаго Твоего спасенія. Господи, спаси Царя, и услыши насъ, вмѣстѣ съ нимъ восписующихъ Тебѣ славу и честь и силу. Аминь*“ ³⁾.

Какъ все здѣсь строго выдержано, и какъ у Августина мало этой выдержки. Но не вдаемся въ дальнѣйшія подробности сличенія обѣихъ проповѣдей, будучи увѣрены, что всякій мыслящій видитъ превосходство проповѣди Филарета предъ проповѣдію Августина. Тоже должно сказать и о другихъ проповѣдяхъ Августина, относящихся къ событіямъ отечественной войны по сравненію ихъ съ проповѣдями Филарета. Выше проповѣдей Августина стоятъ проповѣди Амвросія Протасова, но и онѣ отчасти страдаютъ тѣмъ-же недостаткомъ строго-логическаго изложенія, при живости изображенія предмета проповѣди, какимъ и проповѣди Августина ⁴⁾. Не гово-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 196.

²⁾ Сочин. Августина, стр. 95.

³⁾ Сочин. Филарета. Т. I, стр. 196—197.

⁴⁾ Отъявъ о проповѣдяхъ Амвросія см. у Филарета Черниговскаго въ его „Обзорѣ рус. дух. литер.“ ч. 2, стр. 219—221 цит. изд.

римъ уже о другихъ современныхъ событіяхъ отечественной войны проповѣдникахъ русскихъ, менѣе блиставшихъ красно-рѣчіемъ, нежели Августинъ и Амвросій, или менѣе близкое имѣвшихъ отношеніе къ Филарету со стороны проповѣдничества. Впрочемъ, если угодно, можно привлечь къ сравненію съ рассматриваемыми проповѣдями Филарета на примѣръ слово *Евгенія (Болховитинова)*, тогда епископа Калужскаго, „на день торжественнаго воспоминанія и Господу Богу благодаренія о пораженіи враговъ отечества нашего и о прогнаніи ихъ изъ предѣловъ Калужскія губерніи“,—произнесенное 12 октября 1813 года,—о томъ, „какъ побѣждать враговъ отечества“¹⁾, въ каковомъ словѣ много чертъ сходныхъ и съ рассмотрѣнною проповѣдію Филарета и съ его-же проповѣдію, сказанною при погребеніи тѣла князя Смоленскаго;—рѣчь Смоленской семинаріи префекта Игумна *Сильвестра*, говоренную „по принесеніи изъ Днѣпровской церкви иконы, посвященной купеческимъ сословіемъ города Смоленска покойному князю Кутузову-Смоленскому“, изъ текста: *како наде сильный во Израили?*²⁾ и др. Но это сравненіе покажетъ намъ не больше того, что показало сравненіе Филаретовыхъ проповѣдей съ Августиновыми. Поэтому мы оставляемъ дальнѣйшее изслѣдованіе по этому вопросу, чтобы перейти къ слѣдующимъ вопросамъ, пріурочивая ихъ къ хронологическому порядку всего нашего изслѣдованія.

Ч. Жорсунскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ См. собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ. Ч. 1. стр. 214—227. Срав. В. О. Пшоничкаго статью о проповѣдическихъ трудахъ Евгенія въ Труд. Кіев. дух. акад. за 1867 г., ч. III, стр. 522 и дал.

²⁾ Эта рѣчь удостоилась общей извѣстности чрезъ опубликованіе ея въ „Синѣ Отчества“ за 1813 годъ. Ч. VII, стр. 164—166.

БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ.

(Продолженіе *)

Менѣе случайное и болѣе естественное основаніе происхожденія идеи безсмертія въ человѣческомъ родѣ нѣкоторые философы думаютъ найти въ общей всѣмъ людямъ привязанности къ жизни. Жизнь, говорятъ, не смотря на все страданія, которыя въ ней приходится на долю человѣка, все-таки есть самое дорогое для него благо, которое потерять онъ больше всего боится. Человѣку страшна мысль объ уничтоженіи; отсюда естественное желаніе жить вѣчно и мечта о такой вѣчной жизни. Что удивительнаго, что сильное желаніе жить вѣчно, общее всѣмъ людямъ, олицетворилось для нихъ въ представленіи будущей, посмертной жизни? Это представленіе такъ повсюдно и всеобщее, такъ устойчиво, что отвѣчать самому задушевному желанію людей: чего мы сильно желаемъ, тому охотно и вѣримъ.

Что въ насъ есть неискоренимое никакими страданіями жизни желаніе жить,—это вѣрно, и мы указали на дѣйствительное и глубочайшее основаніе этого желанія въ присущей каждому изъ насъ идеѣ безсмертія. Поэтому объяснять происхожденіе этой идеи изъ желанія жить, значитъ давать факту, о которомъ идетъ рѣчь, совершенно превратное толкованіе, такъ какъ не любовь къ жизни производитъ идею безсмертія, а наоборотъ, только этою идеею можно вполне объяснить же-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 17.

ланіе жить и страхъ смерти. Въ справедливости этого не трудно убѣдиться, если мы возьмемъ любовь къ жизни саму по себѣ и въ ея отрѣшеніи отъ лежащей въ глубинѣ ея идеи безсмертія.

Если любовь къ жизни не имѣетъ никакого инаго основанія, кромѣ привязанности къ *этой*, земной жизни, то въ высшей степени сомнительно, чтобы отсюда могло образоваться желаніе жизни загробной. Что жизнь будущая не можетъ быть продолженіемъ жизни настоящей, но должна быть совершенно отличною отъ нея, это наглядно доказываетъ самому неразвитому человѣку смерть и разрушеніе тѣла. Поэтому и желаніе продолжить жизнь настоящую за ея предѣлы было бы безумною мечтою, которая могла-бы развѣ, какъ въ средніе вѣка, создать попытку отыскать „жизненный эликсиръ безсмертія“, но отнюдь не идею безсмертія. Что же касается до жизни будущей въ томъ видѣ, въ какомъ могъ и долженъ былъ ее представлять человѣкъ, именно—какъ противоположность жизни настоящей, то такого рода жизнь можетъ ли быть и бываетъ-ли предметомъ того сильнаго желанія, о которомъ говоритъ гипотеза,—желанія столь энергическаго, что оно могло превратиться въ увѣренность въ реальномъ существованіи желаемаго? Не много нужно наблюдательности надъ природою человѣка, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Конечно могутъ быть такія возвышенныя личности, которыя въ сознаніи суетности жизни настоящей и тяготясь узами тѣла, могутъ желать такого состоянія, когда душа, отрѣшившись отъ этихъ узъ, отрѣшится отъ всѣхъ ограниченій чувственности для жизни болѣе совершенной. Положимъ даже, что желаніе выдти изъ темницы тѣла будетъ такъ сильно, что произведетъ людей подобныхъ нѣкому Клеону Бероту, о которомъ преданіе говоритъ, будто онъ такъ былъ увлеченъ ученіемъ Платона о загробной жизни, что въ желаніи скорѣе насладиться ею лишилъ себя жизни. Но очевидно, все это будутъ исключенія и при томъ крайне рѣдкія. Всмотриваясь ближе въ желанія и стремленія большинства людей, не трудно замѣтить, что такъ называемыя блага міра сего составляютъ болѣе задушевный предметъ ихъ желаній и мечтаній, чѣмъ

какое-то неизвѣстное загробное существованіе. Еще болѣе,—если вспомнимъ, что представленіе о такомъ существованіи въ религіозныхъ вѣрованіяхъ обыкновенно соединяется съ мыслию о посмертномъ воздаяніи; если вспомнимъ, что при мысли о подобномъ воздаяніи самый нравственный человѣкъ не можетъ не чувствовать смущенія: то для насъ скорѣе сдѣлается естественнымъ и вѣроятнымъ противоположное предполагаемому желанію чувство по отношенію къ загробной жизни. Именно, вмѣсто того, чтобы быть предметомъ сильнаго желанія, эта жизнь для большей части людей служитъ предметомъ страха, производитъ впечатлѣніе тяжелое. По логикѣ разсматриваемой нами гипотезы во всѣхъ этихъ случаяхъ (а этихъ случаевъ, какъ легко видѣть—большинство) не могло бы быть мѣста для вѣры въ загробную жизнь; для нея нѣтъ почвы въ душѣ; нѣтъ желанія такой жизни, нѣтъ и мечты о ней. Но на дѣлѣ мы видимъ иное; даже болѣе,—въ тѣхъ случаяхъ, когда совѣсть не чиста, когда человѣку менѣе желалось-бы дѣйствительности будущей жизни, она тѣмъ сильнѣе выступаетъ предъ его совѣстью со всею силою смущающаго, а не льстящаго его желаніямъ представленія.

Итакъ мысль, чего мы сильно желаемъ, въ то охотно и вѣримъ,—не можетъ имѣть applicaціи къ объясненію происхожденія вѣры въ безсмертіе. Въ большей части случаевъ мы могли-бы сказать наоборотъ, что здѣсь мы невольно вѣримъ въ то, чего вовсе не желаемъ.

Еще неосновательнѣе, чѣмъ мысль, будто мы желаемъ загробной жизни, то предположеніе разсматриваемой нами гипотезы, будто сильное желаніе чего-либо, мечта о желаемомъ можетъ превратиться въ увѣренность въ осуществленіе нашей мечты,—въ частности, сильное желаніе жить вѣчно (положимъ, въ насъ оно есть)—во всеобщую вѣру въ безсмертіе души. Такое предположеніе рѣшительно противорѣчитъ опыту. Есть много людей, для которыхъ деньги, почести, чувственные удовольствія составляютъ величайшее счастье жизни; такіе люди могутъ страстно желать всего этого, мечтать о томъ, вообразить себя богатыми, знатными, пользующимися всѣми удовольствіями жизни. Но такіа мечта, какъ бы овѣ живы ни

были, на какомъ-бы сильномъ желаніи ни основывались, всегда останутся мечтами, ясно сознаваемыми и развѣ сумасшедшій можетъ увѣрить себя, что онъ непременно будетъ богатъ, знатенъ и пр. Точно также и мечта о загробной жизни, какимъ-бы сильнымъ желаніемъ ея ни возбуждалась, всегда оставалась-бы для человѣка мечтою; неосуществимость которой онъ ясно сознавалъ бы, если-бы идея безсмертія не утверждалась на какомъ-либо болѣе прочномъ основаніи.

Нѣкоторые философы, отвергающіе истину безсмертія души, думаютъ найти достаточное объясненіе происхожденія ея въ характеристическомъ свойствѣ той душевной способности, которую мы называемъ памятью. Опытъ показываетъ, что мы никакъ не можемъ представить себя не существующими; не смотря на самую очевидную истину, что мы умремъ и исчезнемъ, въ нашихъ мысляхъ мы не можемъ освободиться отъ иллюзіи продолженія собственнаго бытія. Эта психологическая иллюзія, служащая первоначальнымъ источникомъ идеи безсмертія, въ сущности есть не что иное, какъ простое дѣйствіе памяти. Человѣкъ постоянно помнитъ о себѣ, о своемъ я, при всѣхъ своихъ мысляхъ, чувствованіяхъ, дѣйствіяхъ, а привычка постоянно помнить о себѣ, сознавать себя существующимъ, легко превращается въ мысль о неуничтожимости нашего я. Это иллюзорное „требованіе непрерывности существованія“ человѣкъ затѣмъ легко переноситъ отъ себя и на окружающіе его предметы. Они исчезаютъ; но пока онъ помнитъ о нихъ и чѣмъ болѣе помнитъ, тѣмъ прочнѣе существуютъ они для его мысли. Но болѣе всего сохраняются въ его памяти окружающіе его люди; онъ ихъ любилъ или ненавидѣлъ, помнилъ долѣе всего остальнаго и потому, пока помнилъ, допускалъ ихъ существованіе. Они для него были послѣ ихъ смерти невидимы, скрывались, были гдѣ-то далеко, но тѣмъ не менѣе существовали. Съ ихъ существованіемъ связано было удержаніе прежней формы; но въ памяти образы блѣднѣютъ; поэтому и форма умершихъ въ мифахъ о смерти должна быть менѣе видна, чѣмъ при жизни; она должна получить туманность, прозрачность, которая и осталась за привидѣніями. Но всѣ подобныя представленія, заключаетъ одинъ

изъ отечественныхъ защитниковъ подобной гипотезы, первая мысль о которой принадлежит Фейербаху, основанная на „требованіи непрерывности, присущемъ человѣческой мысли“, принадлежатъ еще неразвитымъ обществамъ. „Въ послѣдствіи, въ періодъ научной критики, человѣкъ становится на сторожѣ противъ подобныхъ представлений и видитъ въ ихъ согласіи съ его психологическими требованіями аргументъ противъ ихъ реальности“ *).

Итакъ понятіе о загробной жизни объявляется не имѣющимъ реальности предъ судомъ научной критики; но, по видимому, защитники разсматриваемой нами гипотезы происхожденія вѣры въ безсмертіе не очень сильны въ этой критикѣ, потому что въ защиту своего мнѣнія приводятъ такой психологическій фактъ, который при ближайшемъ анализѣ оказывается говорящимъ противъ него.

Этотъ фактъ—такъ называемое „требованіе непрерывности существованія“, присущее человѣческой мысли. Дѣйствительно, для насъ очень трудно, почти невозможно представить себя несуществующими. Человѣкъ можетъ теоретически отрицать свое существованіе послѣ смерти, но тѣмъ не менѣе онъ никакъ не можетъ вообразить себя уничтожившимся. Въ самой мысли о своемъ несуществованіи онъ все-таки будетъ представлять себя-же несуществующимъ; онъ никакъ не можетъ отрѣшиться отъ своего индивидуальнаго я. Отъ этого нескореннаго сознанія продолжаемости нашего личнаго я не могутъ освободиться даже тѣ системы, которыя въ теоріи отрицаютъ самостоятельность личности и признаютъ исчезновеніе нашего я въ абсолютномъ послѣ смерти. „Едва-ли, справедливо замѣчаетъ Шеллингъ, какой-либо мечтатель могъ-бы удовлетвориться мыслию о поглощеніи себя въ безднѣ Божества, если-бы онъ не поставлялъ всегда на мѣстѣ Божества свое собственное я. Едва-ли бы мистикъ могъ допустить мысль о своемъ уничтоженіи въ Богѣ, если-бы онъ не мыслилъ постоянно какъ субстратъ уничтоженія опять свое собственное я. Эта необ-

*) Энцикл. словарь С.П.Б. Томъ 1861—1862. Т. 11, статья: *Адъ Ср. L. Feuerbach's, Werke. 1850. Т. III. Die Unsterblichkeitsfrage, 263 и слѣд.*

ходимость повсюду мыслить самого себя, выручавшая многих мечтателей, выручала и Спинозу. Въ то время, когда онъ созерцалъ себя уничтожившимся въ абсолютномъ объектѣ, онъ созерцалъ однако-же самого себя; онъ не могъ мыслить себя уничтожившимся, не мысля въ тоже время себя существующимъ“ *).

Такимъ образомъ въ душѣ человѣка дѣйствительно есть „требованіе непрерывности существованія“. Относясь ближайшимъ образомъ къ нашему собственному я, оно по аналогіи переносится и на другихъ людей; мы не только себя, но и другихъ склонны почитать неуничтожаемыми, бессмертными.

Отъ чего происходитъ такое требованіе? Какой его смыслъ и значеніе? Защитники разсматриваемой нами гипотезы объясняютъ его нашимъ постояннымъ памятованіемъ о себѣ. Не станемъ говорить о коренной психологической ошибкѣ разсматриваемой нами гипотезы, о томъ, что въ ней фактъ самосознанія отождествляется съ дѣйствіемъ памяти и производится изъ нея. Даже и при такомъ объясненіи самосознанія не трудно замѣтить, что постоянное памятованіе о себѣ вовсе не заключаетъ въ себѣ необходимости представленія о вѣчномъ существованіи насъ самихъ. Изъ того, что человѣкъ помнитъ себя съ тѣхъ поръ какъ сознательно существуетъ, ни сколько не слѣдуетъ, чтобы онъ долженъ былъ представлять себя не только существовавшимъ въ прошедшемъ, но и имѣющимъ существовать въ посмертномъ будущемъ. По психологической теоріи нашей гипотезы, какъ и сама она то признаетъ, чѣмъ дольше человѣкъ помнитъ о какомъ-либо предметѣ, тѣмъ больше шансовъ, что онъ будетъ представлять его вѣчно пребывающимъ; на этомъ основаніи себя, какъ предметъ, который онъ постоянно всего помнитъ, онъ и склоненъ считать вѣчнымъ. Но въ числѣ окружающихъ человѣка предметовъ есть множество такихъ, которые существуютъ также давно и постоянно, какъ и самъ онъ; о нѣкоторыхъ онъ знаетъ, что они существовали задолго до него и будутъ существовать послѣ него. Отчего же онъ не предрасположенъ почитать ихъ

*) Briefe über Dogm. u. Kritik. 8 Brief. S. 167.

вѣчными, „непрерывно продолжающимися“, какъ себя самого? Отчего онъ не считаетъ вѣчными дома города, въ которомъ живетъ и которые несомнѣнно его переживутъ, деревья его окружающихъ и т. п.? Въ немъ не только нѣтъ такого предрасположенія, но напротивъ, и на основаніи опыта, и на основаніи размышленія онъ твердо убѣжденъ, что рано или поздно они будутъ имѣть конецъ. И это убѣжденіе такъ твердо, что простирается съ одинаковою силою и на тѣ предметы, ни начала, ни конца которыхъ онъ эмпирически не видитъ и которые вправдѣ-бы считать вѣчными. Онъ можетъ представить (и въ своихъ религіозныхъ и философскихъ теоріяхъ представляетъ) имѣющее послѣдовать уничтоженіе солнца, луны, окружающаго міра,—вообще самыхъ устойчивыхъ предметовъ, не смотря на постоянное, не только личное, но и общечеловѣческое памятованіе о нихъ. Далѣе, онъ легко можетъ представить, въ чемъ убѣжденъ и на основаніи опыта, несуществованіе собственнаго своего организма съ разрушеніемъ его смертию, не смотря на то, что онъ постоянно помнитъ о немъ въ теченіи всей своей жизни, и, по рассматриваемой нами гипотезѣ, долженъ бы и его представлять вѣчно существующимъ, бессмертнымъ также какъ и свое внутреннее, духовное я. Наконецъ, еслибы мысль о непрерывности собственнаго существованія была необходимою иллюзіею продолжительнаго памятованія о себѣ, то нѣтъ никакого основанія, почему-бы она должна была простираться только на будущее, а не на прошедшее,—почему-бы человѣкъ съ такою же необходимостью не представлялъ себя существовавшимъ до рожденія, съ какою воображаетъ себя существующимъ послѣ смерти?

Все это ясно показываетъ, что идея бессмертія души не можетъ быть слѣдствіемъ иллюзій, проистекающей отъ постояннаго нашего памятованія о себѣ и не имѣетъ съ нею ничего общаго. Что касается до естественнаго будто-бы перенесенія этой иллюзій отъ насъ самихъ на другихъ окружающихъ насъ лицъ, до необходимости представлять не только себя, но и другихъ существующими послѣ смерти тѣла, то она рѣшительно не оправдывается даже съ точки зрѣнія рассматриваемой нами гипотезы. Положимъ, въ силу постоянной памяти о себѣ,

мы склонны почитать себя вѣчными; но что вынуждаетъ насъ къ такому-же представленію и о другихъ людяхъ? Мы, говоря, помнимъ о нихъ, по тѣсной связи съ ними, долѣ всего остального и потому, пока помнимъ, допускаемъ ихъ существованіе. Но болѣе, чѣмъ бывшихъ и исчезнувшихъ людей, мы помнимъ многіе окружающіе насъ предметы, которые постояннымъ присутствіемъ ежеминутно, такъ сказать, навязываются намъ на память; но почитаемъ-ли мы ихъ вѣчными? Изъ людей мы особенно живо и болѣе другихъ помнимъ только близкихъ къ намъ лицъ; отъ чего-же не только ихъ, но и всѣхъ другихъ мы склонны почитать существующими послѣ смерти?

Наконецъ, главный недостатокъ разсматриваемой нами гипотезы въ томъ, что она не можетъ объяснить, какимъ образомъ психологическая иллюзія, склонность представлять исчезнувшіе предметы существующими, пока мы о нихъ помнимъ, можетъ обратиться въ увѣренность въ реальномъ существованіи этихъ предметовъ. По исчезновеніи предметовъ (будутъ-ли то окружавшіе насъ люди или другіе предметы) остается въ насъ представленіе, воспоминаніе о нихъ; пока мы помнимъ о нихъ, — какъ соглашается и гипотеза, — они существуютъ *для нашей мысли*. Но въ этомъ признаніи заключается и опроверженіе ея; ибо при этомъ воспоминаніи каждый изъ насъ ясно сознаетъ, что извѣстный предметъ былъ дѣйствительно; но теперь его нѣтъ; онъ существуетъ только для мысли, представленія, а не на самомъ дѣлѣ; только сумасшедшій можетъ представлять исчезнувшіе предметы, о которыхъ онъ помнитъ и пока помнитъ, существующими внѣ его реально. Такъ дѣйствуетъ память; отсюда очевидно, что между двумя психическими фактами: памятью объ исчезнувшихъ предметахъ и требованіемъ непрерывности нашего и другихъ существованія, которые считаются тождественными, нѣтъ ничего общаго. Поэтому, если бы мысль о загробномъ существованіи была простымъ феноменомъ памяти, то и оставалась бы только такимъ феноменомъ; воспоминаніе объ умершихъ (существованіе въ мысли) никогда не могло бы превратиться въ увѣренность въ ихъ дѣйствительномъ существованіи.

Итакъ, въ представленной нами гипотезѣ вѣрнымъ и твер-

дымъ остается только одинъ фактъ — невозможность представить себя несуществующимъ. Но если оставимъ въ сторонѣ перетолкованіе этого факта, какое онъ получаетъ въ гипотезѣ, то мы увидимъ въ немъ нѣчто несравненно болѣе важное, чѣмъ простой феноменъ памяти. Этотъ фактъ есть явленіе специфически человѣческое; память есть и у животныхъ, но у нихъ нѣтъ никакого побужденія ни себя, ни подобныхъ себѣ представлять существующими послѣ смерти. Какъ специфическое обнаруженіе высшей, разумной природы человѣка, онъ выражаетъ не что иное, какъ внутреннее и глубочайшее сознаніе этой природы объ одномъ изъ существенныхъ своихъ свойствъ. Какъ душа наша не можетъ представить себя сложеною изъ отдѣльныхъ пространственныхъ частей, не можетъ представить свои мысли, чувства, желанія имѣющими цвѣтъ, запахъ и др. матеріальныя свойства, такъ точно не можетъ представить себя разлагающеюся на части, уничтожаемою, какъ тѣло, несуществующею. Итакъ эта невозможность въ сущности есть не что иное, какъ инстинктивное выраженіе присущей намъ идеи безсмертія, которая и требуетъ, чтобы мы представляли себя и подобныхъ себѣ существующими не только здѣсь, но и за гробомъ.

Такимъ образомъ психологическій фактъ, на который ссылается наша гипотеза, при внимательномъ анализѣ его приводитъ къ заключенію противоположному тому, какое изъ него выводятъ. Онъ служитъ скорѣе подтвержденіемъ истины безсмертія души, чѣмъ ея опроверженіемъ, и въ согласіи этой истины съ психическими требованіями, вопреки мнѣнію защитниковъ этой гипотезы, истинно научная критика должна видѣть аргументъ въ пользу, а не противъ ея.

Остановимъ наше вниманіе еще на одномъ объясненіи происхожденія вѣрованія въ загробную жизнь, принадлежащемъ извѣстному современному философу Спенсеру, раздѣляемому Лёббокомъ и др. *). Источникъ этого вѣрованія они думаютъ находить въ простомъ фактѣ сна и сновидѣній. Для первобыт-

*) Ученіе Спенсера изложено въ его: *Principien d. Sociologie*, übers. v. Vetter, S. 143 и сл.

наго, мало развитаго челоуѣка, сонъ и сновидѣнія представляютъ собою нѣчто очень загадочное, невольно обращающее на себя его вниманіе. Во снѣ онъ часто видитъ, что находится въ какихъ-то другихъ мѣстахъ, далеко отъ своего ложа и т. п. Между тѣмъ онъ видитъ, что въ тоже время онъ оставался на томъ-же мѣстѣ, гдѣ заснулъ; въ этомъ убѣждаютъ его и свидѣтельства окружающихъ и то обстоятельство, что проснувшись онъ лежитъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ заснулъ. Чѣмъ объяснить это явленіе? Самое простое объясненіе для него то, что онъ одновременно былъ здѣсь и блуждалъ въ другомъ мѣстѣ, т. е. что онъ имѣетъ въ себѣ двѣ индивидуальности, изъ которыхъ одна по временамъ можетъ оставлять другую и потомъ возвращаться назадъ. Отсюда первоначально и возникаетъ мысль о „другомъ нашемъ я“, которое можетъ на время разлучаться съ тѣломъ,—мысль, которая укрѣпляется въ дикарѣ и другими аналогичными съ сномъ явленіями, каковы напримѣръ: обмороки, каталепсіи, галлюцинаціи. Отсюда не далеко уже переходъ и къ мысли о возможности независимаго отъ тѣла продолженія бытія нашего другаго я,—о загробной жизни. Въ этой мысли укрѣпляютъ дикаря и сновидѣнія, въ которыхъ онъ видитъ во снѣ не только себя, но и другихъ лицъ. Рядомъ съ вѣрованіемъ, что все видѣнное во снѣ происходило на самомъ дѣлѣ, естественно возникаетъ вѣрованіе въ реальное бытіе видѣнныхъ во снѣ лицъ и предметовъ. Такими лицами могли быть и покойники; чѣмъ ближе стоялъ къ живымъ умершій по отношеніямъ напримѣръ дружбы, родства, извѣстности, тѣмъ болѣе поражала воображеніе и чувство живыхъ его смерть, тѣмъ чаще и яснѣе онъ являлся во снѣ; живость сновидѣній могла доходить до галлюцинацій, а вмѣстѣ съ тѣмъ сильнѣе могла укрѣпляться увѣренность, что покойникъ въ дѣйствительности не исчезъ; разрушено его тѣло, но живетъ его другое я; его фантомъ, тѣнь, живетъ гдѣ-то далеко и по временамъ является людямъ.

Произвольность этого объясненія происхожденія вѣры въ загробную жизнь такъ очевидна, что мы не стали-бы и упоминать объ немъ, если-бы его не раздѣляли столь извѣстные ученые, какъ напр. Спенсеръ. Все оно (какъ и вообще все

его ученіе о происхожденіи первобытныхъ вѣрованій) держится на предположеніи совершенной противоположности мышленія первобытнаго человѣка, дикаря и человѣка цивилизованнаго. Въ наше время слишкомъ злоупотребляютъ понятіемъ о первобытномъ человѣкѣ и о его крайней неразвитости. Приписавъ измышленному ими первобытному человѣку какое-нибудь крайне нелѣпое представленіе, въ отстраненіе всякаго сомнѣнія обыкновенно оговариваются: конечно, подобная нелѣпость не мыслима теперь, но нужно вспомнить тѣ времена и т. п., — и все нелѣпое оказывается возможнымъ. Но не до такой-же однако степени глупъ дикарь, какъ воображаютъ, чтобы все немислимое для насъ было для него мыслимо. Разказы путешественниковъ говорятъ иное; отвѣты дикарей миссіонерамъ заключаютъ въ себѣ не только пониманіе отвлеченныхъ идей и того, что имъ говорятъ, но и способность критически обсуждать сказанное и дѣлать возраженія, хотя форма какъ пониманія, такъ и возраженія иногда довольно наивна.

Потому мы считаемъ совершенною клеветою на дикаря и первобытнаго человѣка то увѣреніе, будто онъ не способенъ различать сны отъ дѣйствительности и поэтому считаетъ за дѣйствительное выходженіе свое изъ тѣла и блужданіе во образѣ другаго я сновидѣнія, въ которыхъ является дѣйствующимъ лицомъ онъ самъ; точно также, будто онъ принимаетъ за дѣйствительныя явленія умершихъ видѣнія во снѣ другихъ близкихъ къ нему лицъ. Если-бы въ немъ и зародилась такая по-истинѣ дикая мысль, то ежедневный опытъ сейчасъ-бы показалъ ему ея несостоятельность, — показалъ-бы также, какъ и каждому изъ насъ, что сонъ есть сонъ, а не дѣйствительность. Примѣръ дѣтей (аналогію съ которыми дикаря и первобытнаго человѣка вполнѣ признаютъ защитники разсматриваемой нами гипотезы) ясно показываетъ, что такое смѣшеніе не мыслимо даже при самомъ маломъ развитіи умственныхъ способностей. Дѣти и безъ особеннаго вразумленія и наставленія отличаютъ сны отъ дѣйствительности и воспитателямъ не представляется случая опровергать и искоренять существующее въ нихъ убѣжденіе, будто все, что они видѣли во снѣ, существуетъ и на яву. Да и едва-ли найдется гдѣ-

побудь такой неразвитый дикарь, который всё свои похождения во снѣ считаль-бы дѣйствительными похождениями своего я, на время отдѣлившагося отъ тѣла, и свои фантастическія грезы—дѣйствительными событіями; такой дикарь и въ средѣ дикарей прослыть-бы за сумасшедшаго.

Все это показываетъ полную несостоятельность мнѣнія, будто вѣрованіе въ возможность собственнаго и другихъ людей существованія по смерти тѣла обязано своимъ происхожденіемъ сновидѣніямъ. Мысль объ отличіи души отъ тѣла и о возможности существованія первой по разрушеніи послѣдняго имѣетъ свой самостоятельный источникъ въ сознаніи человѣка. Простекая изъ этого источника, она въ свою очередь конечно можетъ вліять и на истолкованіе человѣкомъ различныхъ сновидѣній; убѣжденный въ загробномъ существованіи умершихъ лицъ можетъ иногда считать видѣніе имъ во снѣ этихъ лицъ или въ экстатическомъ состояніи дѣйствительными явленіями ихъ. Но такое мнѣніе можетъ быть только *слѣдствіемъ* существующаго уже въ душѣ понятія о загробной жизни, а никакъ не его *причиною*.

Нужно-ли говорить о томъ, что представленная нами гипотеза, какъ и всё подобная, ищущія начала коренныхъ убѣжденій человѣчества во тьмѣ невѣжества и неразвитости первобытныхъ людей, нисколько не можетъ объяснить устойчивости существованія и повсемѣстности распространенія этого убѣжденія? Если и возможно объясненіе происхожденія мысли о безсмертіи изъ сновидѣній, то очевидно только въ приложеніи къ тому младенческому состоянію человѣчества, когда оно будто не догадывалось еще, что сонъ есть сонъ, а не дѣйствительность. Но какъ скоро человѣкъ, при большей зрѣлости мысли, убѣдился, что сны не болѣе какъ пустыя грезы фантазій, то должна-бы исчезнуть и основанная на противоположномъ мнѣніи вѣра въ возможность загробной жизни. Но вѣра въ безсмертіе души существовала и существуетъ совершенно независимо отъ того или инаго понятія о значеніи сновидѣній, чѣмъ ясно и показываетъ, что коренной источникъ ея вовсе не тамъ, гдѣ ищетъ его Спенсеръ.

Несостоятельность главныхъ мнѣній о происхожденіи идеи

безсмертія души, принадлежащихъ философамъ, отвергавшимъ ея истину, еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, основанномъ на всеобщности ея, фактъ, что эта идея, не происходя отъ причинъ случайныхъ, есть коренная, необходимая принадлежность нашего разума. Что-же ближайшимъ образомъ слѣдуетъ изъ этого факта?

Идея, составляющая коренную принадлежность нашего разума, не можетъ быть какимъ-либо обманчивымъ или случайнымъ явленіемъ въ нашей душѣ. Всеобщность и необходимость какого-либо понятія въ нашемъ умѣ можетъ быть объяснена только двумя предположеніями: или это понятіе заключаетъ само въ себѣ истину и убѣдительность, необходимо вынуждающую всеобщее признаніе; или оно потому всеобще, что хотя и не заключаетъ въ себѣ объективной истины, но по крайней мѣрѣ имѣетъ необходимость субъективную, удовлетворяетъ какимъ-либо существеннымъ потребностямъ нашего духа

Что касается до насъ, то изъ этихъ двухъ предположеній мы вправѣ были-бы безъ дальнѣйшихъ разсужденій отвергнуть послѣднее и въ самой необходимости понятія о безсмертіи души видѣть ручательство его истины. Ибо трудно представить, чтобы что-нибудь само по себѣ ложное могло быть существенно необходимымъ для человѣческаго духа, чтобы понятіе, не заключающее въ себѣ реальной истины, имѣло разумное значеніе въ жизни человѣчества. Потому самому, что понятіе о безсмертіи души есть всеобще-необходимое, нельзя допустить, чтобы оно было не истиннымъ, чтобы для человѣка въ какомъ-бы то ни было отношеніи были необходимы ложь и самообольщеніе.

Но мы знаемъ, что есть философскія системы, различающія истину объективную, саму въ себѣ, и истину субъективную, для нашего пониманія,—системы, различающія вещи сами по себѣ и вещи, какъ онѣ намъ кажутся по законамъ и формамъ нашего познанія. По такому способу различенія истины различается и необходимость понятій; понятіе можетъ быть необходимо потому, что оно выражаетъ необходимую истину; и оно можетъ быть необходимымъ потому только, что выра-

жааетъ собою необходимый или единственно возможный для нашего разума способъ пониманія какого-либо предмета; реальная же истина можетъ въ немъ и содержаться и нѣтъ. Необходимость понятія для мышленія, какъ учитъ Кантъ, не доказываетъ еще реальности самаго предмета понятія внѣ нашего мышленія. При такомъ положеніи дѣла, мы, прежде чѣмъ изъ всеобщности и необходимости идеи безсмертія выводимъ заключеніе объ ея истинѣ, должны еще рѣшить: не есть-ли эта идея только субъективно-необходимое понятіе? не условливается-ли она какими-либо требованіями нашего теоретическаго или практическаго разума для достиженія цѣлей ихъ дѣятельности, и удовлетвореніемъ этихъ требованій не ограничивается-ли все ея значеніе?

а) Не есть-ли понятіе о безсмертіи выраженіе какого-либо необходимаго субъективнаго требованія знанія? Остановившись на познаніи самомъ въ себѣ, безъ отношенія его къ нравственности и другимъ интересамъ жизни, мы не находимъ, чтобы въ области нашего мышленія понятіе о безсмертіи было такимъ понятіемъ, съ отсутствіемъ котораго разрушался-бы весь строй нашего знанія, чтобы мы не могли мыслить о вещахъ иначе, какъ представляя душу безсмертною, словомъ, — чтобы это понятіе служило какимъ-либо принципомъ или регулятивнымъ началомъ познанія. Въ сферѣ знанія понятіе о безсмертіи можетъ необходимо слѣдовать изъ различной связи другихъ нашихъ понятій; но само по себѣ оно не есть апріорное условіе и основаніе связи нашихъ понятій. По самому свойству нашего познанія, при разсматриваніи явленій міра въ ихъ взаимной причинной связи, мы конечно не можемъ продолжить эту преемственность причинъ и дѣйствій въ безконечность; мы должны остановиться на какой-либо первой причинѣ, положить начало, точку отправленія для нашихъ изслѣдованій. Здѣсь еще мы можемъ съ нѣкоторомъ правомъ придти къ вопросу, къ которому пришелъ Кантъ: не есть-ли идея Божества, — понятіе предѣла всѣхъ вещей, — субъективно-необходимое только требованіе ума, который по своей ограниченности долженъ-же положить гдѣ-нибудь предѣлъ и первое начало явленій, чтобы не идти въ безконечность? Но ясно, что даже самый вопросъ

подобнаго рода не можетъ быть приложенъ къ понятію безсмертія души безъ того, чтобы мы тотчасъ не отвѣчали на него отрицательно. О мірѣ и о всемъ существующемъ мы можемъ мыслить не иначе, какъ предположивши начало міра, какъ предѣлъ явленій; идея начала и первой причины, слѣдовательно, существенно необходима для нашего мышленія. Но очевидно, что мы можемъ рационально мыслить о мірѣ и не признавая душу безсмертною; строй нашихъ познаній, ихъ связь и научность отъ этого не пострадаютъ; мы можемъ представить себя несуществующими безъ всякаго вреда для нашего мышленія о мірѣ, тогда какъ не можемъ представить безконечную преемственность причинъ и дѣйствій, не остановившись на чемъ-нибудь первомъ. Итакъ, идея безсмертія не есть необходимое субъективное требованіе теоретическаго знанія, не есть регулятивная его идея, въ смыслѣ Канта, какова напр. у него идея абсолютной причины, субстанціи, абсолютнаго цѣлаго.

б) Но въ такомъ случаѣ, не будучи необходимымъ субъективнымъ понятіемъ теоретическаго разума, не есть-ли идея безсмертія необходимое требованіе разума практическаго; иначе, — понятіе необходимое для состоятельности нашей нравственности? Извѣстно, что Кантъ, отвергнувъ теоретическую истину идей, именно и признавалъ идею безсмертія души, вмѣстѣ съ идеею Божества, необходимымъ постулатомъ нравственности. Такъ какъ для осуществленія нравственности мы должны признать возможнымъ достиженіе ея цѣли—высочайшаго блага, а это благо не достижимо въ жизни настоящей, то должно признать жизнь будущую, а съ нею и высочайшее Существо, которое соразмѣряло-бы степенъ блаженства съ мѣрою достоинства людей. Извѣстно также и то, что Кантъ нравственнымъ постулатамъ приписывалъ гораздо больше значенія, чѣмъ теоретическимъ идеямъ ума и потому считалъ первыя достаточно твердыми основаніями для вѣры въ бытіе Бога и безсмертіе души, хотя законность такого предпочтенія нравственныхъ постулатовъ идеямъ и не доказана имъ удовлетворительно. Такъ какъ то обстоятельство, что понятіе о безсмертіи есть необходимое требованіе нравственности, по мнѣнію самого Канта, не только не ослабляетъ его значенія,

но напротивъ служить надежнымъ основаніемъ вѣры въ его истину, то очевидно, что даже утвердительный отвѣтъ на предложенный нами вопросъ: не есть-ли идея безсмертія необходимое предположеніе нравственности, ни сколько не можетъ колебать выведеннаго нами заключенія о ея истинѣ. Но такой утвердительный отвѣтъ, не смотря на то, что онъ благопріятенъ нашему заключенію, не былъ-бы согласенъ съ истинною. Не смотря на тѣсную связь истины безсмертія души съ нравственностью, нельзя назвать нравственное чувство или практической разумъ единственнымъ ея источникомъ. Ибо въ такомъ случаѣ мы должны-бы предположить, что сознаніе нравственныхъ истинъ предшествуетъ въ человѣческомъ родѣ возникновенію истины безсмертія души. Но подобное предположеніе рѣшительно противорѣчило-бы опыту, который показываетъ существованіе идеи загробной жизни при самомъ маломъ развитіи нравственныхъ понятій, напримѣръ у нѣкоторыхъ дикарей. Кромѣ того, производя идею безсмертія изъ нравственныхъ понятій, мы должны-бы предположить, что эти понятія достигли до такой степени ясности и отчетливости, что вызвали нужду въ дополненіи ихъ ученіемъ о безсмертіи души. Не говоримъ о томъ способѣ выведенія этого ученія изъ нравственнаго сознанія, какой представленъ у Канта. Этотъ способъ, очевидно, есть дѣло мыслящаго и рефлектирующаго надъ этимъ сознаніемъ ума, а не дѣйствительный процессъ возникновенія идеи безсмертія въ человѣкѣ; онъ основывается на отвлеченной мысли о сущности высочайшаго блага, какъ соединеніи святости и блаженства, о невозможности осуществленія перваго элемента безъ предположенія безконечнаго времени усовершенствованія въ добрѣ и пр. Если мы даже значительно упростимъ, такъ сказать, этотъ способъ, то и тогда должны предположить въ человѣкѣ предшествующее ясное понятіе о цѣли человѣческой жизни и о недостижимости этой цѣли въ настоящей жизни и о необходимости для осуществленія ея допустить жизнь будущую. Но очевидно, что такой процессъ размышленія предполагаетъ значительное уже умственное развитіе, недоступное тѣмъ стадіямъ культуры, на которыхъ одна-ко-же мы встрѣчаемъ представленіе о загробной жизни. Если

бы идея безсмертія образовалась путемъ рефлексіи надъ содержаніемъ нравственнаго созванія, то она оставалась-бы только теоретическою мыслию ограниченнаго числа философовъ, а не была-бы всеобщимъ достояніемъ человѣческаго рода на всѣхъ ступеняхъ его умственнаго развитія. Не говоримъ о томъ, что считая идею безсмертія результатомъ только нравственныхъ идей, мы недостаточно обезпечимъ ея истину, потому что и почитающіе ее вымысломъ жрецовъ и законодателей, какъ мы видѣли, также находятъ ея источникъ въ нравственной области, въ желаніи благоразумныхъ людей посредствомъ этого вымысла придать большую силу и обязательность нравственнымъ предписаніямъ. Изъ всего этого видно, что идея безсмертія души не можетъ быть нравственнымъ только постулятомъ, но одновременно возникаетъ и развивается со всѣми высшими идеями человѣческаго духа, нравственными и религіозными.

Итакъ, если теперь понятіе безсмертія души не есть понятіе только субъективно-необходимое, самая субъективность котораго не ручается еще за его объективную достовѣрность, то мы вполне безопасно можемъ возвратиться къ первому нашему выводу, что всеобщность и необходимость этого понятія доказываетъ его истину.

Такимъ образомъ мы теперь видимъ, къ чему привелъ насъ анализъ понятія о безсмертіи души; онъ привелъ насъ къ непосредственному доказательству истины безсмертія души изъ самаго понятія безсмертія,—доказательству, которое можетъ быть формулировано такъ: понятіе о безсмертіи души есть понятіе всеобщее и необходимое; какъ такое, оно не можетъ быть случайнымъ произведеніемъ фантазіи, мысли или чувства; оно не можетъ быть также субъективно-необходимымъ требованіемъ нашего познанія или постулятомъ только нашей нравственности; слѣдовательно оно есть непосредственное, апріорное сознаніе нашею душою своего реальнаго свойства,—иначе, есть *идея* безсмертія. Но идеямъ нашего ума, какъ необходимымъ понятіямъ, принадлежитъ объективная истина; поэтому самое существованіе въ насъ идеи безсмертія служитъ уже доказательствомъ ея истины.

Въ началѣ нашего изслѣдованія о безсмертіи души мы за-

мѣтили, что ученіе объ этомъ предметѣ основывается на вѣкторыхъ *предположеніяхъ*, которыя должны быть утверждены или признаны за истинныя въ предшествующихъ этому ученію философскихъ изслѣдованіяхъ. Очевидно, что такимъ предположеніемъ для настоящаго доказательства служитъ вторая его посылка, — мысль, что необходимымъ понятіямъ нашего ума (идеямъ) соотвѣтствуетъ дѣйствительность. Эта мысль въ свою очередь есть результатъ той теоріи познанія, которая вопреки сенсуализму и одностороннему эмпиризму утверждаетъ, что не однимъ только эмпирическимъ представленіямъ внѣшняго опыта соотвѣтствуютъ дѣйствительные объекты, но и раціональнымъ, независящимъ отъ опыта понятіямъ и идеямъ нашего ума. Дѣйствительно существуетъ не только то, что эмпирически представляется, но и то, что раціонально мыслится какъ сущее, на основаніи необходимыхъ требованій нашего разума. Поэтому и идея безсмертія, какъ скоро доказано, что она есть необходимая идея нашего ума, самымъ существованіемъ своимъ въ нашемъ духѣ, завѣряетъ свою истину.

Проводя параллель между доказательствами безсмертія души и доказательствами бытія Божія, представленное нами доказательство мы можемъ назвать *онтологическимъ*, какъ такое, въ которомъ изъ существованія въ нашемъ умѣ понятія о предметѣ выводится его истина. Какъ анализъ идеи Божества приводитъ насъ къ заключенію, что эта идея, не будучи произведеніемъ причинъ случайныхъ и частныхъ, можетъ произойти только отъ дѣйствія на нашъ духъ реальнаго, соотвѣтствующаго ей объекта и самымъ своимъ существованіемъ въ насъ завѣряетъ истину этого объекта, такъ и здѣсь, анализъ идеи безсмертія, показывая невозможность случайнаго ея происхожденія, удостовѣряетъ ея истину, какъ всеобщаго и необходимаго факта человѣческаго самосознанія.

В. Нудрявцевъ.

(Продолженіе будетъ).

СУЩНОСТЬ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

ФИЛОСОФИИ

ІОАННА СКОТА ЭРИГЕНЫ.

—
(Окончаніе *).

Вторая натура есть, какъ мы уже знаемъ, совокупность всѣхъ первоосновъ или первоформъ вещей, которыя понимаются не только какъ первообразы, но и какъ производящія силы или примордіальныя причины чувственныхъ вещей. Онѣ творятся Богомъ въ Божественномъ Словѣ и поэтому не отличны отъ этого послѣдняго, но составляютъ одно нераздѣльное съ нимъ бытіе. При этомъ Іоаннъ Скотъ Эригена выражаетъ слѣдующія положенія. Когда вещи идеально существовали въ Божественномъ Словѣ, то здѣсь онѣ не выходили еще во множествѣ и различіи одна отъ другой, а состояли въ Немъ въ цѣльномъ единствѣ, какъ одна безразличная идеальная сущность. Далѣе: твореніе этого идеальнаго міра въ Божественномъ Словѣ было вѣчно и безначально, потому что, если-бы Богъ сталъ творить его во времени, то творчество это относилось-бы къ Его субстанціи какъ акциденція, тогда какъ Богъ, по существу Своему, вовсе не акцидентенъ. Но все-таки вѣчность примордіальныхъ причинъ совсѣмъ не та-же самая, какъ вѣчность Бога. Богъ вѣченъ, потому что не сотворенъ; первоосновы же вещей, напротивъ того, вѣчны лишь настолько, насколько онѣ отъ вѣчности сотворены Богомъ.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 17.

Очевидно, что здѣсь Эригена философствуетъ совершенно въ неоплатоническомъ духѣ и заботится только о томъ, чтобы сообщить своимъ идеямъ наружный видъ христіанства, тщательно приспособляя къ нимъ свое аллегорическое толкованіе христіанскаго ученія о твореніи. Такъ, напримѣръ, къ своему первому неоплатоническому положенію о первоначальномъ единствѣ и безразличіи идей въ Божественномъ Словѣ онъ примѣняетъ слова Св. Писанія: „земля была неустроена и пуста“, выражающія первоначальное хаотическое состояніе земной массы. А къ своей идеѣ о вѣчномъ основаніи всѣхъ примордіальныхъ причинъ въ Божественномъ Словѣ онъ точно также аллегорически приспособляетъ выраженіе Библии: „въ началѣ Богъ сотвори небо и землю“, — разумѣя здѣсь подъ „небомъ“ идеи или первоосновы духовныхъ существъ, а подъ „землею“ идеи чувственныхъ вещей. Но, не смотря на всѣ усилія, какія обнаруживаетъ здѣсь Эригена, чтобы замаскировать свои неоплатоническія идеи подъ вѣшнимъ покровомъ христіанства, онъ конечно не достигаетъ своей цѣли и неоплатоническій характеръ его ученія о второй натурѣ выступаетъ самъ собою. Подобно тому какъ Божественное Слово, взятое въ его отношеніи къ процессу мірообразования, представляетъ у него не что иное, какъ Божественный разумъ неоплатониковъ, точно также и примордіальныя причины, отъ вѣчности сотворенныя въ этомъ Словѣ, суть у Эригены тоже самое, что идеальныя сущности вещей, которыя, по возрѣнію неоплатониковъ, имманентно присущи Божественному разуму. Что это дѣйствительно такъ, въ этомъ легко убѣдиться изъ простаго сопоставленія ученія Эригены о примордіальныхъ причинахъ съ возрѣніями неоплатониковъ на идеи разума.

Примордіальныя причины, какъ это мы видѣли уже, находились первоначально въ Божественномъ Словѣ въ абсолютномъ единствѣ и безразличіи, — что совершенно тождественно съ неоплатоническимъ ученіемъ объ единствѣ всѣхъ идей въ Божественномъ разумѣ, выступившихъ во множествѣ и различіи одна отъ другой только тогда, когда разумъ обратился къ созерцанію Первоединого. Примордіальныя причины вѣчны, потому что

онѣ отъ вѣчности сотворены Богомъ точно также, какъ вѣчны и неоплатоническіе прототипы вещей, потому что, именно, выступленіе ихъ изъ лона Цервѣднаго положило начало временному теченію вещей. Словомъ, въ своемъ ученіи о примордіальныхъ причинахъ Іоаннъ Скотъ Эригена всецѣло воспроизводитъ неоплатоническое начало объ идеальныхъ сущностяхъ вещей, первоначально объединенныхъ въ міровомъ разумѣ, и до такой степени проникнуть этимъ началомъ, что нисколько не уклоняется отъ него и въ дальнѣйшемъ представленіи своего ученія о второй натурѣ. Такъ, если мы спросимъ Эригена, какъ должно понимать его предвѣчное твореніе примордіальныхъ причинъ, то получимъ отъ него въ отвѣтъ, что Богъ сотворилъ ихъ изъ ничего. Но такъ какъ подъ этимъ „ничто“ онъ въ сущности разумѣетъ само Божественное бытіе,—ибо мы уже знаемъ, что оно въ отрѣшенности своей отъ всякихъ категорій и предикатовъ дѣйствительно должно быть понимаемо какъ „ничто“,—то и твореніе примордіальныхъ причинъ есть, поэтому, не что иное, какъ выступленіе ихъ изъ этого „ничтожества“ Божественнаго бытія. Изъ ничего, т. е. изъ самого себя и въ себѣ самомъ Богъ сотворилъ все; Онъ самъ снизшелъ въ принципы вещей и начинаетъ, какъ-бы самъ себя творя, быть въ чемъ то, въ то время какъ прежде Онъ, нѣкоторымъ образомъ, былъ заключенъ въ своемъ непостижимомъ „ничто“ *). Такъ учитъ Эригена; но точно также учили прежде и неоплатоники и потому все ученіе его о второй натурѣ по сущности своей представляется ничѣмъ инымъ, какъ только воспроизведеніемъ ихъ воззрѣнія о выхожденіи первоначальной абстрактной монады изъ своей отрѣшенности отъ всякаго бытія въ первоосновы всѣхъ вещей, изъ единства и безразличія которыхъ складывается міровой разумъ.

Что-же касается вопроса о ближайшихъ источникахъ, откуда Эригена могъ заимствовать такое ученіе свое о второй натурѣ, то въ этомъ отношеніи можно указать на нѣкоторыя сочиненія учителей восточной Церкви, въ особенности-же на сочиненія Оригена и автора, скрытаго подъ именемъ Діонисія

*) Alb. Stückl: Gesch. d. Philosophie des Mittelalters, 57 p.

Ареопагита. Въ разсужденіяхъ перваго объ отношеніи Сына Божія къ міру мы встрѣчаемъ воззрѣнія, близко подходящія къ ученію Эригены о Божественномъ Словѣ, какъ носителѣ идеальныхъ первообразовъ вещей. Здѣсь онъ называетъ Сына Божія первообразомъ чувственнаго міра, идеею всѣхъ идей, первымъ членомъ, отъ котораго начинается развитіе Божественнаго единства во множественности и т. д. *). Гораздо обширнѣе и притомъ въ болѣе чистомъ видѣ эти-же самыя неоплатоническія идеи были воспроизведены авторомъ псевдо-діонисіевыхъ сочиненій, преимущественно въ упомянутомъ сочиненіи его „De divinis nominibus“. Въ немъ заключаются пространныя разсужденія о томъ, какъ идеи всѣхъ сотворенныхъ вещей, называемыя въ Св. Писаніи *προορισμοί*, — выраженіе, встрѣчающееся и у Эригены въ его опредѣленіи примордіальныхъ причинъ, — находились первоначально объединенными въ Богѣ и какимъ образомъ онѣ, будучи не только первообразами, но и дѣйствительными потенціями вещей, служатъ посредствующею причиною въ происхожденіи чувственнаго міра **). Всѣ эти воззрѣнія являются широко развитыми и въ системѣ Эригены; такъ что псевдо-діонисіевы сочиненія можно считать ближайшимъ и главнѣйшимъ источникомъ, откуда онъ заимствовалъ свое ученіе о второй натурѣ. Сочиненія эти, какъ уже было сказано, проникнуты въ значительной степени идеями неоплатонизма, чѣмъ собственно и объясняется неоплатоническій характеръ этого ученія Эригены, ясно открывающійся, не смотря на всѣ старанія замаскировать его путемъ аллегорическаго толкованія библейскихъ сказаній.

Но самый важный и наиболѣе интересный моментъ въ философской системѣ Іоанна Скота Эригены представляетъ, безъ сомнѣнія, его ученіе о третьей натурѣ и объ отношеніи этой натуры къ двумъ первымъ. Этотъ пунктъ Эригеновой философіи есть наиболѣе характеристическій для всего ея міросо-

*) Fried. Ueberweg: *Gesch. d. Ph-ie der patristischen Zeit*, 58 p. Неоплатоническія идеи, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ Оригена, между прочимъ, объясняются тѣмъ, что онъ былъ ученикомъ Аммонія Саккаса, основателя неоплатонической школы. См. *Ibidem*, 56.

**) Alb. Stöckl: *Lehrbuch d. Gesch. der Ph-ie*, 301 p.

зерцанія, какъ по внутренней сущности его, такъ и по способу его происхожденія и потому заслуживаетъ съ нашей стороны особеннаго вниманія.

Разумѣя подъ третьею натурою всю совокупность чувственно-воспринимаемыхъ вещей, Эригена старается здѣсь прежде всего показать то, какъ слѣдуетъ мыслить существо этого вещнаго міра. Здѣсь онъ исходитъ изъ того неоплатоническаго положенія, что всеобщее понятіе, взятое въ его всеобщности, имѣетъ объективную реальность и есть, собственно, истинно-сущее; тогда какъ всѣ индивидуумы, по отношенію къ нему, должны быть разсматриваемы только какъ преходяція явленія этого всеобщаго и единственнаго реального начала. Поэтому ученіе его о третьей натурѣ, по существу неоплатоническое, въ общихъ чертахъ своихъ представляетъ слѣдующее. Всеобщій субстратъ всѣхъ видимыхъ вещей есть само по себѣ безразличное и неопредѣленное бытіе—сущность. Въ этой сущности заключаются всѣ вещи не только своимъ понятіемъ, но и по своей реальности, такъ какъ она есть единственная субстанція ихъ всѣхъ. Эта всеобщая и единственная сущность соединяется въ себѣ самой, не теряя своего субстанціального единства, во всеобщіе роды и виды вещей и только въ этомъ соединеніи своемъ въ роды и виды, которые сохраняютъ, однакоже, въ ней единство, она можетъ быть названа основною реальною сущностію. Роды приходятъ, наконецъ, къ своему обпаруженію въ индивидуумахъ. Они находятся во всѣхъ и въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ, составляя въ немъ то, чрезъ что этотъ послѣдній существуетъ; и такъ какъ эти роды во всеобщей сущности образуютъ единство, то въ этомъ-же самомъ единствѣ заключаются чрезъ нихъ и всѣ индивидуумы. Индивидуальность выступаетъ только въ области тѣлесныхъ вещей. Такимъ образомъ рождается вопросъ: какъ, именно, эти индивидуумы или тѣла произошли изъ всеобщаго?—Вопросъ этотъ Эригена старается разрѣшить тѣмъ, что склопается къ неоплатоническому воззрѣнію на существо тѣла. Каждое тѣло, учитъ онъ, можетъ быть разрѣшено на отдѣльные и совершенно вещественные моменты или свойства. Безъ величины, качества, фигуры, положенія, плотности, цвѣта и

т. д. оно уже не есть то, что можно было-бы назвать тѣломъ. Отсюда слѣдуетъ, что тѣло есть не что иное, какъ только результатъ сляянiя или совмѣстнаго бытiя этихъ, самихъ по себѣ, чисто нематерiальныхъ акциденцiй. Оно есть само въ себѣ нѣчто невещественное, безтѣлесное; индивидуальная-же тѣлесность происходитъ отъ того, что всеобщая сущность въ ея низайшемъ родѣ одѣвается акциденцiями и является такимъ образомъ подъ видомъ тѣла. Эти акциденцiи, которыми одѣвается сущность въ своихъ послѣднихъ родахъ, въ противоположность ей самой, какъ неизмѣнной и всегда пребывающей, находятся въ постоянномъ потокѣ движенiя и перемѣны, отъ чего и происходитъ замѣчаемая нами измѣняемость и преходячесть въ явленiяхъ внѣшняго мiра. Этими акциденцiями объясняется и то, почему индивидуальныя вещи различаются между собою, въ то время какъ по роду своему онѣ составляютъ единство.

Въ изложенныхъ опредѣленiяхъ своихъ третьей природы Эригена солекаетъ, такимъ образомъ, всю многообразную ткань видимаго бытiя къ одной всеобщей идеальной сущности; почему мiръ представляется у него не только какъ простое единство порядка, господствующаго въ средѣ его явленiй, но и какъ единство по своей сущности. Здѣсь онъ не есть только одно упорядоченное цѣлое, составленное изъ множества отдѣльныхъ вещей, различныхъ по своей субстанцiи, но составляетъ органическое единство по своему бытiю, по своей субстанцiи.—Все индивидуальное и частное въ мiрѣ разрѣшается въ чисто идеальное и всеобщее. Всѣ воспринимаемыя въ немъ явленiя суть по бытiю своему нѣчто невещественное, сверхчувственное и видимая тѣлесность ихъ есть только обманчивая наружность. Словомъ, идеализмъ Эригены въ его ученiи о третьей натурѣ очевидный. Но что идеализмъ этотъ самъ по существу своему неоплатоническiй, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнiя. Реальное исключительно сосредоточивается здѣсь въ одномъ всеобщемъ сверхчувственномъ бытiи и все матерiальное и тѣлесное разрѣшается въ чисто нематерiальные и безтѣлесные моменты. Приемъ этотъ не новъ и до времени Эригены былъ въ полномъ ходу, именно, въ умозрѣнiяхъ не-

оплатонической школы. Тамъ находимъ мы ученіе о всеобщей, неопредѣленной сущности, производящей изъ себя роды и виды чувственныхъ вещей. Эти роды и виды одни только составляютъ истинно-сущее въ вещахъ, которыя сами по себѣ суть нѣчто невещественное и матеріальная тѣлесность которыхъ есть обманчивый видъ, имѣющій значеніе только въ области чувственнаго познанія, но мгновенно исчезающій, какъ только разумъ приступаетъ къ явленіямъ и разрѣшаетъ въ нихъ совмѣстное бытіе отвлеченныхъ понятій, чрезъ которыя они условливаются.—Эти неоплатоническія идеи перешли сначала въ умозрѣнія Оригена и въ слѣдующій затѣмъ отеческій періодъ иногда находили себѣ послѣдователей въ средѣ церковныхъ писателей. Въ особенности это должно сказать о Григоріи Нисскомъ, Григоріи Назіанзинѣ и Максимѣ Исповѣдникѣ, въ большей или меньшей степени воспроизведшихъ ихъ въ своихъ философскихъ разсужденіяхъ. Отъ этихъ-то церковныхъ писателей и преимущественно изъ сочиненій послѣднихъ двухъ Оригена и заимствовалъ ближайшимъ образомъ изложенныя неоплатоническія воззрѣнія, развивъ ихъ во всей широтѣ въ своемъ ученіи о третьей натурѣ. Что, именно, эти церковные писатели повліяли здѣсь на образъ мыслей Оригена, въ этомъ легко убѣдиться, между прочимъ, изъ тѣхъ непрерывныхъ указаній, которыя онъ дѣлаетъ на нихъ при своемъ изложеніи этого ученія *).

Опредѣливъ то, какимъ образомъ слѣдуетъ понимать всю совокупность явленій чувственнаго міра, составляющихъ третью природу, Іоаннъ Скотъ Оригена разсуждаетъ далѣе объ отношеніи этой природы къ двумъ первымъ. Что касается отношенія третьей природы ко второй, то въ этомъ случаѣ, развивая свои прежнія положенія, Оригена учитъ, что вторая и третья природа различны между собою не по бытію и существу, но только по своему положенію, такъ какъ третья природа относительно второй не обладаетъ никакою самостоятельною и для себя существующею реальностію. Именно, въ то время какъ всеобщая сущность, находясь въ Божествен-

*) Huber: Iohannes Scotus Erigena, 241 p.

номъ Словѣ, состояла въ абсолютномъ единствѣ и безразличіи, въ мірѣ явленій она выступаетъ, напротивъ, въ различныхъ родахъ и видахъ и одѣвается на низшихъ ступеняхъ своего развитія во множество акциденцій, отъ чего и происходитъ видъ нѣкоторой, какъ бы самостоятельной реальности внѣшняго міра. Поэтому если и говорится, что примордіальныя причины въ Божественномъ Словѣ суть дѣйствительныя потенціи міра явленій, то это должно понимать такъ, что онѣ производятъ свои дѣйствія не какъ нѣчто отличное отъ нихъ, но сами вступаютъ и сами становятся въ нихъ. Этотъ выходъ примордіальныхъ причинъ въ ихъ дѣйствія есть начало времени. Въ своей имманентности въ Божественномъ Словѣ онѣ надвременны и вѣчны, но когда онѣ вступаютъ въ свои дѣйствія, то въ области этихъ послѣднихъ начинается временное теченіе, такъ какъ ихъ дѣйствія могутъ быть только временны.

Во всѣхъ этихъ положеніяхъ Эригены просвѣчивается, очевидно, та общая основная тенденція, что матеріальное бытіе вовсе не представляетъ собою что-либо отличное отъ идеальнаго и есть не что иное, какъ только извѣстное положеніе этого послѣдняго; почему идея и матерія не различны другъ отъ друга, но тождественны по своей сущности. Такое мнѣніе о тождествѣ идей съ матеріей, хотя и вытекаетъ непосредственно изъ вышеизложенныхъ нами неоплатоническихъ воззрѣній на существо внѣшняго міра, однакожь вовсе не было формулировано неоплатониками, и поэтому можетъ быть рассматриваемо какъ мнѣніе оригинальное, принадлежащее собственно Эригенѣ. Улетучивъ все тѣлесное и чувственное въ сверхчувственномъ и безтѣлесномъ, неоплатоники признавали все-таки бытіе матеріи какъ особеннаго, самостоятельнаго субстрата тѣлесныхъ явленій. Эта матерія была представляема ими то какъ послѣднее звено въ цѣпи эманаций, то какъ самостоятельное и самобытное начало тѣлесности и потому вся ихъ система колеблется между монизмомъ и дуализмомъ. По своему воззрѣнію на эту матерію, какъ нѣчто неопредѣленное, безформенное, безкачественное и потому не существенное и прямо не сущее, имъ конечно легко было раз-

ложить всякое тѣло на совершенно невещественные моменты или свойства, приписавъ ему одинъ лишь пустой видъ и обманчивую наружность. Это же послѣднее, какъ мы видѣли, сдѣлалъ и Эригена въ своемъ ученіи о третьей натурѣ; но не для того, чтобы показать только несущественность и неопредѣленность матеріи, а съ тѣмъ, чтобы обнаружить исключительно идеальную сущность тѣла. О матеріи же какъ объ особенномъ и при томъ самостоятельномъ субстратѣ тѣлесности, мы не встрѣчаемъ въ его системѣ никакого ученія. Его система есть рѣшительный монизмъ: у него существуетъ одно лишь идеальное, все же матеріальное есть только особенное положеніе этого сверхчувственного бытія. На этомъ основаніи получаетъ особенную вѣроятность сдѣланное нами предположеніе, что мнѣніе Эригены о тождествѣ идей съ матеріей есть его собственное, хотя оно и представляется ничѣмъ инымъ, какъ только болѣе послѣдовательнымъ и спекулятивнымъ развитіемъ его прежнихъ неоплатоническихъ положеній. Однакожь это мнѣніе осталось въ системѣ Эригены совершенно не развитымъ и только намѣчено имъ въ самыхъ общихъ чертахъ, почему оно и не можетъ измѣнить наше общее сужденіе объ ея заимствованномъ происхожденіи.

Что же касается ученія Іоанна Скота Эригены объ отношеніи третьей природы къ первой, то слѣдуетъ замѣтить, что этотъ пунктъ его системы есть самый существенный при рѣшеніи вопроса о ея происхожденіи. Въ немъ рельефно обнаруживается тотъ внутренній духъ, который, проникая все міросозерцаніе Эригены и будучи по существу своему неоплатоническимъ, даетъ наибольшее основаніе судить о неоплатонизмѣ, какъ о главнѣйшемъ его источникѣ.

Здѣсь Эригена принимаетъ, безъ сомнѣнія, твореніе изъ ничего; но при этомъ онъ видимо остерегается отъ того, чтобы оно было понимаемо въ смыслѣ обыкновеннаго христіанскаго ученія. Если „ничто“, изъ котораго сотворены примордіальныя причины, есть, по воззрѣнію Эригены, само Божественное бытіе, а являющіяся вещи по бытію своему вовсе не отличны отъ примордіальныхъ причинъ, то необходимо слѣдуетъ, что и „ничто“, изъ котораго Богъ сотворилъ весь міръ,

есть въ сущности тоже самое Божественное бытіе въ его отрѣшенности отъ всякихъ категорій и предикатовъ. И таково на самомъ дѣлѣ ученіе Эригены. Изъ того преизбыточества, въ которомъ Богъ можетъ быть названъ „ничѣмъ“, Онъ, снисходя, впервые творитъ себя въ первоосновахъ. Когда-же эти первоосновы вступаютъ въ свои дѣйствія, то вмѣстѣ съ ними переходитъ въ эти послѣднія и самъ Богъ, ставъ при этомъ постигаемымъ для насъ въ своихъ теофаніяхъ. Такъ Онъ проходитъ чрезъ всѣ многоразличныя формы своихъ дѣйствій до самой послѣдней ступени всей природы,—до тѣлъ; переходя, такимъ образомъ, во все, Онъ производитъ все и бываетъ всѣмъ во всемъ, не переставая, однакожъ, быть въ то-же время и надъ всѣмъ.

Послѣ этого становится совершенно яснымъ, подъ какую категорію слѣдуетъ подвести всю философію Эригены и гдѣ собственно должно искать ея главнѣйшій источникъ. Она по существу своему есть пантеистическая и при томъ совершенно въ неоплатоническомъ родѣ, въ томъ родѣ, гдѣ сохраняется имманентность Бога въ мірѣ вмѣстѣ съ трансцендентностію его надъ нимъ. Божественное бытіе здѣсь само изливается въ вещи и есть внутренній субстратъ ихъ всѣхъ. Всеобщая жизнь проникаетъ всѣ явленія міроваго бытія и выступаетъ въ каждомъ изъ нихъ на тотъ манеръ, какъ этого требуетъ его собственная опредѣленность. Сущность, которая, какъ единственное бытіе, служитъ основаніемъ всѣхъ вещей, есть въ послѣдней инстанціи своей только сама Божественная сущность. „Дѣйствіе“, говоритъ Эригена, „есть не что иное, какъ ставшая причина; слѣдовательно Богъ сталъ, если Онъ есть причина своихъ дѣйствій, и твореніе, поэтому, есть не что иное, какъ Его собственное бываніе“ *). Но хотя Богъ во всемъ бываетъ и во всемъ существуетъ, Онъ не раздробляется и не исчезаетъ совершенно въ вещахъ, но есть и всегда остается въ своемъ премірномъ бытіи какъ нераздѣльное и безконечное единство, трансцендентное надъ міромъ. Онъ относится, слѣдовательно, къ міру вмѣстѣ какъ имманентное и

*) Stöckl: Gesch. d. Philosophie des Mittelalters, 70 p.

какъ трансцендентное бытіе. Онъ есть всеобщая сущность вещей и вмѣстѣ не есть. Онъ есть это въ своемъ излитіи въ міръ вещей и въ тоже время не есть это въ своемъ премірномъ бытіи. Въ своемъ премірномъ бытіи Онъ есть единство всѣхъ противоположностей; тогда какъ въ своемъ снисхожденіи въ вещи Онъ самъ, такъ сказать, погружается въ эти противоположности.

Ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тѣми-же самыми воззрѣніями, которыя нѣкогда составляли существенное содержаніе неоплатонизма. Богъ, какъ безконечная благодать, какъ недостижимое для всякаго познанія существо, ставился неоплатониками во главѣ всего міросозерцанія. Произведши изъ себя Божественный разумъ, какъ мысленное единство идей, а изъ этого послѣдняго—міровую душу, въ самыхъ крайнихъ границахъ своихъ истекающую въ матерію, Онъ тѣмъ самымъ произвелъ изъ себя все. Онъ, слѣдовательно, имманентенъ міру, насколько этотъ послѣдній путемъ эманаций вышелъ изъ него чрезъ разумъ и міровую душу; но въ тоже время Онъ и трансцендентенъ надъ міромъ, потому что стоитъ по отношенію къ нему, какъ абстрактная и простѣйшая монада, на недоступной высотѣ. Въ своей имманентности міру Онъ выдѣляетъ изъ себя міровой разумъ, какъ первую стадію въ цѣли эманаций; въ своей трансцендентности надъ нимъ, Онъ не перестаетъ находиться въ идеальномъ бытіи какъ абсолютное единство, отрѣшенное отъ всякихъ категорій и предикатовъ и потому безконечно превосходящее всю совокупность видимаго бытія. Поэтому есть всеобщая субстанція міроваго бытія, насколько это послѣднее изъ Него-же самого произошло; но вмѣстѣ съ тѣмъ и не есть, потому что въ отрѣшенности своей Онъ безконечно возвышается надъ всякимъ опредѣленнымъ бытіемъ. Въ мірѣ Онъ есть все и бываетъ во всемъ; но при этомъ находится внѣ всего, выше всего и надъ всѣмъ. Все это, какъ мы видѣли, находится и въ системѣ Эригены и усвоено имъ какъ высшая точка зрѣнія, проникающая все его міросозерцаніе и опредѣляющая внутренній характеръ этого послѣдняго. Вотъ почему вся философская система Эригены по сущности своей и представляется ничѣмъ

инимъ, какъ только воспроизведеніемъ древняго неоплатонизма, введеніемъ основныя идеи этой школы въ эпоху средневѣковаго просвѣщенія. Въ частности,—что касается вопроса о томъ, откуда Эригена, вовсе незнакомый съ произведеніями самихъ неоплатониковъ, могъ усвоить себѣ этотъ высшій неоплатоническій принципъ своей философіи,—должно указать на автора псевдо-діонисіевыхъ сочиненій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить приведенное нами въ началѣ пространное свидѣтельство объ этомъ самого Эригены, выраженное имъ въ своемъ посвященіи Карлу Лысому перевода сочиненій Максима Исповѣдника.

Представленное нами ученіе Іоанна Скота Эригены объ отношеніи третьей природы ко второй, столь характеристичное для всей его философіи, составляетъ важнѣйшій моментъ въ общемъ развитіи его ученія о третьей натурѣ. Другіе пункты этого ученія, какъ то: ангелологія и антропологія, представляютъ такія частности въ его системѣ, которыя вовсе не существенны для характеристики ея основныхъ положеній. Достаточно сказать, что ученіе Эригены объ ангелахъ заключаетъ въ себѣ тоже самое, что находится и въ христіанскомъ вѣроученіи: его собственная заслуга здѣсь состоитъ лишь въ томъ, что онъ органически связываетъ его съ другими важнѣйшими частями своей философіи и, не смотря на не строго-христіанскій характеръ послѣдней, развиваетъ здѣсь положенія во всемъ согласныя церковному ученію. Что же касается ученія Эригены о человѣкѣ, то встрѣчающееся здѣсь понятіе о немъ какъ о микрокосмѣ заимствовано имъ, по всей вѣроятности, изъ сочиненій Григорія Нисскаго. Тоже самое должно сказать и относительно выведеннаго имъ различенія идеальнаго и эмпирическаго человѣка, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что слѣды подобнаго различенія мы находимъ еще въ древнемъ ученіи Платона о предсуществованіи душъ. Отсюда оно перешло, потерпѣвъ нѣкоторое видоизмѣненіе, въ умозрѣнія неоплатониковъ; отъ нихъ, повидному, чрезъ посредство Григорія Нисскаго, оно и было усвоено Эригеною. Этимъ посредствомъ Григорія Нисскаго объясняется, между прочимъ, и то, что переходъ идеальнаго человѣка въ эмпирическаго

Эригена ставитъ въ связь съ грѣхопадениемъ, какъ это сдѣлалъ и Григорій Нисскій въ своемъ ученіи о чловѣкѣ *).

Грѣхопадениемъ чловѣка Эригена разрѣшаетъ и другой болѣе важный вопросъ, имѣющій существенное значеніе въ общемъ развитіи его философіи, именно: вопросъ объ основаніи для происхожденія третьей природы изъ второй. Вопросъ этотъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что онъ составляетъ въ системѣ Эригена естественный переходъ въ его ученію о четвертой натурѣ.

Если третья натура по своему бытію вовсе не отлична отъ второй и представляетъ только во временномъ и чувственномъ множествѣ то, что было основано прежде какъ вѣчное и сверхчувственное единство, то возникаетъ вопросъ: что-же было ближайшею причиною такого немощнаго процесса? Этотъ вопросъ Эригена и разрѣшаетъ, какъ мы сказали, ученіемъ о грѣхопадении. „Идеальный міръ, говоритъ онъ, не выступилъ-бы во множествѣ чувственно-воспринимаемыхъ родовъ, видовъ и индивидуумовъ и, слѣдовательно, міръ явленій вовсе не существовалъ-бы, если-бы Богъ не предвидѣлъ отпаденія чловѣка“ **). Такимъ образомъ, происхожденіе чувственнаго міра, какъ третьей природы, обуславливается ничѣмъ другимъ, какъ только отпаденіемъ его отъ идеальнаго единства въ Божественномъ Словѣ, происшедшемъ вслѣдствіе грѣхопадения. Онъ не есть свободное твореніе Бога и не произошелъ-бы вовсе, если-бы чловѣкъ не согрѣшилъ.

Но потому самому, что чувственный міръ не есть самостоятельное бытіе и, находясь въ зависимости отъ грѣхопадения, могъ быть и не быть,—онъ естественно не можетъ оставаться вѣчнымъ. Слѣдствіе грѣхопадения должно изгладиться совершенно и происшедшее отсюда чувственное бытіе должно снова возвратиться въ Бога, чтобы Богъ сталъ всѣмъ и во всемъ. Это приводитъ насъ къ четвертой натурѣ—къ Богу, насколько въ Него должно возвратиться все, какъ къ послѣдней конечной цѣли бытія, съ тѣмъ чтобы Онъ сталъ всѣмъ во всемъ и пред-

*) Ueberweg: Gesch. h. Ph-ie der patristischen Zeit, 71 p.

**) Alb. Stöckl: Geschichte der Philosophie des Mittelalters, 107 p.

ставился намъ такимъ, который не сотворенъ, но уже и не творить.

Возвращеніе вещей къ Богу совершается, по ученію Іоанна Скота Эригены, въ извѣстномъ порядкѣ и постепенно. Чувственные вещи возвращаются къ своимъ примордіальнымъ причинамъ; здѣсь онѣ сбрасываютъ съ себя свою чувственную являемость и преобразуются въ Божественномъ Словѣ. Что-же касается человѣческой натуры, то въ отношеніи къ ней должно различать всеобщее и особенное возвращеніе. Всѣ люди безъ изъятія возвращаются въ рай, т. е. къ своимъ примордіальнымъ причинамъ; избранные-же, напротивъ, вступаютъ еще выше; они становятся съ Богомъ одно, т. е. въ собственномъ смыслѣ обожествляются. Впрочемъ это обожествленіе слѣдуетъ понимать вовсе не такъ, будто вещи, въ особенности же люди, при своемъ возвращеніи къ Богу, теряютъ свою натуру или субстанцію; потому что, если низшее и переходитъ въ высшее, то чрезъ это оно не перемѣняетъ свою сущность, а только возвышается въ своихъ свойствахъ и переходитъ въ лучшее, совершеннѣйшее состояніе.

То божественное дѣйствіе, которымъ существенно условливается возвращеніе вещей къ Богу, есть, по ученію Эригены, искупленіе.—Божественное Слово снизошло въ дѣйствія вѣчныхъ причинъ, принявъ на себя человѣческую природу, въ которой, какъ въ микрокосмѣ, заключалась вся видимая и невидимая тварь. Снизхожденіе Его въ эти дѣйствія совершилось для того, чтобы они сами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ причины (такъ какъ дѣйствія отъ причинъ не отдѣлимы) были спасены. Вочеловѣченіе и спасеніе становятся здѣсь, такимъ образомъ, какъ существенные моменты во всемъ теогоническомъ процессѣ, который заключается возвращеніемъ вещей къ Богу.—Но хотя вся человѣческая натура во всѣхъ индивидуумахъ возвращается въ рай, т. е. къ своимъ примордіальнымъ причинамъ, однакожъ, все-таки, существуетъ наказаніе для злыхъ. Только это наказаніе идетъ не на натуру, а на волю, потому что только эта послѣдняя есть единственная причина зла.—Отсюда слѣдуетъ, что натура прославляется также и въ злыхъ и только въ своей волѣ они получаютъ наказаніе за

грѣхи. Наказаніе это состоитъ въ томъ, что чувственные блага, которыми наслаждались они въ настоящей жизни, совершенно отнимаются отъ нихъ, отъ чего они подвергаются сердечной пустотѣ и обуреванію ничѣмъ уже неудовлетворяемыхъ страстей.

Это ученіе Эригены о возвращеніи всѣхъ вещей къ Богу, какъ конечной цѣли своего бытія, очевидно, есть только естественное завершеніе того космо-теогоническаго процесса, идею котораго онъ развилъ въ своей философіи; и такъ какъ существенные моменты этой философіи несомнѣнно отражаютъ въ себѣ главнѣйшія тенденціи неоплатонизма, то уже напередъ можно предположить, что и этотъ послѣдній пунктъ Эригеновой системы также имѣетъ своихъ предшественниковъ въ идеяхъ неоплатонической школы. И дѣйствительно, у неоплатониковъ мы встрѣчаемъ подробное развитіе ученія о возвращеніи всѣхъ вещей въ лоно Первоединого, изъ котораго онѣ первоначально вышли. Всѣ вещи, по ихъ ученію, и въ особенности человѣкъ, съ необходимостію стремятся ко благу и такъ какъ совершенное удовлетвореніе этого стремленія онѣ могутъ находить только въ высочайшемъ благѣ или Первоединомъ: то, наконецъ, долженъ наступить моментъ, когда онѣ вполне сольются съ нимъ, потому что только въ этомъ слитіи возможно для нихъ совершеннѣйшее познаніе Первоединого, какъ высочайшаго блага. Отсюда и происходитъ ученіе неоплатониковъ о такъ называемомъ „*еосисѣ*“ или обожествленіи всѣхъ вещей, которое мы встрѣчаемъ и у Эригены и которое они точно также распространяли только на состояніе и положеніе вещей, а не на внутреннюю ихъ сущность. Отъ неоплатониковъ эта идея о возвращеніи вещей къ Богу перешла въ сочиненія нѣкоторыхъ церковныхъ учителей и, посредствуясь здѣсь ихъ христіанскимъ сознаніемъ, получила рѣшительное видоизмѣненіе. — Учители эти основывали такое возвращеніе вещей не стремленіемъ ихъ самихъ къ Богу, а искупленіемъ ихъ чрезъ воплощеніе Божественнаго Слова. Въ такомъ существенно измѣненномъ видѣ идея эта встрѣчается въ сочиненіяхъ Оригена *), Григорія Нисскаго **); но съ особенною подробностію

*) Fr. Ueberweg: Geschichte der Philosophie der patristischen Zeit, 59 p.

**) Ibidem, 73 p.

была развита авторомъ псевдо-діонисіевыхъ сочиненій и въ слѣдъ за нимъ Максимомъ Исповѣдникомъ, при чемъ у этихъ послѣднихъ удержанъ былъ также и неоплатоническій еѳосисъ. Изъ этихъ-то церковныхъ писателей, и преимущественно изъ философскихъ умозрѣній послѣднихъ двухъ, Эригена и заимствовалъ непосредственно эту неоплатоническую идею о возвращеніи всѣхъ вещей къ Богу, составившую особый заключительный пунктъ его философіи.—Что же касается находящагося здѣсь частнѣйшаго воззрѣнія Эригены о существованіи наказанія для злыхъ по возвращеніи ихъ къ Богу, и при томъ наказанія, относящагося не къ цѣльной природѣ человѣка, а только къ его волѣ, то можно думать, что такое воззрѣніе Эригена цѣликомъ заимствовалъ отъ Оригена, въ сочиненіяхъ котораго встрѣчается подобное ученіе *).

Ученіемъ о возвращеніи всѣхъ вещей къ Богу Іоаннъ Скотъ Эригена заключаетъ всѣ свои философскія умозрѣнія, развитыя имъ въ схемѣ четвернаго различенія натуръ въ Божественномъ лонѣ универса. Другія частнѣйшія отрасли Эригеновыхъ умозрѣній, какъ-то: ученіе о злѣ и о предопредѣленіи, хотя и находятся въ нѣкоторой связи съ изложенными основными началами его философіи, но имѣютъ уже спеціально-богословскій характеръ и развиваются имъ въ особыхъ совершенно самостоятельныхъ трактатахъ. Такимъ образомъ, намъ остается только сдѣлать на основаніи предъидущаго общее заключительное сужденіе о сущности и происхожденіи философіи Эригены.

Изъ представленныхъ нами существенныхъ моментовъ ея развитія открывається съ достаточною ясностію, что по существу своему она вовсе не христіанская. Одинъ взглядъ на нее убѣждаетъ насъ, что у ней звучитъ основной неоплатоническій тонъ, и что общее основаніе ея, равно какъ и большинство частныхъ, положено не самимъ Эригеною, но унаслѣдовано имъ отъ неоплатониковъ. Неоплатоники, какъ извѣстно, представляли Бога и міръ какъ одно великое единство бытія и жизни: это-же самое воззрѣніе находимъ мы и въ системѣ Эригены. Все безконечное разнообразіе міроваго бытія, по воз-

*) Erdmann: Geschichte der Philosophie, I Bd. 327 p.

зрѣніямъ неоплатониковъ, обязано своимъ происхожденіемъ одной абстрактной монадѣ, которая, подобно солнцу, изливающему свой свѣтъ въ богатыхъ периферическихъ лучахъ, производитъ бытіе и жизнь изъ своего несотвореннаго лона: такая-же идея проникаетъ и всю систему Эригены. Не абсолютное, а только степенное различіе было допускаемо неоплатониками между различными стадіями, составляющими звенья безконечной цѣпи эманаций; это мы находимъ развитымъ точно также и въ системѣ Эригены. Словомъ, всѣ главнѣйшія тенденціи неоплатонической школы, которыя только и сообщали ей отличительный характеръ, мы встрѣчаемъ и въ Эригеновой философіи, гдѣ онѣ составляютъ то явныя, то скрытыя основы, на которыхъ утверждается и создается все ея міросозерцаніе.

Но мы видѣли также, что тенденціи эти заимствованы были Эригеною не прямо отъ неоплатониковъ, а чрезъ посредство многихъ церковныхъ писателей отеческаго періода. Прямого вліянія на него неоплатониковъ, какъ это было показано еще въ самомъ началѣ, невозможно допустить. Да если-бы оно и было возможно, все-таки нѣтъ особенной нужды его признавать, такъ какъ всѣмъ значительнѣйшимъ идеямъ Эригены мы нашли предшественниковъ въ отеческой философіи. Если неоплатоническія воззрѣнія въ отеческую эпоху вліяли иногда на умозрѣнія церковныхъ писателей, какъ это было особенно въ сочиненіяхъ Оригена, Григорія Нисскаго и неизвѣстнаго автора, скрытаго подъ именемъ Діонисія Ареопагита, то Эригена, усвоивъ себѣ отъ этихъ послѣднихъ всѣ такія воззрѣнія, переработалъ ихъ въ цѣльную идеально-пантеистическую систему, развитую совершенно въ неоплатоническомъ духѣ. Безъ сомнѣнія, Эригена имѣлъ личное расположеніе къ философской спекулятивной систематизаціи церковно-догматическихъ положеній и, встрѣтивъ опыты подобной систематизаціи въ сочиненіяхъ означенныхъ церковныхъ учителей, естественно прилѣпился къ нимъ всей душой. Но какъ въ этихъ опытахъ находилась значительная примѣсь неоплатоническихъ идей, то понятно, что необыкновенный философскій гений Эригены могъ возсоздать по нимъ цѣлую и законченную систему, пасквозь пропитанную неоплатонизмомъ. Отсюда объясняются и непрерывныя ссылки

Эригены на сочиненія этихъ церковныхъ писателей, которыхъ онъ почитаетъ высоко; тогда какъ латинскихъ отцевъ онъ цѣнить значительно ниже, потому что въ сочиненіяхъ ихъ мало находилъ поддержки для своихъ философскихъ построеній. Этимъ-же посредствомъ указанныхъ нами писателей объясняется и то, почему философія Эригены имѣетъ нѣкоторыя значительныя преимущества предъ неоплатонизмомъ. вмѣстѣ съ неоплатоническими тенденціями онъ заимствовалъ отъ нихъ и животворный элементъ чисто-христіанскихъ умозрѣній, которыя, хотя и плохо вяжутся въ его системѣ съ неоплатонизмомъ, однакожь произвели то, что не позволили Эригенѣ представлять Божество какъ совершенно неопредѣленное и безразличное бытіе, вовсе недоступное для нашего познанія, но какъ существо тройственно живущее и тройственно открывающееся нашему познанію въ теофаніяхъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что и значительно чистѣйшій, въ сравненіи съ неоплатонизмомъ, монизмъ Эригеновой системы обязанъ своимъ происхожденіемъ также вліянію на него означенныхъ писателей, такъ какъ въ сочиненіяхъ ихъ, за исключеніемъ развѣ Оригена, мы вовсе не встрѣчаемъ никакихъ дуалистическихъ представленій.

И. Матарскій.

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И .

ПИСЬМО LXVII *).

НЕ СТОЛЬКО ТѢЛЕСНЫЯ СИЛЫ ДОЛЖНО УПРАЖНЯТЬ И РАЗВИВАТЬ, СКОЛЬКО РАСКРЫВАТЬ СИЛЫ ДУШЕВНЫЯ; ИБО ОТЪ ВОЗДѢЛЫВАНІЯ ПОСЛѢДНИХЪ ЗАВИСИТЬ НАША СВОБОДА — СПОСОБНОСТЬ БЕЗТРЕПЕТНО ПЕРЕНОСИТЬ ТЯГОТЫ НАШЕГО ЗЕМНАГО СУЩЕСТВОВАНІЯ.

Сегодняшній день—мой не только потому, что я захотѣлъ дать себѣ благодѣтельный отдыхъ, но и потому, что сегодня назначено зрѣлище, которое приглашаетъ всѣхъ утружденныхъ тяжелыми работами для игры шарами. Никто не вторгнется *ко мнѣ съ комнату*, никто не задержитъ теченія моихъ мыслей, которыя отъ этого довѣрія къ ненарушимости моего покоя всплываютъ на поверхность сознанія гораздо смѣлѣе. *Теперь* не ломятся ко мнѣ въ дверь, *какъ прежде*, постоянно и неожиданно, не нужно постоянно приподнимать занавѣсъ *у дверей*: мнѣ можно будетъ выступить въ путь одному, что гораздо болѣе необходимо для человѣка, который идетъ самъ по себѣ, и избираетъ свою собственную дорогу. А развѣ я не иду по слѣдамъ предшественниковъ? Да, я дѣлаю это; но даю себѣ свободу отыскать что-либо новое *на этомъ пути*, кое-что измѣнить, кое-что и оставить. Я не въ рабствѣ у нихъ состою, но соглашаюсь съ ними въ мысляхъ.

Слишкомъ великое слово произнесъ я, пообѣщавши себѣ заранѣе полную тишину и полное уединеніе, не нарушаемое

*) Ер. 80.

никакимъ *вмѣшательствомъ*; вѣдь вотъ оглушительный крикъ несется впередъ съ ристалища, и хотя не выводитъ меня изъ себя, а все-таки переноситъ мое вниманіе на этотъ именно предметъ. Появляются мысли о томъ, какъ много здоровыхъ людей даютъ волю своимъ тѣлеснымъ силамъ, и какъ мало людей, которые раскрываютъ до совершенства скрытыя природныя силы души; какъ много стекается народа на зрѣлище ничего успокоительнаго не дающее, а сильное только доставляемой людямъ пустой потѣхой, — и какая бываетъ пустыня *какъ мало собирается людей* вокругъ воспитывающихъ къ добру знаній; *какъ немощны душою тѣ*, въ которыхъ мы удивляемся *могучимъ* мышцамъ и плечамъ. Вотъ на чемъ наиболѣе останавливаюсь я въ своихъ мысляхъ: если тѣло можетъ быть доведено упражненіемъ до такой выносливости, чтобы человѣкъ выдерживалъ одинаково и удары и запинанія не отъ случайнаго только встрѣчнаго, а отъ всѣхъ, — чтобы онъ выдерживалъ себя въ теченіи всего дня, переносилъ жарко палящія лучи солнца среди накалившейся пыли, и обливаясь собственнымъ кровавымъ потомъ: то насколько легче можетъ пріободриться и набраться силъ душа, которой предстоитъ побѣдоносно встрѣчать удары судьбы, — встрѣчать такъ, чтобы она стала впередъ грудью и поднялась со всѣмъ запасомъ своихъ силъ? Тѣло для обезпеченія своего здоровья нуждается во многихъ вещахъ; духовное начало нашего существа усовершенствуется само по себѣ, само себя питаетъ, само себѣ даетъ основу для дальнѣйшаго развитія. Тому вотъ нужно много пищи, много питья, нужно обильное умащеніе, наконецъ долгое упражненіе; а тебѣ предстоитъ заpastись только силой воли, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, безъ всякихъ издержекъ. Все, что можетъ сдѣлать тебя добрымъ, въ тебѣ самомъ. Въ чемъ у тебя нужда для того, чтобы быть нравственно добрымъ? Въ доброй волѣ. Чего-же ты охотнѣе можешь пожелать, какъ не того, чтобы вырваться изъ этого рабства, которое всѣхъ пригнетаетъ, которое усиливается сбросить даже и подчиненные чужой волѣ рабы, — рабы, живущіе въ крайне тяжкихъ условіяхъ, притомъ и родившіеся среди этой грязи. Имуществомъ своимъ, которое собрали цѣною

голоданья, готовы они расчитаться за право свободнаго существованія; ты-ли не возжелаешь, хотя-бы сначала и на небольшомъ разстояніи, пройти *тяжелый* путь освобожденія души, которая въ твоёмъ собственномъ вѣрованіи рождена свободною? Что ты оглядываешься на свой сундукъ,—онъ не можетъ сдѣлаться предметомъ мѣны. Такимъ образомъ въ списки свободныхъ людей напрасно вносятся такія имена, какъ имя свободно-рожденнаго *); имя свободнаго не принадлежитъ ни тѣмъ, которые покупаютъ свободу, ни тѣмъ, которые продаютъ ее. Надлежитъ, чтобы ты самъ отъ себя взялъ это благо, самъ у себя отыскалъ его. Развяжись прежде всего съ боязливостію передъ смертію; она на насъ налагаетъ наиболѣе тяжелое ярмо; затѣмъ воспитай въ себѣ живое чувство независимости передъ бѣдностью. Пожелаешь-ли ты знать, какъ ничтожно зло, заключающееся въ пей,—поставь въ сравненіе одно: какъ выглядываютъ богатые и бѣдные. Не имущій богатства нерѣдко веселъ и чистосердечно; въ тайникѣ его души нѣтъ тяготы и тревоги; даже если-бы и залегла въ его душу забота, — она минуетъ, какъ легкое облако. У тѣхъ, которые именуются счастливыми, душевное счастье только видимое,—оно напускное, или лучше — у нихъ постоянно хозяйничаетъ тяжкая и назрѣвающая болѣзненно печаль; она, понятно, обременительнѣе еще отъ того, что иногда невозможно высматривать явно несчастными, а необходимо показывать видъ счастливаго среди горестей, развѣдающихъ самое наше сердце. Миѣ не мѣнало-бы пользоваться этимъ примѣромъ почаще: ни въ какомъ другомъ примѣрѣ такъ назидательно не изображается эта плачевно-смѣнная вѣщность человѣческой жизни, указывающей намъ задачи, которыя мы можемъ выполнять только худо. Тотъ, который гордо выступаетъ на театральныхъ подмосткахъ, и съ откинутою назадъ головою говоритъ:

Вотъ я владѣю Аргосомъ; царство оставилъ миѣ Целонсъ,
 Въ мѣстѣ томъ, гдѣ Іонійское море, гдѣ Геллеспонта
 Воды, землю сжимаая, тѣмъ узкій въ ней путь образуютъ **);—

*) Откупленное право быть свободнымъ и числиться подъ этимъ именемъ въ спискахъ цензора есть не что иное, какъ пустой титулъ.

***) Отрывокъ изъ „Атрея“, трагедіи Аттія.

говорящій это есть рабъ; онъ ежемѣсячно получаетъ пять мѣръ хлѣбнаго зерна и пять динарiевъ. А этотъ горделивый и не владѣющій собой, напустившій на себя величавость стѣ полнаго довѣрiя къ своимъ силамъ, который говоритъ:

Твердо стой, Менелай, иль падешь отъ моей ты десницы! —

получаетъ только подепный заработокъ и спитъ на лохмотьяхъ. Тоже самое позволительно сказать обо всѣхъ этихъ баловняхъ судьбы, которые висятъ и несутся въ носилкахъ надъ головами отдѣльныхъ прохожихъ и цѣлой толпы; счастье ихъ хотя и широко бьетъ въ глаза, но на самомъ дѣлѣ только мнимое, носящее личину его. Сними съ нихъ украшающiе ихъ доспѣхи, — ты перестанешь видѣть въ нихъ величавость. Задумавши купить ковя, ты приказываешь снять съ него попону; ты снимаешь одежды съ рабовъ, когда хочешь имѣть ихъ своими, дабы не укрылись отъ тебя какiе-либо ихъ тѣлесные недостатки: а человѣка будешь цѣнить во всей одеждѣ облегающаго его виѣшняго? Торговцы невольниками, когда въ послѣднихъ есть что-либо не отвѣчающее желанiямъ покупателей, скрываютъ это вдаль какой-нибудь искусно отводящей глаза прикрасой; и отъ того для покупателей самыя эти украшения бывають подозрительны: и развѣ ты, увидавши у невольника обязанною руку или ногу, не выразишь-бы желанiя, чтобы онъ былъ раздѣтъ, и для тебя ясно было видимо его тѣло? Видишь ты этого начальника племени съ красивымъ уборомъ на головѣ? если ты желаешь судить о немъ правильно, и совершенно узнать, какiя качества онъ имѣетъ, забудь объ украшающей его головной повязкѣ: много худаго можетъ скрываться подъ ней. Что сказать объ иныхъ людяхъ? если ты желаешь перевѣсить ихъ своею цѣнностiю, — разстанься съ пристрастiемъ къ собиранiю богатства, пренебреги *излишними* хлопотами по хозяйству, оставь притязанiя на почести и отличiе; взвѣшивай себя самъ, оставшись наединѣ съ самимъ собою. Только послѣ этого, вѣрь мнѣнiю другихъ, каковъ ты въ дѣйствительности.

ПИСЬМО LXIII. *)

ПРИ СЛАБОСИЛИИ, КОСНОСТИ И ИСПОРЧЕННОСТИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ, ВСѢ ИЩУЩІЕ МУДРОСТИ НУЖДАЮТСЯ ВЪ ДОБРОМЪ РУКОВОДИТЕЛѢ НА ЭТОМЪ ПУТИ.

Что это за сила, Луцилій, что влечетъ насъ въ одну сторону, въ то время какъ мы направляемся въ другую, и вталкиваетъ насъ въ то мѣсто, откуда мы желаемъ уйти? что противоборствуетъ нашему духу и не позволяетъ намъ, однажды на всегда, утвердиться въ своихъ желаніяхъ? Мы зыблемся какъ въ бурныхъ волнахъ, подъ напоромъ разнообразныхъ желаній; мы ни къ чему *доброму* не самоопредѣляемъ себя вполне охотно, *ни къ чему доброму не влечемся душою* вполне рѣшительно и во всякое время. Неразуміе—скажешь—здѣсь дѣйствуетъ: для него ничто не стоитъ прочно, его ничто не можетъ привлекать долго. Но какъ или когда мы можемъ высвободиться отъ его оболочки? Никто самъ по себѣ не силенъ настолько, чтобы всплыть на свѣтлую поверхность: слѣдуетъ, чтобы кто-нибудь простеръ намъ руку и вывелъ насъ на свѣтъ. Эпикуръ говоритъ, что нѣкоторые сами, безъ посторонней помощи, послѣшно устремились въ поиски за истиной,—между другими и онъ самъ себѣ уравнивалъ путь, ведущій къ истинѣ. Онъ превозноситъ болѣе всего этихъ именно людей, которые подъ натискомъ внутренней силы, выдвинули себя на просторъ. Иные же—говоритъ онъ—нуждаются въ чужой опорѣ и не двинутся впередъ, если предъ ними никого не будетъ впереди, но за путеводителемъ послѣшать охотно. Между послѣдними таковъ Метродоръ **), умъ, правда, выходящій изъ ряда, но второстепенный. Мы также не заносимъ себя въ эту первую роспись, и находимъ обращеніе съ нами лестнымъ для насъ, если будемъ зачислены во вторые ряды. Не относись презорно даже и къ тому человѣку, который можетъ сдѣлаться нравственно здоровымъ по доброй услужливости другихъ: и то не мало стоитъ, что у него есть желаніе быть здоровымъ. Притомъ ты повстрѣчаешься и съ иного рода людьми, даже

*) Ер. 52.

**) Философъ изъ Лампеака, другъ и послѣдователь Эпикура.

не самыми омерзительными, которые могутъ быть принуждаемы къ правому только побудительною силою примѣра другихъ: имъ не вождь только потребенъ, но и споспѣшникъ и, такъ сказать, возбудитель. Вотъ люди третьяго порядка. Если ты желаешь имѣть образецъ такого рода людей, то Эпикуръ укажетъ тебѣ на Эрмарха, своего послѣдователя изъ Митилены. Одному онъ болѣе выражаетъ сердечнаго расположенія, другому шлетъ дань высокаго удивленія. Ибо хотя-бы тотъ и другой дошли до одного и того-же конца,—большая заслуга выработать тоже самое изъ вещества, болѣе трудно обрабатываемаго. Вообрази, что вывершены два зданія, оба не уступающія одно другому, одинаково величественныя и лѣпотныя; одно залегло на почвѣ гладкой, расчищенной: тамъ зданіе выросло вдругъ, безъ подготовки; другое имѣетъ обширные устои, опущенные въ рыхлую и упругую почву, и много труда источено было, пока пришлось добратъся до твердаго слоя. Въ одномъ на виду всѣ постройки; большая часть другаго зданія, и притомъ наиболѣе тяжкая для работъ, кроется въ потемкахъ. Иные умы, въ силу личныхъ, природенныхъ свойствъ, легко и безпрепятственно способны погружаться въ дѣятельность; въ другихъ случаяхъ, какъ говорятъ, ихъ неизбѣжно выработывать побужденіемъ силы,—необходимо заложить для ихъ дѣятельности твердыя основы. Такимъ образомъ я согласился-бы тѣхъ наименовать счастливыми, которые не встрѣчаютъ много труда въ борьбѣ съ самимъ собою: тотъ-же, по истинѣ, лучшую услугу оказалъ самому себѣ, кто преодолѣлъ злокачественность своей природы, и не провелъ себя только къ границѣ мудрости, но съ самаго низу поднялъ на высоту ея. Да будетъ тебѣ вѣдомо, что намъ данъ именно такой упорный, отягощающій насъ умъ; мы движемся впередъ не иначе, какъ создавши себѣ напередъ препятствія. Будемъ же воинствовать,—и будемъ призывать на помощь другихъ!

Кого же призвать, этого или того? Не въ томъ или другомъ сила; ты вернись назадъ къ людямъ, жившимъ прежде, для которыхъ нѣтъ дѣла; пособить могутъ не только тѣ, которые живутъ, но и жившіе прежде. Изъ людей нашего поколѣнія изберемъ не тѣхъ, которые роняютъ слова съ отмы-

ною быстротою, и—или „перетирають общія мѣста“, или вертятся въ частностяхъ, *какъ въ заколдованномъ кругу*, —но тѣхъ, которые даютъ руководящую нить къ жизни, —которые, внушивши, что должно дѣлать, подтверждаютъ истину своихъ словъ примѣромъ своей собственной дѣятельности, —которые наставляютъ, чего слѣдуетъ остерегаться, и при этомъ за свои наставленія въ томъ, отъ чего слѣдуетъ удерживаться, никогда не понесутъ упрека, *какъ за праздна слова*. Того избери руководителемъ, кому ты болѣе удивляешься, когда видишь его въ жизни, нежели когда слушаешь. По этому одному я не смѣю препятствовать тебѣ слушать и тѣхъ, у которыхъ въ обычаѣ собирать вокругъ себя народъ и послѣдовательно развивать нить мыслей *о данномъ предметѣ*; пусть только они съ тѣмъ намѣреніемъ выступаютъ предъ народомъ, чтобы самимъ сдѣлаться лучшими и другихъ сдѣлать таковыми же; пусть они развертываютъ скрытое *въ ихъ души* не ради честолюбія. Что можетъ быть уничижительнѣе для философіи, какъ улавливать крики одобренія? Статочное-ли дѣло, чтобы болящій сталъ восхищаться врачомъ въ то время, какъ онъ дѣлаетъ разсѣченія въ тѣлѣ? Въ безмолвіи, съ кроткимъ доброжелательствомъ, предоставляйте себя уходу и леченію: напрасно вы стали-бы выкрикивать, — я услышу васъ не иначе, какъ тогда, когда вы возстаете отъ прикосновенія къ вашимъ порокамъ. Вы желаете засвидѣтельствовать, что вы внимаете, и что вы растроганы величественностію *разбираемаго предмета*? пусть будетъ такъ! Допустимъ, что вы судите по правдѣ и подаете голосъ отъ лучшихъ движеній вашей души, — какъ тогда я не поущу ему дойти до моего слуха? При чтеніяхъ Платона слушателямъ его предписано было хранить молчаніе въ теченіи пяти лѣтъ; послѣ этого думаешь-ли ты хотя сколько-нибудь, что имъ дозволялось говорить и высказывать похвалы съ перваго же дня? Каково же неразуміе человѣка, котораго крики несвѣдущихъ отпускаяютъ ликующимъ изъ собранія слушателей? Велика-ли радость получать похвалы отъ тѣхъ, кого ты самъ не въ силахъ хвалить? Фабіанъ держалъ *иногда* краснорѣчивыя рѣчи предъ народомъ; но слушателей имѣлъ въ небольшомъ числѣ: подчасъ выры-

вались сильные крики одобренія сочувствующихъ, но этотъ крикъ вызывало величіе предмета, а не пріятный, безобидный тонъ его рѣчи, не мягкіе ея переливы. Есть кое-что, что отдѣляетъ одобреніе присутствующихъ на увеселительныхъ зрѣлищахъ отъ одобренія учащихъ: и для хвалы существуетъ нѣкоторая дозволенная мѣра.

Если наблюдать, то всѣ вещи міра имѣютъ признаки, которые дѣлаютъ ихъ познаваемыми; и о нравственности чело-вѣка можно предрѣшать на основаніи незначительнѣйшихъ изъ его поступковъ. Нецѣломудреннаго и поступъ вывести въявь, и движенія рукъ, и порою одно отвѣтное слово, и поднятіе пальца ко лбу, и поворотъ глазъ; нечестнаго обнаруживаетъ иногда смѣхъ; безумнаго—взглядъ и положеніе одежды. Всѣ эти качества выступаютъ наружу при посредствѣ извѣстныхъ внѣшнихъ признаковъ. Каковъ кто-либо, ты узнаешь тогда, когда усмотришь, какъ онъ раздаетъ похвалы. Со всѣхъ сторонъ слушатели протягиваютъ философу руки, надъ самой головой его остановились возгласы удивленія многочисленныхъ почитателей. Пойми, что здѣсь не хвала ему слышится, а только шумъ похвалъ. Оставимъ эти широкогвѣздательныя похвалы для тѣхъ искусствъ, которыя предполагаютъ себѣ угождать народу: предъ философіей должно преклоняться. Если позволить юношамъ когда-либо послѣдовать движенію души, такъ развѣ тогда, когда это дѣлается по внутреннему, непредвидѣнному порыву,—когда они не въ силахъ бываютъ соблюсти молчаніе. Такое восхваленіе приноситъ нѣчто назидательное для самихъ слушателей, и сильно подбодряетъ молодыя души. Тѣмъ самымъ они воодушевляются для дѣла, не для хитрыхъ словъ: иначе, если краснорѣчіе возбуждаетъ не страстную жажду дѣла, а пристрастіе къ нему самому, то оно ко вреду послужитъ имъ. Одно внѣ сомнѣнія, что философія не сдѣлаетъ прибыли, когда она выставитъ себя на позорище не отвѣдавшихъ ея; но она можетъ сбнаружиться въ глубочайшихъ тайнахъ своего существа, если она приобрѣтетъ не рабскаго послушника, а посвященныхъ въ нее служителей ея.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

30 Сентября № 18. 1885 года.

Содержаніе: Опрежденіе Святѣйшаго Синода. — Указъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода о совершеніи въ обычное время предъ окончаніемъ Литургіи установленныхъ въ храмахъ „въ недѣлю о слѣпоухъ“ сборовъ пожертвованій въ пользу Маріинскаго попечительства для слѣпыхъ. — Епархіальныя извѣщенія. — Отъ совѣта Харьковскаго женскаго епархіальнаго училища. — Отъ правленія Купянскаго духовнаго училища. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.

Опрежденіе Святѣйшаго Синода.

Отъ 21—31 августа 1885 года, за № 1676, о вызовѣ лицъ для замѣщенія священническихъ вакансій въ Иркутской епархіи.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе преосвященнаго Иркутскаго, отъ 9 іюля 1885 года, за № 1704, въ коемъ изъясняя, что по недостатку кандидатовъ священства, ежегодно выпускаемыхъ изъ Иркутской духовной семинаріи, онъ, преосвященный, нуждается въ образованномъ духовенствѣ, ходатайствуетъ о вызовѣ на службу въ Иркутскую епархію изъ болѣе многолюдныхъ епархій пятнадцати лицъ, получившихъ полное семинарское образованіе, для замѣщенія священническихъ мѣстъ. Причемъ преосвященный Веніаминъ проситъ, не будетъ-ли признано возможнымъ предоставить епархіальнымъ преосвященнымъ, изъ епархій которыхъ будетъ сдѣланъ вызовъ, сдѣлать осмотнительный выборъ между имѣющими проситься въ Иркутскую епархію, чтобы отправкою недостойныхъ не ввести напрасно въ расходъ казну и не вынудить Иркутское епархіальное начальство ходатайствовать о возвратѣ порочныхъ назадъ, какъ это было прежде, при подобныхъ вызовахъ. И, по справкѣ, приказали: Въ виду встрѣчаемыхъ Иркутскимъ епархіальнымъ начальствомъ затрудненій въ замѣщеніи священническихъ въ епархіи вакансій, по недостатку кандидатовъ свя-

щенства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: о содержаніи изъясненнаго ходатайства преосвященнаго Иркутскаго объявить, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“, преосвященнымъ внутреннихъ епархій Россіи, съ порученіемъ имъ приложить особливую попечительную заботливость по приглашенію на службу въ Иркутскую епархію какъ остающихся безъ мѣстъ въ ихъ епархіяхъ, окончившихъ курсъ семинарскихъ воспитанниковъ, и особенно тѣхъ изъ нихъ, которые во время ученія состояли на казенномъ содержаніи и вслѣдствіе того обязаны служить по духовному вѣдомству, такъ равно діаконовъ и псаломщиковъ изъ окончившихъ курсъ. Объ изъясвившихъ желаніе отправиться въ Иркутскъ преосвященные имѣютъ доносить Святѣйшему Синоду, для дальнѣйшихъ со стороны онаго распоряженій относительно назначенія таковымъ лицамъ слѣдующихъ по положенію прогонныхъ денегъ и путевого содержанія.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 6 Юня сего года № 2727, объ устраненіи неудобствъ, происходящихъ отъ произнесенія въ недѣлю о слѣпомъ поученій вслѣдъ за чтеніемъ св. Евангелія и производства затѣмъ денежнаго въ храмахъ сбора пожертвованій въ пользу Маріинскаго попечительства для призрѣнія слѣпыхъ, и по справкѣ, приказали: изъ дѣла сего видно, по ходатайству председателя совѣта Маріинскаго попечительства для призрѣнія слѣпыхъ Святѣйшимъ Синодомъ въ 1881 году разрѣшенъ повсемѣстный въ городскихъ и монастырскихъ церквахъ сборъ *въ недѣлю о слѣпомъ* пожертвованій въ пользу означеннаго попечительства, а священнослужителямъ предложено произносить въ эту недѣлю соответствующее слово о значеніи сихъ пожертвованій. Затѣмъ въ 1882 г. Святѣйшій Синодъ, согласно ходатайству председателя означеннаго попечительства, циркулярно предписалъ по духовному вѣдомству, чтобы установленное слово въ недѣлю о слѣпомъ священнослужители произносили *непрѣменно* вслѣдъ за чтеніемъ св. Евангелія. Производство упомянутаго сбора пожертвованій въ такомъ порядкѣ, какъ показала четырехлѣтній опытъ, хотя и сопровождается благоприятнымъ результатомъ въ пользу попечительства для призрѣнія слѣпыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ нѣкоторыя неу-

добства. Предпринятое въ видахъ усиленія означеннаго сбора произнесеніе нарочитыхъ для сего поученій, не при окончаніи Божественной литургіи, а вслѣдъ за чтеніемъ св. Евангелія и производство вслѣдъ затѣмъ денежнаго сбора порождаютъ ропотъ въ средѣ богомольцевъ. Со стороны православныхъ прихожанъ, присутствующихъ въ св. храмахъ въ недѣлю о слѣпомъ, отовсюду слышатся сѣтованія на перерывъ богослуженія, произнесеніемъ, вопреки установившемуся издавна обычаю, поученій въ началѣ литургіи, — а также на происходящее отъ сего замедленіе въ совершеніи богослуженія, и даже нѣкоторое замѣшательство въ ономъ, вслѣдствіе чего многіе оставляютъ храмъ прежде окончанія Божественной службы, а иные уклоняются даже отъ посѣщенія церкви въ этотъ день. Для устраненія вышеозначенныхъ неудобствъ, Святейшій Синодъ опредѣляетъ: предписать циркулярно по духовному вѣдомству, чтобы установленные въ городскихъ и монастырскихъ церквяхъ въ недѣлю о слѣпомъ сборы пожертвованій въ пользу Маріинскаго попечительства для слѣпыхъ были производимы и соответствующее слово о значеніи сихъ пожертвованій было произносимо, на будущее время, не вслѣдъ за чтеніемъ Евангелія, а въ обычное для сего время, предъ окончаніемъ литургіи; о чемъ, для зависящихъ къ исполненію распоряженій, сообщить циркулярно печатными указами епархіальнымъ преосвященнымъ, Московской и Грузино-Имеретинской Синодальнымъ Конторамъ и Главному священнику арміи и флотовъ. Августа 8 дня 1885 года.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Священникъ Николаевской церкви слободы Мереры, Харьковскаго уѣзда, *Василій Щербина* умеръ, а на его мѣсто опредѣленъ священникъ *Василій Любчинскій*.

— Въ слободѣ Монашиновкѣ, Кулянскаго уѣзда, при Дмитріевской церкви, предоставлено священническое мѣсто окончившему курсъ въ Харьковской духовной семинаріи, *Михаилу Попову*.

— Псаломщикъ Валковской Благовѣщенской церкви, діаконъ *Петръ Аксенковъ* утвержденъ штатнымъ діакономъ къ означенной церкви.

— Псаломщикъ Иоанно-Предтечевской церкви села Лютовки, Богодуховскаго уѣзда, *Димитрій Пономаревъ* рукоположенъ во діакона къ сей же церкви.

— Псаломщикъ Троицкой церкви слободы Михайловки, Валковскаго уѣз-

да, діаконъ *Владимиръ Калашиниковъ* утвержденъ штатнымъ діакономъ къ означенной церкви, 24 іюня 1885 года.

— Діаконы, состоявшіе на псаломщицкой вакансіи, утверждены штатными: а) Покровской церкви слободы Покровской, Купянскаго уѣзда, *Андрей Сьмцовъ*; б) Рождество-Богородичной церкви села Должика, Харьковскаго уѣзда, *Іоаннъ Хорошковъ*.

— Діаконъ слободы Вертѣвки, Харьковскаго уѣзда, *Николай Сьди-ковъ* перемѣщенъ на штатное діаконское мѣсто къ Покровской церкви слободы Ольшаной, того-же уѣзда.

— Псаломщикъ Николаевской церкви слободы Царе-Борисовой, Изюмскаго уѣзда, *Феодосій Кириченко* утвержденъ штатнымъ діакономъ при оной церкви и посвященъ во діакона.

— Псаломщикъ діаконъ Всѣхъ-Святской Холодногорской г. Харькова церкви *Николай Никитскій* утвержденъ штатнымъ діакономъ при оной церкви.

— Бывшему воспитанику Рыльскаго духовнаго училища *Іакову Василевскому* предоставлено штатное діаконское мѣсто при Всѣхъ-Святской церкви г. Славянска.

— Псаломщикъ діаконъ Рождество-Богородичной церкви слободы Юнаковки *Діонисій Платоновъ* утвержденъ штатнымъ діакономъ при сей-же церкви.

— Діаконскій сынъ *Георгій Климентовъ* опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Рождество-Богородичной церкви села Константиновки, Зміевскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Воскресенской церкви с. Ясеноваго, Лебединскаго уѣзда, *Константинъ Поповъ* перемѣщенъ на псаломщицкое мѣсто къ церкви Нерукотвореннаго Образа Господня с. Мохначей, Зміевскаго уѣзда.

— Сверхштатный псаломщикъ Всѣхъ-Святской г. Славянска церкви, *Іванъ Квасовскій* утвержденъ штатнымъ псаломщикомъ при той-же церкви.

— Псаломщикомъ къ Благовѣщенской церкви слободы Тростянца, Ахтырскаго уѣзда, опредѣленъ *Филиппъ Андреевичъ Приходимъ*.

— Псаломщикомъ къ церкви слободы Тимофѣвки, Сумскаго уѣзда, опредѣленъ окончившій курсъ семинаріи, *Александръ Платоновъ*.

— Псаломщикъ слободы Благодатной, Волчанскаго уѣзда, *Срмеонъ Мигулинъ* перемѣщенъ въ слободу Рубежное, того-же уѣзда.

— На псаломщицкое мѣсто къ Георгіевской церкви, слободы Ольховатки, Волчанскаго уѣзда, опредѣленъ сынъ псаломщика *Антоній Любарскій*.

— Утвержденъ въ должности церковнаго старосты къ Дмитріевской церкви с. Шевелевки, Изюмскаго уѣзда, крестьянинъ *Павель Проскуринъ*.

— Коллежскій ассесоръ *Константинъ Николаевичъ Захаревъ*

17 сентября утвержденъ церковнымъ старостою къ вновь устроенной Пантелеймоновской церкви въ г. Харьковѣ на Пескахъ, *на первое трехлѣтіе.*

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіального женскаго училища.

Совѣтъ училища снуд доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія слѣдующее: На украшеніе храма при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ поспуля пожертвованія отъ нижеслѣдующихъ лицъ:

Отъ священника Оспновской Успенской церкви Василія Капустянскаго 25 р. церковнаго старосты той-же церкви Алексѣя Ивановича Хорошевскаго 10 р., протоіерея Северіана Сулмы 5 р., причта Харьковской Рождество-Богородичной церкви 1 р. 30 к., благо-чиннаго, священника Михаила Лободовскаго 10 р., причта, старосты, прихожанъ Зміевскаго Троицкаго собора и священника Василія Любарскаго 12 р., священника Николая Матвѣева 6 р., псаломщика Іоанна Павлова 2 р., церковнаго старосты Саввы Краснякова 2 р., діакона Сергѣя Новскаго 2 р., діакона Іоанна Кудрявцева 2 р., діакона Меодія Крыжановскаго 5 руб., діакона Гавріяла Насѣдкина 1 р., псаломщика Георгія Коробчанскаго 3 руб., Основянской церкви 20 руб., старосты той-же церкви крестьянина Василія Золотарева 10 р., священника Василія Лихницкаго 1 р., Харьковской Преображенской церкви 1 р., діакона Павла Старевича 50 к., псаломщика Григорія Носова 25 к., псаломщика Тихона Степурскаго 25 к., протоіерея Гавріила Федоровскаго 2 р., священника Николая Соколевскаго 1 р., діакона Дмитрія Максимова 50 к., діакона Петра Вутковскаго 25 к., псаломщика Евграфъ Соколевскаго 20 к., церковнаго старосты Велятченка 5 руб. 5 к., діакона Теодора Никольскаго 30 коп., протоіерея Іоанна Федорова 10 р., священника Андрея Рудинскаго 2 руб., псаломщика Іоанна Рокитянскаго 50 к., псаломщика Николая Степурскаго 50 к., Антонія Ивановича Бѣленькаго 3 р., протоіерея Василія Левандовскаго 1 р., священника Николая Моценкова 1 р., діакона Андрея Терновскаго 1 р., псаломщика О. Любарскаго 20 коп., священника Георгія Чеботарева 1 руб., діакона О. Шишкина 50 к., старосты Алексѣя Судакова 60 к., псаломщика И. Твердохлѣбова 20 коп., причта и старосты Петро-Павловской церкви 2 р., протоіерея Андрея Щелкунова 1 р., священника П. Григоровича 1 р., діакона Кирилла Попова 25 к., псаломщика О. Смородскаго 20 к., священника В. Ветухова 1 р., діакона И. Иванцкаго 25 коп., Теодора (фамилія неизвѣстна) 3 р., причта Харьковской Благовѣщенской церкви 2 р., старосты 3 руб., причта Харьковской Дмитріевской церкви 5 р., Харьковской Всесвятской церкви священника Василія Попова 10 р.,

прічетника прѣчта той-же церкви 3 р., церковнаго старосты Никиты Вузника 5 р., Всесвятской кладбищенской церкви 15 руб., протоіеря Александра Ѳедоровскаго 1 р., священника Панкратія Иванова 1 руб., діакона Михайла Петина 50 к., псаломщика А. Грабовскаго 20 к., протоіеря Н. Лашенкова 1 р., священника С. Петровскаго 1 р., діакона Александра Подольскаго 75 к., діакона Евгенія Григоровича 25 к., старосты Н. Е. Сѣрякова 5 р., Троицкой церкви 10 р., священника Василія Марченкова 3 р., псаломщика М. Мартыновича 35 к., церковнаго старосты Кирилла Влохи 35 к., Евсевія Дубовика 35 к., протоіеря Дмитрія Ѳедоровскаго 3 р., священника Павла Тимофѣева 1 р., діакона И. Ковалевскаго 30 к., псаломщика Д. Рогальскаго 50 коп., священника Сѹмеона Петрова и сиротъ Петровыхъ 15 р., собрано отъ разныхъ лицъ: С. К. 1 р. 42 коп. и отъ него-же С. К. 1 р. 58 к. А всего съ прежними 416 р. 65 к.

Совѣтъ Епархіальнаго женскаго училища считаетъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность вышеозначеннымъ жертвователямъ и при семъ имѣетъ честь извѣстить, что пожертвованія могутъ быть присылаемы чрезъ о.о. благочинныхъ или непосредственно на имя Совѣта Епархіальнаго женскаго училища.

Уволенная за невзносъ платы за обученіе, воспитанница Александра Степурская оставлена въ училищѣ въ томъ-же классѣ.

Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища.

При Купянскомъ духовномъ училищѣ состоятъ вакантною должность надзирателя за учениками. Жалованья полагается 400 р. въ годъ. Желающіе занять означенную должность могутъ подать прошеніе, съ приложеніемъ надлежащихъ документовъ, въ правленіе училища.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

Содержаніе. О клеветѣ и лжи (слово въ день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня).—Открытие Харьковскаго Технологическаго института.—Освященіе часовни въ память починашаго въ Бозѣ Императора Александра II.—Освященіе церкви въ слободѣ Пушкарной, Ахтырскаго уѣзда.—Предполагавшійся въ Москвѣ новый соборъ Феодосѣевцевъ.—Народно-просвѣтительная дѣятельность братствъ.—С церковно-приходскихъ школахъ.—Киевскіе подпольники.—Закладка каменнаго храма въ г. Якобштадтѣ.—Объ улучшеніи матеріальнаго положенія сельскихъ учителей.—Некрологи.—Объявленія.

— 14 сентябрю въ день храмоваго праздника въ Харьковской Крестовоздвиженской церкви была торжественно совершена литургія, послѣ которой въ обычное время протоіереемъ А. Щелкуновымъ было произнесено интересное по своему содержанію слово „о клеветѣ и лжи“, съ которымъ не лишнимъ считаемъ познакомиться нашихъ читателей.

Начаша на Иисуса вадити глаголюще: сею обротохомъ развращающа языкъ нашъ, и возбраняюща Кесареву дань даяти (Лук. 23. 2)

„Крестъ Христовъ есть священный памятникъ неизрѣченной любви Божіей къ человѣку (Іоан. 3, 14, 16). Святъ этотъ памятникъ, ибо освященъ смертію Богочеловѣка,—несокрушимъ, ибо имъ сокрушена держава ада,—достопоклоняемъ, ибо на немъ совершилось спасеніе міра.

„Но съ тѣмъ вмѣстѣ Крестъ Христовъ пребудеть вѣчнымъ памятникомъ и неправды человѣческой, распявшей на немъ—тогда позорномъ и ужасномъ орудіи казни злодѣевъ—Святѣйшаго святыхъ Сына Божія. Ибо враги Иисусовы, желая погубить Его, прибѣгли къ клеветѣ—этому самому низкому и пагубному проявленію лжи. Скажемъ о ней, и скажемъ потому, что проявленіе неправды человѣческой въ разныхъ видахъ клеветы стало настоящею язвою нашего времени, требующею неукоснительнаго врачеванія. Кто не подвергался клеветѣ? Кто защищенъ отъ нея? Легче уберечься отъ уязвленія ядовитой змѣи, чѣмъ избѣгнуть клеветы злыхъ людей.

„Клеветать, значитъ говорить или писать ложь въ поношеніе, или обиду, или на погубленіе ближняго,—приписывать ему несправедливо какой-либо порокъ, преступленіе, или преувеличивать слабости его, или перетолковывать въ худую сторону добрые его поступки. Изъ такого понятія о клеветѣ и лжи очевидны ихъ безнравственность, а слѣдовательно и преступность,—ихъ пагубность для чести и спокойствія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ, а от-

сюда—необходимость врачеванія этого нравственнаго недуга и даже преслѣдованія его какъ зла общественнаго.

„Основной законъ отношеній христіанина къ ближнимъ есть любовь: *о семъ разумываютъ вси яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*, говоритъ Спаситель (Іоан. 13, 35). Это святое чувство въ такой мѣрѣ и силѣ должно быть возгрѣваемо въ сердцѣ христіанина, чтобъ его доставало даже для враговъ нашихъ, для ненавидящихъ насъ и для творящихъ намъ напасть (Мат. 15, 44). Отсюда обязанность наша не только заботиться о душевныхъ и тѣлесныхъ потребностяхъ нашихъ ближнихъ,—въ какихъ бы отношеніяхъ къ намъ они ни стояли,—но и беречь ихъ честь и доброе имя. Св. Апостоль Павелъ, научая христіанъ *честью другъ друга большими творити*, предпочиталъ лучше умереть, нежели потерпѣть умаленіе своей апостольской чести. И всякій человѣкъ, не утратившій въ себѣ образа Божія, состоящаго *въ правдѣ и преподобіи истины* (Еф. 4, 24), всего болѣе дорожитъ правдивостію и честностію своего нравственнаго облика. Какъ святую бережетъ онъ его на заслуженной высотѣ, отвращаясь всякой неправды и лжи. Съ другой стороны, искаженіе или омраченіе нравственнаго облика его другими для него горше смерти. А если такъ, то клеветникъ, посягая на самое дорогое сокровище ближняго, совершаетъ преступленіе тяжкое и безнравственное и обнаруживаетъ въ себѣ человѣка совершенно чуждаго духу христіанства. Какъ сказано уже, отличительный признакъ христіанина—любовь къ ближнему. А развѣ эта святая любовь движетъ языкомъ клеветника? Наоборотъ, не чувство-ли злобы, зависти, вражды, мщенія, отъ которыхъ такъ далеко долженъ быть христіанинъ? Отличительная черта образа Божія въ человѣкѣ—правда и истина. Уцѣлѣла-ли эта Божественная черта въ томъ, кто способенъ лгать и клеветать на другихъ? Наоборотъ, не принялъ-ли на себя клеветникъ образъ врага Божія? Клеветать свойственно лишь дьяволу, ибо названіе „дьяволъ“ значитъ клеветникъ. Отъ присущаго-же душѣ образа отображается и нравственная дѣятельность человѣка: *добрый человекъ изъ добраго сокровища своего сердца выноситъ доброе, а злой человекъ изъ злаго сокровища выноситъ злое* (Мат. 12, 35). Посему, что сказалъ Спаситель объ изолгавшихся и искавшихъ убить Его—провозвѣстника истины,—фарисеяхъ, то относится и ко всѣмъ лжецамъ и клеветникамъ: *вы дѣлаете дѣла отца вашего... отецъ же вашъ есть дьяволъ, и вы похоти отца вашего хотите творити... онъ лжець и отецъ лжи* (Іоан. 8, 33—44).

„Спаситель, указуя источникъ клеветы въ порочномъ сердцѣ чело-
 вѣка, опредѣляетъ и тяжесть ея преступности, поставляя ее на
 ряду съ такими злодѣянїями, какъ убійство и татьба, и—съ такими
 пороками, какъ прелюбодѣніе и любодѣніе. *Отъ сердца*, говоритъ
 Онъ, *исходятъ помысленїя злая: убійства, прелюбодѣнія, любодѣ-
 нія, татьбы, лже свидѣтельства, хулы* (Мат. 15, 19). И под-
 линно: убійца посягаетъ на телѣсную жизнь челоуѣка, клеветни-
 ки—эти хульники и лже свидѣтели—на духовную, нравственную
 жизнь его; тать похищаетъ вещественныя сокровища наши,—кле-
 ветники и поносители окрадываютъ нашу честь и доброе имя;
 блудники и прелюбодѣи наругаются надъ честью лицъ, поднав-
 шихъ ихъ гнусной страсти,—что-же иное дѣлають клеветники,
 хульники, лжецы съ честью и добрымъ именемъ тѣхъ, на кого такъ
 или иначе устремляють они свой лживый языкъ? Проводи сравне-
 ніе далѣе, мы увидимъ, что клеветники и хульники въ нравствен-
 номъ отношенїи ниже разбойниковъ и хищниковъ и безпощаднѣе
 ихъ. Ниже: въ разбойникахъ и хищникахъ усматривается своего
 рода мужество; идя на свой ужасный промыселъ, они не рѣдко
 рискуютъ своею головою и, во всякомъ случаѣ, добыча стоитъ имъ
 труда и усилїй. Ничему подобному не подвергаютъ себя клеветни-
 ки и поносители. Посягая на честь ближняго, окрадывая его доб-
 рое имя,—сами они скрываются отъ глазъ общества, пуская свои
 стрѣлы тайно, и соплетая такую многоизвилистую нить клеветы и
 лжи, по которой трудно и добраться до этихъ злодѣевъ, чтобъ
 вступить съ ними въ борьбу за поруганную честь или предать ихъ
 въ руки правосудїя. Безпощаднѣе: сказанїя о похожденїяхъ раз-
 бойниковъ представляютъ иногда и случаи ихъ великодушїя. Поч-
 тенная старость, высокое положенїе, извѣстныя заслуги, священный
 санъ... невинный юноша; беззащитная дѣва... нерѣдко находили у
 нихъ пощаду, а иногда даже помощь и защиту. Ничто подобное
 не сдерживаетъ языкъ клеветника. Сохранилось преданїе, что Пресв.
 Дѣва Марїя, во время бѣгства своего съ Богомладенцемъ во Еги-
 петъ, была пощажена встрѣтившими ее въ пустынь разбойниками,
 одинъ изъ коихъ—по тому же преданїю впоследствии былъ распятъ
 одесную Искупителя, возопилъ къ Нему: *помяни мя Господи...* И
 получилъ Божественный отвѣтъ: *днесь со Дною будещи въ рци*
 (Лук. 23, 42—43). Но пощаженный въ младенчествѣ злодѣями-
 разбойниками, Спаситель не былъ пощажень злодѣями—клеветни-
 ками въ возрастѣ совершенномъ и уже послѣ неизчислимыхъ бла-
 годѣяній Его народу, „слѣпцовъ Онъ просвѣтилъ, прокаженныхъ

очистилъ, мужей сущихъ на одрѣ возставилъ“. *Искажу лже свидѣтелей на Иисуса... Начаша на нѣ вадити глаголюще: сего обрѣтохомъ развращающа языкъ нашъ, и возбраняюща Кесареви дань дати.* . И это вскорѣ послѣ того, какъ Онъ торжественно изрекъ: *воздадите Кесарево Кесареви.* Такъ клевета безстыдна и беспощадна! Св. Іоаннъ Златоустъ, коего блаженную кончину воспоминаемъ нынѣ,—это великое свѣтило Церкви Христовой,—подвижникъ, нищелюбецъ, защитникъ и утѣшитель несчастныхъ, златословесный учитель, великій іерархъ, на котораго не поднялась бы рука никакого злодѣя, не былъ пощажень клеветой и окончилъ святую и многоплодную жизнь свою на пути въ изгнаніе. Господь въ день Воздвиженія Креста Своего упокоилъ этого вѣрнаго послѣдователя Своего, подобно Ему понесшаго крестъ свой, возложенный на него клеветою человѣческою.

„Въ жизни общественной ложь и клевета причиняютъ зло неисчислимое. Онѣ нерѣдко разстраиваютъ счастье супружеское, семейное, добрыя отношенія сосѣдей, господъ и слугъ, начальниковъ и подчиненныхъ. Сколько отсюда горя, неприятностей, тяжбъ! Пойдите въ судебныя камеры, посмотрите, сколько тамъ „дѣлъ“, возникшихъ лишь по одной лжи и клеветѣ;—прислушайтесь къ показаніямъ свидѣтелей, лгущихъ нерѣдко послѣ присяги,—и вы ужаснетесь развращенности и безчестности однихъ, безсовѣстности другихъ, и отъ души пожалѣете о людяхъ, призванныхъ изо дня въ день распутывать хитросплетенныя сѣти лжи и клеветы, и поймете силу этого постепенно возрастающаго зла. Для пораженія этого домашняго врага государство содержитъ, въ лицѣ множества судей, размѣщенныхъ въ низшихъ и высшихъ судилищахъ, такъ сказать, цѣлое воинство правосудія. И едва-ли можно отрицать, что борьба съ этимъ врагомъ труднѣе, чѣмъ съ внѣшнимъ непріателемъ. Непритель идетъ открыто,—клевета и ложь дѣйствуетъ тайно—изъ-за угла; непритель, будучи разъ пораженъ, не скоро приходитъ въ силу для новаго нападенія,—ложь и клевета, какъ многоглавая змѣя, будучи поражена въ одну главу изливаетъ ядъ изъ другой, отсѣките эту,—изъ третьей, а тамъ на мѣсто отсѣченной выросла новая.

„Гдѣ искать средствъ къ ослабленію этого зла? Говоримъ „къ ослабленію“, а не къ совершенному уничтоженію его. Увы, доколѣ въ мірѣ будетъ дѣйствовать „отецъ лжи“, доколѣ будутъ находиться и тѣ, которые „хотятъ исполнять похоти его“. Средства къ умаленію этого зла можно найдти: а) во внутрѣшнихъ и распростра-

неніи правильныхъ понятій о высокомъ достоинствѣ человѣческой природы, б) въ христіанскомъ воспитаніи и в) наконецъ, въ преслѣдованіи лжецовъ и клеветниковъ общественнымъ мнѣніемъ.

„Если бы человѣкъ сознавалъ ясно, что онъ есть самое высокое и благородное созданіе Божіе на земли, *уменьное малымъ чимъ отъ Ангелъ*, украшенное образомъ Божіимъ, если-бы въ такой чести сый онъ уразумѣлъ свое высокое призваніе, то не позволилъ бы себѣ уподобиться врагу Бога и людей — дьяволу. Драгоценный даръ слова, коимъ онъ снабженъ для славословія Творца своего и для разумныхъ и добрыхъ сношеній съ ближними, онъ не обратилъ-бы во вредоносное для нихъ орудіе и языка своего не сдѣлалъ-бы сосудомъ яда *аспидовъ*. Посему-то мы видимъ, что чѣмъ выше и благороднѣе человѣкъ въ истинномъ значеніи сихъ словъ, — тѣмъ осторожнѣе и благоразумнѣе обращается онъ съ словомъ устнымъ или писменнымъ, и не позволяетъ себѣ ложью или клеветой осквернить языкъ свой или перо; обратное сему свойственно лишь тому, кто нравственно палъ слишкомъ низко.

„Если-бы люди прониклись христіанскимъ ученіемъ о томъ, что всякая неправда есть грѣхъ, что за одно обидное названіе ближняго виновный подлежитъ *гемъ огненной* (Мат. 5, 22), что *мерзость Господеви устны лживы* (притч. 12, 22), что *поцубить Господь вся глаголющія лжу* (Пе. 5, 7), то это святое ученіе сдерживало бы нашъ языкъ и перо отъ поношенія нашихъ ближнихъ и всякой лжи и клеветы.

„Наконецъ ложь и клевета значительно уменьлихъ-бы въ обществахъ человѣческихъ, еслибы эти общества, въ большемъ или меньшемъ числѣ своихъ членовъ, не представляли условій къ принятію ихъ и распространенію. Какъ язвы физическія имѣютъ мѣсто тамъ, гдѣ подготовлена для нихъ почва въ тѣлесныхъ организамахъ, и распространяются отъ неблагоразумнаго общенія здоровыхъ съ больными: такъ, и еще болѣе, нравственная язва клеветы и лжи свирѣпствуетъ тамъ, гдѣ легкомысленно и неосторожно говорятъ и пишутъ сами и съ такимъ же легкомысліемъ и безразборчивостью выслушиваютъ, читаютъ и распространяютъ все, что говорится и пишется другими. Спросъ вызываетъ предложеніе. Положеніе это вѣрно не только по отношенію къ предметамъ матеріальнымъ, но и духовнымъ. Гдѣ ложь, какъ бы ни была она невѣроятна, принимаютъ за правду; гдѣ клевета, какъ бы ни была она чудовищна, не встрѣчаетъ должнаго негодованія, — тамъ лжецы и клеветники имѣютъ открытое для себя поле и имъ остается лишь пожирать

плоды своей преступной дѣятельности. Но не будемъ забывать, братіе, что жатва эта производится на счетъ нашей чести, нашего добраго имени, на счетъ нашего спокойствія домашняго и общественаго. А этого достаточно для того, чтобы подвигнуть всѣхъ людей правды, чести и мирнаго житія дружно сомкнуться противъ всякой лжи и клеветы и преслѣдовать ихъ съ большею настойчивостію, чѣмъ преслѣдуются заразы и язвы физическія.

„Что сказать въ утѣшеніе тебѣ, возлюбленный о Христѣ братъ, уязвленный или уязвляемый клеветой? Уже одно то, что ты подпалъ клеветѣ, свидѣтельствуешь, что ты проходишь свое жизненное поприще достойно своего званія—честно и безупречно, ибо не клеветаютъ на того, кто завѣдомо безчестенъ или законопреступенъ: таковой самъ себя обличаетъ и его открыто порицаютъ и открыто преслѣдуютъ; что твоя безукоризненная жизнь досадна для людей укоризненно живущихъ и видящихъ въ ней упрекъ себѣ и обличеніе,—твоя правильная дѣятельность идетъ несоотвѣтственно ихъ безчестнымъ стремленіямъ и мѣшаетъ ихъ осуществленію. Тѣ, кому ты *тяжель*, посему, къ *видѣнію* (Прит. Сол. 2, 15), пускаясь въ клевету на тебя симъ самымъ свидѣлствуютъ, что ты неуязвимъ для открытаго и правильнаго суда: и вотъ они думаютъ сразить или хотя уязвить тебя ложью и клеветой. Къ этому оружію прибѣгли и враги Христовы, желая погубить Его. Да послужи сие къ ободренію твоему и утѣшенію. Твои враги уготовляютъ тебѣ крестъ близко похожій на крестъ Спасителя нашего,—пригвождаютъ тебя къ нему такими же острыми гвоздями и соплетаютъ на главу твою такой же колючій вѣнецъ. Неси этотъ крестъ терпѣливо вслѣдъ за величайшимъ Крестоносцомъ. Тяжелъ этотъ крестъ, но онъ облегчаетъ достиженіе блаженной вѣчности; колючъ этотъ вѣнецъ, но онъ уготовляетъ главу твою подъ неуядаемый вѣнецъ въ царствіи Того, Кто сказалъ: *будь впренъ до смерти и дамъ тебѣ вѣнецъ жизни* (Апок. 2, 10). Аминь“.

— 15-го сентября, въ 1 часъ дня, въ актовомъ залѣ Технологическаго института, по случаю открытія учебныхъ занятій, преосвященнымъ Амвросіемъ, епископомъ Харьковскимъ, соборне съ настоятелемъ Успенскаго собора прот. Т. Павловымъ, ректоромъ семинаріи прот. І. Кратировымъ, институтскимъ священникомъ Добровольскимъ совершено было молебствіе, на которомъ присутствовали понечитель учебнаго округа т. с. Н. П. Воронцовъ-Бельяиновъ, начальникъ губерніи баронъ А. А. Икскуль, старшій предсѣдатель судебной палаты Е. Ф. Де-Росси, начальникъ артиллеріи Харьк. военнаго округа,

генер.-лейтенантъ А. Е. фонъ-Винклеръ, начальникъ кавал. дивизіи ген.-лейт. Эттеръ, начальникъ 31 пѣх. дивизіи ген.-лейт. Желтухинъ, губернской предводитель дворянства А. Р. Шидловскій, вице-губернаторъ В. О. Сосновскій, городской голова И. О. Фесенко, ректоръ университета И. П. Щелковъ, профессора университета и института и много другихъ представителей правительственныхъ и общественныхъ учреждений, а также студенты института. Послѣ молебствія, обратясь къ студентамъ, Преосвященнѣйшій Амвросій произнесъ слово, которое читатели найдутъ въ церковномъ отдѣлѣ этой книги.

Затѣмъ попечитель учебнаго округа, т. с. Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Государственный Совѣтъ въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ, и въ общемъ собраніи разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія по проектамъ положенія и штата Харьковскаго практическаго технологическаго института, мнѣніемъ положилъ: проекты положенія и штата сего учебнаго заведенія поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію, и по воспослѣдованіи онаго, привести ихъ въ дѣйствіе съ начала 188⁵/₆ учебнаго года. 16 апрѣля 1885 года, Его Императорское Величество такое мнѣніе въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта Высочайше утвердилъ и повелѣлъ исполнить.

„Призвавъ нынѣ благословеніе Божіе на вновь учрежденное въ нашемъ отечествѣ высшее учебное заведеніе, и на жилище для него назначенное, пожелаемъ ему, милостивые государи, успѣховъ въ предстоящей дѣятельности, въ которую вступаетъ онъ съ завтрашняго дня съ открытіемъ учебныхъ занятій; пожелаемъ для Харьковскаго технологическаго института осуществленія всѣхъ надеждъ, которыя возлагаетъ на него наша богатая естественными произведеніями страна для оживленія, подъема и развитія ея промышленныхъ силъ, съ тѣмъ, чтобы мы сами, сыны нашей родины и земли нашей, а не люди ей чужіе, могли воспользоваться ея дарами, и ради этой цѣли, претворивъ космополитическую науку, этотъ огонь Прометея, въ нашу народную собственность, приложили-бы нашимъ устойчивымъ, неутомимымъ и честнымъ трудомъ эту науку къ увеличенію богатства, къ распространенію истиннаго просвѣщенія въ нашей родинѣ, да будетъ она счастлива въ чувствѣ и стремленіи ея дорогаго юношества и да процвѣтаетъ она подъ покровомъ любящей, благой и самодержавной воли нашего великаго Монарха!“

Послѣ этой рѣчи хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ исполнилъ гимнь „Боже Царя Храни“, сопровождавшійся единодушнымъ „ура“.

— 22 сентября торжественно освящена была часовня, сооруженная близъ вокзала станціи „Харьковъ“ К.-Х.-Азовской дороги. Передъ освященіемъ Преосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, епископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, съ духовенствомъ совершена была въ Дмитріевской церкви заупокойная литургія и, затѣмъ, панихида по въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ. Отсюда крестный ходъ, въ которомъ слѣдовалъ и Преосвященнѣйшій Владыка, направился при звонѣ колоколовъ и пѣніи архіерейскаго хора по Екатеринославской и Александровской улицамъ къ часовнѣ. Въ крестномъ ходѣ, на литургіи и панихидѣ присутствовали г. вице-губернаторъ В. О. Сосновскій, исправляющій должность предсѣдателя правленія общества К. Х. Азовской дороги В. Д. Хлѣбниковъ, управляющій этой дорогою В. А. Ивановъ, городской голова И. О. Фесенко, члены управы, служащіе на дорогѣ, представители артели и товаро-отправителей и масса народа. Передъ часовней сдѣланъ былъ помостъ, украшенный гирляндами зелени, на которомъ его Преосвященство совершалъ освященіе часовни.

Исторія сооруженія часовни слѣдующая. Въ 1882 году въ средѣ служащихъ артельщиковъ Курско-Харьково-Азовской дороги возникло желаніе почтить память Мученика Царя-Освободителя благочестивымъ памятникомъ. Образовавшійся кружокъ жертвователей обратился къ управляющему дорогой инженеру В. А. Иванову съ просьбой ходатайствовать о разрѣшеніи сооруженія часовни и отвода для нея мѣста. Когда ходатайство это было удовлетворено, инженеръ-архитекторомъ С. И. Загоскинымъ составленъ былъ планъ часовни, представленъ министру путей сообщенія и удостоился Высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія. Планъ часовни составленъ въ русско-византійскомъ стилѣ и выполненъ, подъ руководствомъ В. А. Иванова, очень изящно. Главный фасадъ обращенъ на востокъ къ Александровской улицѣ, западная сторона къ вокзалу ж. д. По указанію Преосвященнаго Амвросія помѣщены на восточномъ фасадѣ образъ Христа Спасителя, на южномъ св. Николая Чудотворца, на западномъ Божія Матери, на сѣверномъ преподобнаго Зосимы (праздн. въ день рожденія Императора Александра II), и мученицы Евдокіи (праздн. въ день кончины Императора Александра II). Надъ входомъ въ часовню начертано изреченіе изъ Евангелія Іоанна: „Больши сея любве никто-же имать, да кто душу свою положитъ за други своя“. Внутри часовни водруженъ большой образъ св. Александра Невскаго, а подъ нимъ на мѣдной доскѣ слѣдующая надпись:

„Въ вѣчную и незабвенную память Царя-Освободителя Импера-
тора Александра II, почившаго въ Бозѣ мученическою смертию
1 марта 1881 г.

„Сооружена въ 1883—1885 годахъ усердіемъ доброхотныхъ жер-
твователей, служащихъ рабочихъ, товаро-хозяевъ, артельщиковъ и
„подрядчиковъ по производству строительныхъ работъ и перевозкѣ
„грузовъ на Курско-Харьково-Азовской желѣзной дорогѣ, по про-
„екту и рисункамъ инженера Сергѣя Загоскина. Строитель инже-
„неръ Викторъ Ивановъ. Выборные, завѣдывавшіе работами: Дми-
„трій Фирсовъ и Иванъ Пещеровъ“.

Того-же числа Преосвященнѣйшій Владыка благословилъ и дру-
гое дѣло—открытіе при лечебницѣ для приходящихъ Харьковскаго
медицинскаго общества отдѣленія стаціонарныхъ больныхъ. До сихъ
поръ лечебница общества подавала помощь только тѣмъ больнымъ,
которые въ состояніи были прійти и уйти изъ лечебницы; теперь
Харьковское медицинское общество открыло отдѣленіе на 6—10
кроватей для *бесплатнаго* леченія внезапно заболѣвшихъ, безъ раз-
личія званія, сословія и состоянія: это является существеннымъ
улучшеніемъ амбулаторіи. Преосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, въ
присутствіи представителей администраціи, ученыхъ корпорацій и
общественныхъ учрежденій совершены были молебствіе и литія по
одномъ изъ крупнѣйшихъ жертвователей на лечебницу, покойномъ
Дмитріи Андреевичѣ Донецъ - Захаржевскомъ, давшемъ для этого
капиталь въ 50 тысячъ руб. Портретъ жертвователя былъ укра-
шенъ простымъ дубовымъ вѣнкомъ. Присутствовавшимъ почетнымъ
посѣтителямъ предложены были чай и кофе. Свѣтлое и содержи-
мое съ замѣчательной чистотой помѣщеніе лечебницы и въ осо-
бенности ново-открываемое отдѣленіе для стаціонарныхъ больныхъ
оставило у осматривавшихъ прекрасное впечатлѣніе. Торжество
окончилось въ 3 ч. по полудни.

— 1-го сентября, согласно распоряженію епархіальнаго началь-
ства, совершенно мѣстнымъ о. благочиннымъ, священникомъ Григо-
ріемъ Поповымъ, въ сослуженіи трехъ приходскихъ священниковъ
и іеромонаха Ряснянскаго монастыря, о. Анатолія, освященіе глав-
наго престола въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы въ ново-
устроенномъ храмѣ въ слободѣ Пушкарной, Ахтырскаго уѣзда. Са-
мый храмъ съ предѣломъ во имя св. Апостоловъ Петра и Павла
былъ освященъ еще въ 1881 г. 1 ноября. Въ день освященія стоя-
ла ясная, теплая погода, послѣ непрерывныхъ дождей; посему сте-
ченіе богомольцевъ было весьма многочисленное, просторный храмъ

не вмѣщала молящихся, вокругъ храма стояли толпы пришлаго изъ окрестностей народа обоого пола. По внѣшности храмъ представляетъ весьма красивое каменное зданіе, построенное подрядчикомъ К. Т. Семендяевымъ на средства прихожанъ. Мысль о сооруженіи новаго храма, вмѣсто упраздненнаго ветхаго деревяннаго, принадлежитъ въ Бозѣ почившему Высокопреосвященнѣйшему Нектарію, архіепископу Харьковскому и Ахтырскому. Въ посѣщеніе свое Пушкарнской церкви 13 сентября 1870 г., онъ обратилъ свое вниманіе на ветхость и непрочность деревяннаго храма, сказавъ по сему поводу убѣдительную рѣчь, пригласилъ прихожанъ озаботиться пріисканіемъ средствъ для постройки новаго храма. Слово святителя упало на добрую почву и дало обильный плодъ. Собраны были небольшія средства, и въ 1872 году былъ заложенъ новый каменный весьма вмѣстительный храмъ о трехъ престолахъ. Постройка его производилась на первыхъ порахъ успѣшно, затѣмъ встрѣтились разныя затрудненія, преимущественно отъ недостатка средствъ; но съ помощію Божіею всѣ затрудненія были устранены и постройка храма окончена въ настоящемъ году къ великой радости причта и прихожанъ.

— „Современныя Извѣстія“ посвятили цѣлый рядъ весьма энергичныхъ статей (№№ 213, 214 и 215) по поводу предполагавшагося въ Москвѣ новаго собора Ѳедосѣевцевъ. По словамъ газеты, уже съѣхались и разные учителя: изъ Казани, Уфы, Харькова, Саратова и др. городовъ. Ожидали только главныхъ столповъ бракоборства „изъ Казани Василя Павлова, на душѣ котораго много лежитъ расторгенныхъ браковъ и разрушенныхъ семействъ; изъ Рѣжицы—Мину Цименова и Пимена Минина и другихъ. Пріѣзжимъ отцамъ уже данъ былъ, выражаясь по западному, банкетъ въ негласномъ монастырѣ матери Евникии, на Покровкѣ, 18 августа. Яства и питія, душевспасительныя рѣчи; слѣдовала-ли за ними и аѳинская ночь, каковымъ за обычай бывать въ этомъ монастырѣ при обильныхъ возліянняхъ, подаваемыхъ инокинями, и съ вакханальнымъ гимномъ комфорту безбрачія—объ этомъ не сообщено. На этотъ разъ была очередь болѣе строгому лицемѣрью, не смотря на вольныя вообще отношенія отцевъ къ красивымъ бѣлицамъ“.

Инициатива собора, какъ и прежде, принадлежитъ Тимоѳею Москвину и иноку Филарету. Предметами соборнаго обсужденія должны были служить тѣ затрудненія, которыя встрѣтились на практикѣ при выполненіи бракоборныхъ правилъ бывшаго собора и кромѣ того еще предположено было „подвергнуть суду нѣкоторыхъ наставниковъ, осмѣлившихся быть несогласными съ гоненіемъ на

тропаристовъ (на молящихся за цари) и на брачниковъ". Сообщалъ объ этомъ фактѣ, газета особенно вооружается противъ того, что администрація, на глазахъ которой все это происходитъ, показываетъ видъ, что ей рѣшительно ничего неизвѣстно, и тѣмъ самымъ даетъ полнѣйшую свободу нѣсколькимъ руководителямъ-раскольникамъ дѣлать все, что имъ хочется. „Пушкой будетъ соборъ, говоритъ газета, но въ законномъ порядкѣ, какъ созываются всякія собранія. Внесите пожалуй въ уставъ Преображенскаго кладбища и вообще правило о правѣ его созывать собранія „для обсужденія вопросовъ вѣры“, какъ въ уставахъ акціонерныхъ обществъ значатся статьи о собраніяхъ для провѣрки дѣйствій правленія и для выборовъ. Выбранъ былъ бы порядкомъ предсѣдатель, правильно велись-бы пренія, составлялись-бы на виду у правительства и у публики (пусть даже хоть на виду правительства только, а для публики-бы и закрыто) протоколы или дѣлнія собора. Ничего противъ такого порядка нельзя возразить. Напротивъ, гласность и порядокъ именно и наложили-бы узду на противо-общественныя и противо-государственныя стремленія. Въ примѣненіи къ данному случаю (говоримъ о предстоящемъ едосѣвскомъ соборѣ) полная гласность сослужила-бы тѣмъ болѣе полезную службу, что дала-бы просторъ охранительнымъ силамъ, немалочисленнымъ въ самомъ едосѣвскомъ обществѣ, но теперь подавленнымъ, между прочимъ при официальномъ содѣйствіи администраціи. Теперь протестъ благонамѣренныхъ противъ изувѣрнаго похода, предпринятаго Тимофеемъ Москвинымъ съ Филаретомъ-оборотнемъ, лежитъ въ портфель у кунца К., копія съ протеста—безъ движенія подъ сукномъ у превосходительнаго попечителя. Тогда было-бы это невозможно. Сенатова не могли-бы тогда выталкивать въ шею изъ собранія; Ефимъ Савельевичъ Егоровъ не могъ-бы припрятывать поданной ему бумаги, дѣло пошло-бы на чистоту и благонамѣренная часть едосѣвскаго общества, тропарщики и брачники, непременно выиграла-бы. Тогда Тимофеею Москвиному и Филарету-оборотню не было-бы хода. Кто ихъ поставилъ въ самомъ дѣлѣ? Въ силу чего они взяли на себя полномочіе быть руководителями?

Но предполагавшійся соборъ не состоится, по крайней мѣрѣ теперь. Таже газета (№ 219) сообщаетъ, что соборъ, послѣ огласки о немъ, отмѣненъ. Знаменитые учителя поѣхали обратно, а къ тѣмъ, кто еще не успѣлъ пріѣхать, посланы отказныя письма и телеграммы.

— Народно-просвѣтительная дѣятельность духовенства сказывается весьма утѣшительными результатами въ отчетахъ братствъ, пре-

обладающее большинство членовъ которыхъ состоитъ изъ мѣстныхъ священниковъ. Такъ, начальникъ Владимірской губерніи, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи губерніи за 1884 годъ, между прочимъ, объяснилъ, что значительную услугу дѣлу народнаго образованія оказываетъ мѣстное братство св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго. Въ пятилѣтній періодъ существованія имъ открыто 138 церковно-приходскихъ школъ, которыя оно снабжаетъ учебными принадлежностями и деньгами. Кромѣ церковно-приходскихъ школъ, братствомъ учреждены почти во всѣхъ городахъ и наиболѣе многолюдныхъ селеніяхъ религіозно-нравственныя и историческія народныя чтенія, которыя посѣщаются весьма охотно и имѣютъ замѣтное вліяніе на воспитаніе народа, его умственное и нравственное направленіе. Его Императорскому Величеству благоугодно было обратить Высочайшее вниманіе на такую дѣятельность названнаго братства на пользу духовно-нравственнаго развитія населенія Владимірской губерніи и Всемилостивѣйше найти эту дѣятельность достойною подражанія.

— Утѣшительныя данныя представляетъ и отчетъ Виленскаго Свято-Духовскаго братства за 20-й (1884—85) годъ его существованія. Братство въ отчетномъ году состояло изъ 322 членовъ. Дѣятельность его направлялась главнымъ образомъ къ осуществленію его главной цѣли—содѣйствовать распространенію духовнаго просвѣщенія въ народѣ въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи. Съ обнаруженіемъ Высочайше утвержденныхъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, совѣтъ братства принялъ на себя обязанность епархіальнаго училищнаго совѣта, и дѣятельность его увѣнчалась блистательнымъ успѣхомъ. Дотолѣ въ епархіи числилось 147 школъ съ 2,470 учащихся мальчиковъ и 307 дѣвочекъ. Къ Пасхѣ же настоящаго года, судя по вѣдомостямъ наблюдателей за школами, всего церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности открыто 461 съ 9,326 учащимися; изъ нихъ дѣвочекъ 891, католиковъ не менѣе 463, раскольниковъ 9, іудейскаго исповѣданія 14. Кромѣ того есть одна церковно-приходская школа при Ковенской кладбищенской церкви и одна воскресная школа, открытая 6 апрѣля сего года въ с-Тростяницѣ, Нухловскаго прихода, Бѣльскаго уѣзда, въ которой учитъ настоятель церковному пѣнію и объясняетъ богослуженіе и въ которую собирается отъ 400 до 600 прихожанъ—мужчинъ и женщинъ.

— Между тѣмъ лѣтопись церковно-приходскихъ школъ обогащается все новыми фактами необычайнаго усердія отдѣльныхъ пастырей-учителей. Въ „Ирк. Епарх. Вѣдомостяхъ“ опубликована

благодарность епархіальнаго начальства священнику Петровскаго завода Іоанну Соколову за открытіе имъ церковно-приходской школы въ своемъ домѣ—со всей школьной обстановкой, сдѣланной на собственныя средства. Въ школѣ въ настоящее время обучается 44 человекъ—27 мальчиковъ и 17 дѣвочекъ. Обученіемъ закону Божію занимается самъ священникъ Іоаннъ Соколовъ, а прочіе предметы преподаетъ его дочь Анна Соколова. Дѣти состоятельныхъ родителей платятъ за обученіе, а дѣти бѣдныхъ обучаются бесплатно.

— Въ „Яросл. Епарх. Вѣдомостяхъ“ епархіальнымъ начальствомъ обращается вниманіе на достохвальное пожертвованіе свящ. Михаила Аристова на церковно-приходскую школу въ своемъ приходскомъ селѣ Акакіевой пустыни, Ярославскаго уѣзда. О. Михаилъ на собственныя средства выстроилъ школу на 50 человекъ, обошедшуюся ему въ 1,700 руб., и кромѣ того, до изысканія большихъ средствъ, имъ же внесено въ Ярославское отдѣленіе государственнаго банка 1,000 руб. на содержаніе учителя съ тѣмъ, чтобы капиталъ этотъ оставался собственностію Акакіевской церкви, а процентами пользовался учитель школы; въ случаѣ же закрытія ея по какимъ-либо непредвидѣннымъ причинамъ, проценты съ капитала должны обратиться на содержаніе причта Акакіевской церкви.

— Кинешемскій адвокатъ Вѣлиевъ выступилъ въ „Совр. Изв.“ съ интересными сообщеніями о мѣстной сектѣ „красносмертовъ“ или „голбешниковъ“—„подпольники“ тожъ. Авторъ имѣлъ случай познакомиться съ ученіемъ сектантовъ изъ судебныхъ дѣлъ, возниковавшихъ иногда при переходѣ въ секту мужа отъ жены или жены отъ мужа, и вотъ что онъ разсказываетъ: „Главный догматъ секты—ненависть къ православной христіанской Церкви и ея обрядамъ, въ особенности-же ненависть къ русскому православному духовенству. Въ вѣрованіяхъ своихъ „красносмерты“ близко подходятъ къ поморянамъ; также любятъ странствовать и безпаспортничать; но отличаются отъ нихъ тѣмъ, что живутъ въ уединеніи попарно, мужчина и женщина, или же по двѣ пары, но непременно парами. Бываютъ-ли у нихъ дѣти, и куда дѣти эти дѣваются, этого я постичь не могъ. Что же касается до половыхъ отношеній, то они, кажется, поставляются въ первую и непремѣнную обязанность удаляющемуся лицу. Лицо, желающее скрыться, обязано имѣть у себя никакъ не менѣе 150 руб.; иначе его и не примутъ. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ они смахиваютъ и на еедосѣвцевъ, но опять-таки разнятся отъ нихъ тѣмъ, что живутъ въ подпольяхъ и уже ничѣмъ земнымъ, поверхностнымъ занимаютъ-

ся не могутъ. Если-бы кому-либо изъ голбешниковъ, или красно-смертовъ удалось выбиться на настоящій свѣтъ и войти въ міръ, такового постигаетъ обязательно насильственная смерть, дабы сохранена была тайна. Общество это поддерживаютъ въ большинствѣ случаевъ капитальные и достаточные люди. Въ Кинешмѣ указываютъ весьма состоятельныхъ и могучихъ людей, которые прикосновенны къ сектѣ“. По мнѣнію „Совр. Изв.“, секта эта близка къ сектѣ странниковъ и между ними много общаго. Признавая міръ оскверненнымъ наложенною на все печатью антихриста, странникъ разрываетъ окончательно съ этою жизнію, перестаетъ быть легальнымъ членомъ общества, бѣжитъ, укрывается, живетъ не въ домѣ, а въ подпольѣ. Двѣ подробности этихъ сектъ особенно любопытны. Во-первыхъ, стариковъ будто-бы удупаютъ: наслаждаться жизнью старикъ уже не можетъ, а между тѣмъ пріобрѣтаетъ мученическій вѣнецъ... Во-вторыхъ, сектанты имѣютъ слабость къ фальшивымъ ассигнаціямъ, потому-де, что на нихъ не настоящая антихристова печать...

— 22 сентября въ г. Якобштадтѣ, въ полдень, при многочисленномъ стеченіи православныхъ и иновѣрцевъ, торжественно совершена Рижскимъ епископомъ Донатомъ закладка каменнаго храма во имя Святаго Духа, сооружаемаго состоящимъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы прибалтійскимъ братствомъ на пожертвованіе Государя Императора и другихъ благочестивыхъ дателей на мѣстѣ разрушеннаго въ январѣ сего года древняго православнаго храма. На торжествѣ присутствовали: предсѣдатель братства тайный совѣтникъ Галкинъ-Враскій, губернаторы Курляндскій и Лифляндскій, попечитель Дерптскаго учебнаго округа и многія почетныя лица. Божественная литургія была совершена въ зимнемъ каменномъ храмѣ, также обновленномъ братствомъ. Послѣ литургіи освящено было сооруженное братствомъ при церкви двухъ-этажное зданіе для русской школы. По окончаніи торжества предсѣдателю братства поднесена хлѣбъ-соль отъ мѣстныхъ православныхъ жителей и выражена благодарность братству за его заботы о храмахъ и школахъ. Въ два часа въ приходскомъ домѣ былъ завтракъ для почетныхъ гостей.

— Газета „Новости“, говоря о начальныхъ сельскихъ школахъ и о ихъ преподавательскомъ персоналѣ, приводитъ слѣдующія цифры: въ началѣ 1880 года въ одной только Европейской Россіи существовало 22,770 начальныхъ сельскихъ школъ и число преподавателей доходило до 36,955; понятно, что теперь эти цифры увеличились и будутъ увеличиваться, но главное заключается въ томъ,

что участь этихъ безвѣстныхъ самоотверженныхъ труженниковъ въ будущемъ не красна. Многіе изъ нихъ, утомленные долгими годами Скитаній по тернистому пути „народнаго учителя“, потерявшіе здоровье, подъ конецъ жизни часто остаются безъ всякихъ средствъ къ существованію, тѣмъ болѣе, что незначительность оклада не позволяетъ дѣлать никакихъ сбереженій „на черный день“. Теперь, какъ замѣчаетъ газета „Новости“, „недалекъ день, когда Россія будетъ праздновать первое 25-ти-лѣтіе величайшей реформы, возстановившей человѣческія и гражданскія права милліоновъ людей. Необходимость грамотности для освобожденнаго народа вызвала сельскую школу, первую ступень къ просвѣщенію темной массы. Народная школа потребовала и народныхъ учителей. Ихъ теперь около 40,000. Продуктивность труда этихъ людей—громадная ихъ заслуга предъ отечествомъ, теперь уже очевидна всякому, не желающему закрывать глаза на дѣйствительность. Чѣмъ-же отблагодарили ихъ за подвижничество, за ихъ честный и плодотворный трудъ? Пока ничѣмъ. Сознаться въ несправедливости, конечно, горько, но, во всякомъ случаѣ, полезнѣе, чѣмъ упорствовать въ своей ошибкѣ. Пожелаемъ же, чтобы забытый вопросъ объ эмеритурѣ для учителей народной школы вышелъ, наконецъ, изъ области проектовъ.

Православный человѣкъ какъ-то всегда особенно охотно приурочиваетъ „добрыя дѣла“ къ свѣтлому празднику. Пусть-же свѣтлый праздникъ 19-го февраля послужитъ поводомъ для добраго начинанія и на пользу заслуженныхъ инвалидовъ народной школы.

НЕКРОЛОГИ.

1. 12 іюля сего 1885 г. въ 10 ч. утра скончался отъ старческой немощи Архангело-Михайловской церкви села Шубиной, Харьковскаго уѣзда, священникъ Іаковъ Андреевичъ Ковалевскій на 85 году отъ рожденія. Покойный о. Іаковъ воспитывался въ Харьковскомъ коллегіумѣ. По увольненіи изъ средняго отдѣленія онаго на 2 годъ, 1 сентября 1825 года, рукоположенъ во діакона къ церкви Іоанна Милостиваго с. Рубцевкы, Изюмскаго уѣзда, 20 іюня 1826 года; рукоположенъ во священника къ Борисо-Глѣбской с. Водянаго Зміевскаго уѣзда 5 марта 1833 г. Перемѣщенъ въ с. Шубино 24 сентября 1848 г. Итого покойный о. Іаковъ состоялъ въ санѣ діакона около 8 лѣтъ, а въ санѣ священника около 52 лѣтъ. За свою добрую жизнь и кроткій нравъ пользовался во всю свою жизнь любовью и уваженіемъ какъ духовенства, такъ и прихожанъ. И епархіальное начальство за его усердную службу всегда было внимательно къ нему;

такъ, въ 1862 г. онъ былъ награжденъ набедренникомъ, въ 1869 г. — скуфією, въ 1878 г. камилавкою и въ 1882 г. за 50 лѣтнюю службу Всемилоствѣйше пожалованъ орденомъ св. Владимира 4 ст. Въ самый день смерти былъ напутствованъ таинствами: покаянія и причащенія. Погребеніе совершенно мѣстнымъ благочиннымъ, въ сослуженіи двухъ священниковъ и діакона.

Изъ семейства покойнаго остались: сынъ-священникъ, сынъ-діаконъ, дочь вдова священника. Изъ имущества-же старый домъ съ такими-же надворными службами на общественной землѣ.

II. 5 сентября сего 1885 года въ 5 ч. по-полудни скончался отъ воспаления желудка, Николаевской церкви слободы Мерефы, Харьковскаго уѣзда, священникъ Василій Павловичъ Щербина на 65 г. отъ рожденія. Покойный о. Василій родился въ сей-же слободѣ — сынъ священника. Воспитывался въ Харьковской духовной семинаріи и въ 1845 г. окончилъ въ оной полный курсъ ученія. Въ 1846 г. рукоположенъ во священника къ сей церкви, при которой состоялъ на службѣ непрерывно по день смерти, въ теченіи 40 лѣтъ, изъ коихъ состоялъ въ должностяхъ: наставника и законоучителя въ мѣстномъ училищѣ 25 лѣтъ съ 1855 по 1880 г.; помощника благочиннаго 11 лѣтъ, — съ 1861 по 1872 г. Кроме сего онъ много потрудился по должности предсѣдателя комитета по постройкѣ величественнаго, въ сей-же слободѣ, каменнаго храма въ теченіи 11 лѣтъ съ 1852 по 1863 г. По службѣ былъ строго-исполнителемъ. Отличался характеромъ кроткимъ и пользовался всегда уваженіемъ какъ духовенства, такъ и прихожанъ. За отлично усердную службу былъ награжденъ: въ 1853 г. — скуфією, въ 1867 г. камилавкою и въ 1876 г. наперснымъ крестомъ. Незадолго до смерти былъ напутствованъ таинствами: покаянія и причащенія. Предъ самою-же смертію о. Василій пожелалъ, чтобы отслужилъ молебенъ Божіей Матери, что было исполнено, но одновременно съ окончаніемъ молебна скончался и самъ. Погребеніе совершено протоіереемъ Мерефянской Рождество-Богородичной церкви въ сослуженіи мѣстнаго благочиннаго, трехъ священниковъ и двухъ діаконъ.

Изъ семейства покойнаго остались: жена его Марья Петровна, сынъ Павелъ, окончившій курсъ въ Кіевской академіи (священникъ г. Мариуполя), сынъ Николай, окончившій курсъ въ Харьковскомъ университетѣ (врачъ), сынъ Василій, окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи (законоучитель Мерефянскаго училища), сынъ Петръ (воспитывается въ IV классѣ Харьковской духовной семинаріи); дочери: Марія (вдова священника), Екатерина (въ замужествѣ за священникомъ) и Анна (въ замужествѣ за дворяниномъ). Изъ имущества-же довольно благоустроенный, но старый домъ съ таковыми надворными постройками.

Благочинный, священникъ *Григорій Лобковскій.*

СУНОДАЛЬНЫЯ КНИГИ.

Въ синодальн. книжныхъ лавкахъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ

(въ Москвѣ въ здавѣхъ синодальной типографіи, и въ С.-Петербургѣ въ здавѣхъ Св. Синода)

имѣются въ продажѣ слѣдующія книги:

Второй томъ „Собранія мнѣній и отзывовъ Филарета митрополита Московскаго и Коломенскаго по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ“. Въ этомъ томѣ, обнимающемъ время съ 1819 по 1839 г., помѣщено 113 статей, изъ коихъ многія представляютъ важный интересъ. Сюда относятся мнѣнія и записки митрополита Филарета о проектахъ образованія въ духовныхъ и свѣтскихъ училищахъ и объ истинныхъ пущахъ духовнаго званія и духовнаго образованія; о средствахъ противъ недостатка въ достойныхъ приходскихъ священникахъ; о способахъ къ улучшенію матеріальнаго состоянія духовенства; о платѣ за требы; о проектѣ налога на содержаніе духовенства; о расколѣ и средствахъ противъ его распространенія; о бракахъ, и въ особенности перенискѣ съ княземъ Голлицынымъ о бракѣ флигель-адъютанта Мансурова, мнѣнія по дѣлу о воссоединеніи униатовъ; разборъ ученія о главенствѣ паны.

Примѣчательны и обстоятельныя разборы книгъ и сочиненій разнаго рода, въ особенности разборъ книги „О должностяхъ челоука и гражданина“ и „Исторія русской іерархіи“. Цѣна въ печатной обложкѣ 2 руб.

Тамъ-же продается первый томъ „Собранія мнѣній и отзывовъ Филарета митрополита Московскаго по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ“, содержащій 132 статьи и объемяющій время съ 26 января 1809 года по 15 марта 1819 г. Цѣна I тома въ печатной обложкѣ—2 руб.

Цвѣты изъ сада св. Ефрема Сиринна, гр. печ. въ бум. 6 к. (Краткія назиданія христіанину, заключающіяся въ 39 небольшихъ извлеченіяхъ изъ твореній св. Ефрема).

Съ разрѣшенія Св. Синода духовнымъ учрежденіямъ и лицамъ, а равно благотворительнымъ обществамъ, выписывающимъ синодальныя изданія не для торговыхъ цѣлей, а въ видахъ благотворительнаго снабженія таковыми изданіями народа по возможно дешевымъ цѣнамъ, дѣлается 10% уступка, съ даровою пересылкою книгъ, но съ тѣмъ, чтобы таковыя требованія дѣлаемы были за наличныя деньги и при томъ на сумму не менѣе 25 руб. въ одинъ разъ; книгопродавцамъ-же, а равно и прочимъ мѣстамъ и лицамъ при покупкѣ синодальныхъ изданій за наличныя деньги и на сумму не менѣе 25 руб. въ одинъ разъ, дѣлается 10% уступка, безъ даровой пересылки.

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ:

1) СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ ВЕТХАГО ЗАВѢТА, въ простыхъ разсказахъ, для дѣтей младшаго возраста. Священника Ѳ. Миткевича. Изданіе четвертое. 1884 г. Цѣна 20 к., съ пересылкою 25 к.

2) СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ НОВАГО ЗАВѢТА, въ простыхъ разсказахъ, для дѣтей младшаго возраста. Его же. Изданіе третье. 1883 г. Цѣна 20 к., съ пересылкою 25 к. Выписывающимъ каждой книги свыше 50 экземпляровъ уступка 10%, при выискѣ болѣе 100 экземпляровъ 15%.

Священно-историческіе разсказы въ нихъ изложены языкомъ яснымъ, простымъ и совершенно доступнымъ для пониманія самыхъ малоразвитыхъ дѣтей.

3) СБОРНИКЪ ДУХОВНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ. Его же. Всѣхъ стихотвореній, выбранныхъ изъ лучшихъ авторовъ, въ Сборникѣ имѣется 193. Раздѣленъ онъ на пять отдѣловъ: Отдѣлъ I. стихотворенія на темы ветхозавѣтныя. Отдѣлъ II: стихотворенія на событія новозавѣтныя. Отдѣлъ III: молитвы и размышленія. Отдѣлъ IV: переложеніе церковныхъ пѣсней, и Отдѣлъ V: переложеніе псалмовъ.

Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. При требованіи свыше 10 экземпляровъ уст. 15%, а при выискѣ свыше 50 экземпляровъ—20%.

АДРЕСЪ: въ губ. г. Минскъ Священнику Ѳеодору Миткевичу.

О КНИГАХЪ ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ

ПРОДАЮЩИХСЯ

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ И. Л. ТУЗОВА

въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Корсакина № 16, противъ Гостиннаго Двора.

1) Жизнь Иисуса Христа. Соч. Ф. В. Фаррара. Новый переводъ съ 30-го англійскаго изданія А. П. Лоухина, съ приложеніями ученыхъ изысканій по отдѣльнымъ вопросамъ изъ жизни І. Христа и примѣчаніями къ тексту. Въ 2-хъ частяхъ. Сиб. 1885 г. Ц. 4 р., въ изящномъ календарномъ переплетѣ 5 р.

Знаменитое сочиненіе англійскаго богослова-экзегета безусловно принадлежать къ тѣмъ немногимъ цѣннымъ книгамъ, которыя говорятъ сами за себя несравненно больше, чѣмъ сколько можетъ сказать самый благорасположенный критикъ. Лишь только появилось оно въ свѣтъ, какъ успѣло уже облетѣть весь христіанскій міръ и заговорило на многихъ европейскіхъ языкахъ. Можно смѣло сказать, что въ настоящее время это самая распространенная учено-богословская книга въ мірѣ. Такимъ несравненнымъ успѣхомъ книга обязана своимъ внутреннимъ достоинствамъ.

2) Иисусъ Христосъ—чудо исторіи. Сочиненіе, заключающее въ себѣ опроверженіе ложныхъ теорій о лицѣ Иисуса Христа и собраніе свидѣтельствъ о высокомъ достоинствѣ характера, жизни и дѣлъ Его, со стороны невѣрующихъ. Филиппа Шаффа, перев. съ нѣмец. Сиб. 1886 г. Ц. 1 р.

3) Избранныя изъ житій святыхъ чудеса и видѣнія какъ доказательства различныхъ истинъ христіанской православной вѣры. Матеріалъ для пастырей при составленіи поученій и назидательное чтеніе для всѣхъ православныхъ христіанъ. Составилъ Прот. Ѳ. Л. Изд. 2-е. Сиб. 1886 г. Ц. 1 р., въ изящномъ календарномъ переплетѣ 1 р. 75 к.

4) О Московскомъ соборѣ 1681—1682 года. Опытъ историческаго изслѣдованія Григорія Воробьева. Сиб. 1885 г., Ц. 1 р.

5) Кругъ поученій (110) на всѣ воскресныя и праздничныя дни въ году и на седмицы: пасхальную, первую поста и страстную. Съ біографіею и приложеніемъ къ нимъ особо семи словъ и поученій, не относящихся къ сему кругу, и краткаго очерка исторіи города Карача. Прот. Алексія Билоуцкова. Изданіе третье, дополненное. Св. Синодъ, опредѣленіемъ отъ 1—20 мая 1881 г., одобрилъ для приобрѣтенія въ церковныя бібліотеки („Црк. Вѣстн.“, № 31, 1881 г.). Сиб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к., въ изящномъ календарномъ переплетѣ 2 р. 25 к.

6) Ѣмы Кемпійскаго. О подражаніи Христу. Четыре книги. Новый переводъ съ латинскаго К. П. Нобьдоносцева. Третье изд. Сиб. 1885 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

7) Житія святыхъ, чтимыхъ православною Церковію съ свидѣніями о праздникахъ господскихъ и богородичныхъ, и о явленныхъ чудотворныхъ иконахъ. Составленныя преосвященнымъ Филаретомъ (Гумилевскимъ), архіепископомъ Черниговскимъ, съ дополненіями изъ другихъ. Съ изображеніями святыхъ и праздниковъ, академикъ Ѳ. Г. Солнцева. Съ приложеніемъ портрета преосвященнаго Филарета. На русскомъ языкѣ, за круглый годъ, двѣнадцать мѣсяцевъ: январь, февраль, мартъ, апрѣль, май, іюнь, іюль, августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь. Сиб. 1885 г. Ц. за всѣ 12 книгъ, 15 р.

8) Житія святыхъ подвижницъ восточной Церкви. Соч. Филарета (Гумилевскаго), архіепископа Черниговскаго. Изданіе второе. Съ изображеніями святыхъ подвижницъ, академикъ Ѳ. Г. Солнцева. Отпечатано на веленовой бумагѣ. Сиб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к., въ изящномъ переплетѣ 2 р. 25 к.

9) Обзоръ русской духовной литературы. Книжки первая и вторая. 1862—1866 года. Соч. Филарета (Гумилевскаго), архіепископа Черниговскаго. Изданіе третье, съ поправками и дополненіями автора Сиб. 1884 г. Ц. 3 р., въ изящ. переп. 4 р.

10) Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Иисуса Христа, говореныя Филаретомъ (Гумилевскимъ), архіепископа Черниговскаго. Съ портретомъ автора. Въ двухъ ча-

стляхъ. Изданіе третье. Отпечатано на велецовой бумагѣ. Спб. 1884 г. Ц. 3 р., въ изящномъ переплетѣ 4 р.

11) Историческое ученіе объ отцахъ Церкви. *Филарета* (Гумилевскаго), архіепископа Черниговскаго. Въ трехъ томахъ (860 страницъ). Спб. 1882 г. Ц. 5 р. Въ красивомъ переплетѣ 6 р.

12) Православное догматическое богословіе. *Филарета*, арх. Черниг. 2 тома. Изданіе 3-е. С.-Петербургъ. 1882 г. Цѣна 3 р. Въ красивомъ переплетѣ 4 руб. Ученымъ Комитетомъ *Министерства Народнаго Просвѣщенія* одобрено для учебныхъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

13) Ученіе Евангелиста Іоанна о словѣ. *Филарета*, архіеп. Черниг. Черниговъ. 1869 г. Ц. 1 р. 25 к.

14) Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой Церкви (большой томъ, 464 стр.). *Филарета*, архіеп. Черниг. Изд. 2-е, съ дополненіями. Черниговъ, 1864 г. Ц. 1 р. 50 к.

15) Опытъ объясненія на посланіе Апостола Павла къ Галатамъ. *Филарета*, архіеп. Черниг. Черниговъ, 1862 г. Ц. 75 к.

16) Новая скрижаль или объясненіе о Церкви, о литургіи и о всѣхъ службахъ и утваряхъ церковныхъ, *Веніамина*, арх. Нижегород. Въ 4-хъ частяхъ съ рисунками, гравированными на деревѣ *Л. Суряковимъ*. Изданіе 14-е. Отпечатано на велецовой бумагѣ. Спб. 1884 г. Ц. 2 р.

17) Священная лѣтопись первыхъ временъ міра и человѣчества, какъ путеводная нить при научныхъ изысканіяхъ. *Георгія Властова*. Въ 3-хъ томахъ. Изданіе второе, исправленное. Всѣ три тома „Священной лѣтописи“ опредѣленіемъ Святейшаго Синода одобрены для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и учебныя библиотеки духовныхъ семинарій. Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. *Рекомендованы для вѣсть церквей*. Спб. 1878 г. Ц. 8 р. 50 к.

18) Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе Божественной литургіи. Основано на священномъ писаніи, правилахъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и на писаніи св. отцевъ Церкви. Сост. *Иваномъ Дмитревскимъ*. Въ 3-хъ частяхъ пересмотрѣнное и исправленное изданіе, съ рисунками академика *Θ. Г. Солнцева*. Отпечатано на велецовой гравированной бумагѣ. Спб. 1884 г. Ц. 2 р. 50 к., въ изящномъ переплетѣ 3 р. 50 к. *Просимъ не смѣшивать этого новаго изданія съ прежнимъ, выпущеннымъ въ Москвѣ въ 1856 г., изложеннаго устарѣвшимъ слогомъ и безъ рисунковъ.*

19) Сѣятель благочестія, или полный кругъ церковныхъ бесѣдъ, поученій и словъ. Протоіерея *Василія Нордова*. (Съ портретомъ автора). Въ 2-хъ томахъ, 1200 страницъ убористаго шрифта. Томъ первый. I. Бесѣды на Божественную литургію. II. Бесѣды на блаженства Евангельскія. III. Бесѣды въ воспоминаніе свѣщенныхъ событій. IV. Катихизическія поученія. V. Слова на великіе праздники, дни воскресныя и на воскресные дни великаго поста. Томъ второй. Церковно-проповѣдическое трехлѣтіе, заключающее въ себѣ слова и поученія на разные случаи. Спб. 1883 г. Ц. 5 р. Въ красивыхъ коленкоров. перепл. 7 р.

20) Слова, бесѣды и рѣчи *Филарета* (Гумилевскаго), архіепископа Черниговскаго и Ніжнеліскаго. Въ четырехъ частяхъ. Изданіе 3-е. Спб. 1883 г. Ц. 3 р. 50 к. Въ роскошномъ переплетѣ 4 р. 50 к.

21) Доказательства истинны христіанской вѣры, основанныя на буквальной исполненіи пророчествъ. *А. Кейта*. Переводъ съ 33 изданія барона Отто Эльснера. Спб. 1870 г. Ц. 2 р.

22) Дни богослуженія православной каволической восточной Церкви. Протоіерея *Г. С. Дебольскаго*. 2 большихъ тома, въ 6 частяхъ. Изданіе 7-е. Спб. 1882 г. Цѣна 3 р., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 4 руб. Ученымъ Комитетомъ *Министерства Народнаго Просвѣщенія* одобрено для учебныхъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

23) Попеченіе православной Церкви о спасеніи міра, выраженное въ ея Богослуженіи, объемлющемъ всю жизнь христіанина отъ рожденія до смерти, или объясненіе обрядовъ, требъ, таинствъ и Богослуженія православной Церкви. Про-

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

тоіеря *Г. С. Дебольскаго*. Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе третье. Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1885 г. Ц. 2 р., въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 3 р.

24) Необходимость и важность христіанскаго поведенія и послушанія православнои Церкви. Протоіеря *Г. С. Дебольскаго*. Сокр. оглавленіе: Ученіе объ обязанностяхъ христіанскихъ къ Богу, относительно Богослуженія общественнаго, служенія Богу домашняго, объ обязанностяхъ къ ближнимъ, къ отечеству, въ состояніи супружескомъ, родственномъ и самому себѣ. Изд. 2-е. Спб. 1885 г. Ц. 50 коп.

25) О говѣніи по уставу православной Церкви протоіер. *Г. С. Дебольскаго*. Изд. 2-е Спб. 1882 г. ц. 50 к.

26) Седмица говѣнія псовѣди и причащенія. Протоіеря *Г. С. Дебольскаго*. Изданіе 2-е Спб. 1882 г. Цѣна 20 коп.

27) Размышленія наущагося грѣшника о страшномъ судѣ, или о второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа на землю и всеобщемъ воскресеніи мертвыхъ. Спб. 1886 г. Ц. 15 к.

28) Разговоръ священника съ прихожаниномъ протавъ леченія заговорами. Соч. священника *Михаила Граникова*. Включена въ каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства *Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ отд. III для ученическихъ библиотекъ и для народнаго чтенія. Спб. 1885 г., 15 к.

29) Семейство Виваніи. Размышленія о болѣзни, смерти и воскресеніи Лазаря.

30) Поученія къ простому народу. *Іоанна Архангельскаго*, священника Саратовской Срѣтепской церкви Изд. 5-е. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ красивомъ переплетѣ 2 р. 25 к. Ученымъ Комитетомъ *Министерства Народнаго Просвѣщенія* одобрено для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

31) О подраженіи Христу. Четыре книги. Твореніе *Фомы Кемпійскаго*. Переводъ *А. Мъщанинова*. Изящное изданіе. Напечатанное въ 16-ю долю крупнымъ и четкимъ шрифтомъ. 700 стр. Ц. 1 р. Въ роскош. коленкор. переп. 1 р. 50 к.

32) Божественное лице и дѣло Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа. Спб. 1882 г. Цѣна 1 руб.

33) Поученія сельскаго пастыря. Священника *П. Боброва*. Изданіе 2-е. Спб. 1881 г. Ц. 1 руб. 25 коп. Въ красивомъ переплетѣ 2 руб.

34) Полное собраніе поученій протоіеря *Р. Путятина*. Съ портретомъ его, гравированнымъ на стали. Изданіе 20-е. Спб. 1884 г. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к. Въ роскошномъ коленкор. переплетѣ 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

35) Поученія на великіе праздники православной Церкви и на 1-ю недѣлю Великаго поста. Составленныя архимандритомъ *Іосифомъ*. Спб. 1881 г. Цѣна 1 р. Въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 50 к.

36) Отечникъ. Избранныя изрѣченія святыхъ иноковъ и повѣсти изъ жизни ихъ, собранныя епископомъ *Игнатіемъ* (Брянчаниновымъ). Съ приложеніемъ портрета преосвященнаго *Игнатія* и снимка съ его рукописи: „Предисловіе“ къ первому тому (аскетическихъ опытовъ). Большой томъ въ 8-ю д. л. 551 стр. четкой печати. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. Въ крас. колен. пер., съ золотымъ тисненіемъ 4 р.

37) О терпѣніи скорбей. Ученіе святыхъ отцовъ. Собранное епископомъ *Игнатіемъ* (Брянчаниновымъ). Изд. 2-е. Спб. 1882 г. Ц. 75 к. Въ крас. колен. переп. 1 р. 25 к. Ученымъ Комитетомъ *Министерства Народнаго Просвѣщенія* одобрено для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

38) О кончинѣ міра. 3 поученія изъ соч. Еписк. *Игнатія* (Брянчанинова). Изд. 2-е. Спб. 1881 г. Ц. 20 к. Ученымъ Комитетомъ *Министерства Народнаго Просвѣщенія* одобрено для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

39) Приготовленіе къ таинствамъ псовѣди и святаго причастія. Изъ соч. еп. *Игнатія* (Брянчанин.). Изд. 2-е. Спб. 1883 г. Ц. 30 к.

40) Анаѣистъ святому Ангелу неусыпаемому хранителю человѣческой жизни.

Издаиіе пятое. Съ изображеніемъ святаго Ангела. Гражданской печати. Роскопное издаиіе, отпечатано на веленевой бумагѣ, двумя красками, кружиной печати Спб. 1885 г. Цѣна 90 к., въ красивомъ переплетѣ 75 коп.

41) Характеръ протестантства и его историческое развитіе. Ректора (бывшаго) С.-Петербургской духовной семинаріи, архимандрита *Хрисанфа*. Изд. 2-е. Спб. 1871 года Ц. 75 г.

42) Бесѣды о Божественной литургіи архимандрита *Макарія* (Троицкаго). Бывшаго законоучителя Орловскаго Института благородныхъ дѣвицъ. Спб. 1881 г. Ц. 50 к., въ крас. перепл. 1 р.

43) Слова, бесѣды и поученія архимандрита *Макарія* (нынѣ епископа), говоренныя имъ въ бытность священникомъ въ городѣ Орлѣ и законоучителемъ въ Орловскомъ Александровскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ 1856—1879 г. Спб. 1881 г. 261 стр. Изящное изд. Ц. 1 р. 50 к. Въ красяв. перепл. съ золот. тиснен. 2 р. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

44) Толкованіе на псалмы. Составилъ *Палладій*, епископъ Саранульскій. Издаиіе 2-е, испр. и дополн. Вятка, 1874 г. Ц. 2 р.

45) Отвѣты на главнѣйшія возраженія противъ вѣры истиной. Спб. 1860 года Цѣна 50 к.

46) Потерянный рай. Поэма *Мильтона*. Перевелъ стихами *С. И. Писаревъ* Напечатано въ 8-ю долю листа, 500 страницъ, съ подробною біографіею Мильтона и съ рисункомъ съ картины: Милтонъ диктующій своей дочери поэму „Потерянный Рай“. Спб. 1871 г. Ц. 2 р.

47) Мессіада. Божественная поэма. Сочиненіе *Клопштока*. Перевелъ стихами *С. И. Писаревъ*. Въ 3-хъ частяхъ съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Посвящена Его Величеству Государю Императору Александру II-му. Въ 8 д. л., 900 стр. Спб. 1868 г. Ц. 4 р.

48) Катихизическія поученія (къ простому народу), на символъ вѣры, молитву Господню, блаженства Евангельскія и на десять заповѣдей Божіихъ. Составлены священникомъ Петромъ *Макаровымъ*. Отпечатано на хорошей бумагѣ, 284 стр. Спб. 1882 г. Цѣна 1 р. 50 к. Въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 2 р. 25 к.

49) Объ истинномъ христіанствѣ. Съ присовокупленіемъ райскаго вертограда, исполненнаго христіанскихъ добродѣтелей, или собранія поучительныхъ и утѣшительныхъ молитвъ. Сочиненіе *Іоанна Арндта*. Два тома въ 5-ти частяхъ. Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и начальныхъ школъ. Издаиіе 1875 г., напечатанное въ 8-ю долю листа 1240 страницъ. Цѣна 4 рубля.

50) Письма о христіанской жизни. Въ 4-хъ частяхъ. Епископа *Феофана*. Большой томъ, въ 8 д. л. 787 страницъ убористой печати. Спб. 1880 г. Цѣна 3 р. Въ хорошемъ коленкоровомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 4 р.

51) Бесѣды православнаго священника съ старообрядцами. Священника *Тимофея Твердынскаго*. Издаиіе 1876 года, напечатанное въ 8-ю долю листа, 730 стр. Посвященныя высокопреосвященному *Исидору* митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому. Цѣна 1 р. 75 к.

52) Духовныя стихотворенія Здѣшняго съ эпиграфомъ: Пою Богу моему дондеже семь. Издаиіе третье, дополненное 20-ю новыми стихотвореніями. Цѣна 75 к.

53) Вѣчное блаженство святыхъ. Сочиненіе *Ричарда Бакстра*. Переводъ съ французскаго *Андрея Свѣтлакова*, законоучителя Нижегород. губерн. гимназіи. Спб. 1882 г. 161 стр. Ц. 1 р. Въ красивомъ переплетѣ 1 р. 50 к.

54) Правила святой жизни. Изложены аввою *Бернардомъ*. Въ его бесѣдахъ съ своею сестрою монахиней. Переводъ съ французскаго языка, провѣренный по подлинному тексту латинскому. Спб. 1872 г. Ц. 50 к., въ роск. кол. перепл. 1 р.

55) Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ, поясняющихъ церковныя отъ Рождества Христова до 1879 года, Архиманд. *Арсенія* Спб. 1880 г. Ц. 4 р.

56) Проповѣди арх. *Анастасія*, инспектора Минской семинаріи Спб. 1880 г., въ 8 д. л., на хорошей бумагѣ. Ц. 1 р. 50 к., въ красивомъ переплетѣ 2 р.

57) Поминанье (для записыванія о здравіи и за упокой). Отпечатано на лучшей почтовой бумагѣ. Спб. 1880 г. Цѣна въ красилномъ коленкоровомъ переплетѣ съ футляромъ 60 к., а въ бархатѣ съ золотымъ обрѣзомъ и бронзой. Ц. 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.

58) Слова о священствѣ святаго отца нашего *Іоанна Златоустаго*, архіепископа Константинопольскаго. Перевелъ съ греческаго прот. *Іоаннъ Колоколовъ*, 2-е исправлен изд Спб. 1874 г. Ц. 50 к.

59) Нравственное ученіе святаго отца нашего *Исаака Сирина*. Спб. 1874 г. Ц. 50 к.

60) Систематическій сборникъ дѣйствующихъ постановленій по счетоводству и отчетности мѣстъ и властей вѣдомства Св. Синода. Сост. *Алексѣевъ*. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

61) Нравственныя бесѣды на воскресныя Евангелія. Перев. съ греческ. архим. *Неофита* (Пагидаса). Спб. 1884 г. Ц. 75 к.

62) Обзорніе Пророческихъ книгъ Ветхаго Завѣта. По утвержденной программѣ составилъ Алексій Хергозерскій. Изд. 3-е, исправленное. Спб. 1885 г. Ц. 1 р.

63) Поученія, сказанныя воспитанникамъ Смольнаго Александровскаго училища законоучителемъ ихъ протоіереемъ *И. К. Романовымъ*. (Съ портретомъ автора). Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к. Ученымъ Комитетомъ *Министерства Народнаго Просвѣщенія* одобрено для учебнческихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учеб. зав.

64) Поученія и нѣсколько словъ. Протоіерея *І. Романова*. Новый третій выпускъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р.

65) Учебники по Закону Божию сост. протоіер. *І. К. Романовымъ*. I. Законъ Божій для русскихъ народныхъ школъ. Въ 4-хъ выпускахъ, содержитъ въ себѣ:

Выпускъ 1-й. Молитвы, Заповѣди, Символъ вѣры, и о главнѣйшихъ праздникахъ православной Церкви. Изд. 7-е, исправленное. Спб. 1882 г. Ц. 20 к.

Допущено Ученымъ Комитетомъ *Министерства Народнаго Просвѣщенія*, для употребленія въ начальныхъ училищахъ въ качествѣ учебнаго руководства.

Выпускъ 2-й. О церкви какъ мѣстѣ общественнаго богослуженія, о принадлежностяхъ ея, съ присовокупленіемъ краткаго объясненія литургіи. Съ 100 рисунками, изображающими одежду, утварь и всѣ принадлежности Церкви. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. Спб. 1885 г. Ц. 25 к.

Выпускъ 3-й. Священная исторія Ветхаго Завѣта. Изданіе 4-е, исправленное. Спб. 1882 г. Ц. 2 р.

Выпускъ 4-й. Священная исторія Нов. Зав. Спб. 1873 г. Ц. 25 к.

II. Уроки Закона Божія по Катихизису. Изд. 2. Спб. 1883 г. Ц. 30 к.

Предлагаемый курсъ Закона Божія безъ затрудненія и обремененія учащихся проходитъ въ продолженіи одного учебнаго года, при двухъ урокахъ въ недѣлю.

III. Урокъ о богослуженіи православной Церкви. Съ 98-ю рисунками въ текстѣ. Изд. 1886 г., въ 16-ю долю листа, 250 стр. Ц. 50 к. Уроки эти составлены примѣнительно къ степени пониманія дѣтей отъ 12 до 14-лѣтняго возраста и въ такой мѣрѣ, въ какой можно легко пройти предметъ въ продолженіе учебнаго года.

IV. Уроки по церковной исторіи. Въ трехъ выпускахъ. Спб. 1886 года. Выпускъ 1. Исторія Церкви вселенской. Выпускъ 2. Исторія Церкви русской, — церкви въ Грузіи и церкви армянской. Выпускъ 3. Церкви западнаго; лютеранское и реформатское вѣроисповѣданіи; — англійская; отдѣльныя христіанскія общества на западѣ, объ іудействѣ или раввинизмѣ и магометанствѣ. Ц. 60 к.

V. О правильномъ и душеполезномъ приготовленіи къ исповѣди. Спб. 1872 г. Ц. 10 к.

VI. Краткіе уроки о нравственной христіанской жизни и о главнѣйшихъ обязанностяхъ христіанина. Спб. 1876 г. Ц. 15 к.

Ва пересылку книгъ магазинъ покорнѣйше проситъ прилагать примѣрно 15 к. на каждый рубль. Магазинъ снабженъ большимъ выборомъ книгъ духовно-нравственныхъ. Требованія гг. иногородныхъ исполняются съ первою почтой.

Только-что отпечатанъ *полный каталогъ книжнаго магазина на 1886 годъ* (преимущественно книгъ религіозно-нравственнаго содержанія), *цѣна 35 коп.* При требованіи на другія книги, каталогъ высылается безплатно.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: Спб., въ книжный магазинъ *И. Л. Тузова*, Большая Садовая, д. № 16.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1885 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полу-мѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала преисправляется въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~Вѣ~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.